

Центр геополитических исследований
Института стратегического анализа и прогноза
Кыргызско-Российского Славянского университета

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КЫРГЫЗСТАНА**

Сборник статей

Бишкек – 2017

УДК 21
ББК 86.3
О-11

Ответственный редактор:
А. Л. Салиев, доктор исторических наук

Рецензент:
Ю. В. Подкуйко, кандидат исторических наук, доцент

Авторский коллектив:
*М. К. Асанбеков, кандидат социологических наук,
З. Т. Мураталиева, кандидат политических наук,
А. Т. Эсенбекова, кандидат юридических наук,
Н. С. Таткало, П. С. Воробьев, Э. Д. Эржанова,
И. Ш. Асланова, Е. М. Омаров*

О-11 О некоторых проблемах религиозной безопасности Кыргызстана: Сб. ст. / Отв. ред. А. Л. Салиев; ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2017. – 158 с.

ISBN 978-9967-19-519-6

Издание посвящено исследованию мало изученных в Кыргызстане проблем религиозной безопасности как важной сферы национальной безопасности страны. В публикуемых статьях анализируется понятие религиозной безопасности, ее генезис и развитие, освещаются конкретные вопросы состояния и нерешенных проблем религиозной безопасности в Кыргызстане. Содержатся предложения и рекомендации по оптимизации этой важной для республики сферы национальной безопасности. Материалы сборника могут быть полезны для преподавателей, аспирантов и студентов, представят интерес для широкого круга читателей.

О 0403000000-17

**УДК 21
ББК 86.3**

ISBN 978-9967-19-519-6

© ИСАП КРСУ, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей посвящен актуальной теме, связанной с анализом некоторых проблем религиозной безопасности Кыргызстана. Издание подготовлено в рамках Центра геополитических исследований, функционирующего при ИСАП КРСУ, силами сотрудников института. В последние годы руководством страны и органами государственного управления уделяется большое внимание вопросам функционирования религиозных конфессий в Кыргызстане. В частности, существенно укрепилась законодательная база, регулирующая конфессиональные отношения в стране. Важную роль в регулировании процессов в религиозной сфере сыграли решения февральского 2014 г. Совета обороны Кыргызской Республики, в соответствии с которыми была разработана новая Концепция государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики на 2014–2020 годы, утвержденная Указом Президента КР от 14 ноября 2014 г. Успешно выполняется План действий по реализации Концепции, разработанный Государственной комиссией по делам религии при Президенте КР.

Вместе с тем религиозная ситуация, сложившаяся в Кыргызстане в последнее время, требует дополнительных усилий как со стороны государственных органов, так и со стороны общественных организаций, научных и творческих коллективов в ее углубленном анализе, дальнейшем совершенствовании аналитической и прогнозной работы по освещению деятельности основных конфессий страны. Статьи данного сборника преследуют именно такую цель, они конкретизируют мало изученную в Кыргызстане, однако приобретающую всё большую актуальность проблему религиозной безопасности. Религиозный и, в частности, исламский фактор играет всё

возрастающую роль в идеологической и политической жизни страны, и сравнительно новая дефиниция «религиозная безопасность» представляет новые возможности для совершенствования работы с религиозными конфессиями Кыргызстана. Кроме того, в рамках религиозной безопасности будут более эффективно решаться вопросы противодействия религиозному экстремизму и терроризму, по-прежнему остающимся одной из наиболее актуальных проблем обеспечения национальной безопасности Кыргызстана. Содержание статей сборника, по мнению авторов, привлечет внимание аналитиков и экспертов, студенческой молодежи, всех интересующихся проблемами религиоведения.

О ГЕНЕЗИСЕ И СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Для всестороннего и полного изучения вопроса религиозной безопасности – темы довольно актуальной в наши дни – необходимо, прежде всего, остановиться на анализе понятия религиозной безопасности как одного из важнейших элементов духовной и национальной безопасности государства.

Целями и задачами данной статьи являются:

- анализ определений «национальная безопасность», «духовная безопасность» и «религиозная безопасность»;
- выявление исторических предпосылок становления и развития института религиозной безопасности и его формирования в государстве как неотъемлемого элемента духовной и национальной безопасности;
- раскрытие понятия «религиозная безопасность» с выработкой дальнейших рекомендаций в регулировании вопроса обеспечения религиозной безопасности в контексте национальной безопасности.

В любое историческое время одной из важнейших обязанностей государства было обеспечение безопасности страны во всех сферах жизни общества. В самом общем виде под термином «безопасность» понимается «положение, при котором не угрожает опасность кому/чему-нибудь»¹. Но выработка понятия и изучение основ безопасности фактически началось только в XX в., когда в ходе исторического развития государств и обществ главным приоритетом их деятельности становится обеспечение национальной безопасности. В свою очередь, ее реализация невозможна без обеспечения духовной безопасности, важным сегментом которой выступает религиозная безопасность.

¹ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка // Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988.

Таким образом, духовная и религиозная безопасность, являясь составными частями национальной безопасности, органически взаимосвязаны, следовательно, усилия общества и государства должны быть направлены на разработку комплекса мероприятий, обеспечивающих надежную защиту всех сфер жизни социума в единстве.

Национальная безопасность в целом есть степень защищенности личности, семьи, общества и государства. Она может создаваться тремя путями: прямой защитой от конкретных внешних и внутренних угроз; упреждающей нейтрализацией источников опасности; развитием механизмов самосохранения и саморегулирования непосредственно у самих защищаемых объектов¹. Проблема обеспечения национальной безопасности и достойной реализации прав и свобод человека приобретает в современных условиях особую остроту и требует самого пристального внимания. В зависимости от ее реализации формируется внутренняя и внешняя политика государства, разрабатываются законодательные нормы, вырабатывается военная доктрина страны, строится духовная жизнь общества. Цель обеспечения безопасности прочно срослась с историческим процессом, на различных этапах которого раскрывается ее новое видение.

Идея национальной безопасности в современном ее понимании ведет отсчет с 1947 г., когда в США были созданы Совет национальной безопасности при президенте, а также Центральное разведывательное управление (ЦРУ), ставшие важнейшими институтами американской внешней политики во второй половине XX в.². Непреложным фактом национальной безопасности является то, что интересы государства неизменно должны находиться в гармоничном соотношении с интересами человека. Безопасность человека столь важна, что не сводима только

¹ Хвыля-Олинтер А. И. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. – М., 2008. – С. 10 // URL: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/spiritual_security.pdf

² Косолапов Н. А. Безопасность международная, национальная, глобальная: взаимодополняемость или противоречивость? // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 9. – С. 1–14 // URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/10227171?enc=zhc>

к его личным правам и свободам, она превосходит даже право на жизнь, она есть главная задача всего общества. По сути дела, безопасность государства начинается с безопасности личности.

Определение национальной безопасности содержится в законодательстве многих государств. К примеру, в России данный термин раскрывается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности»¹. Концепция Национальной безопасности Кыргызской Республики содержит следующее ее определение: «...это гарантированное состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз»².

Для более полного раскрытия понятия «национальная безопасность» необходимо рассмотреть различные научные подходы к определению данного термина. Доктор философских наук, профессор О. Н. Смолин под национальной безопасностью понимает «совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, полноценное

¹ Стратегия Национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г. // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.868767123332284#0>

² Концепция Национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. № 120 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367>

развитие общества и всех граждан»¹. По мнению видных российских ученых А. Б. Жбанкова и М. И. Дзлиева, национальная безопасность представляет собой «ключевое, базовое понятие, характеризующее защищенность всех систем жизнеобеспечения общества, человека и государства, материальной и духовной сфер социум»². Российский политолог Н. А. Косолапов даёт следующее определение национальной безопасности: «это стабильность, которая может поддерживаться на протяжении длительного времени, состояние достаточно разумной динамической защищенности от наиболее существенных из реально существующих угроз и опасностей, а также способности распознавать такие вызовы и своевременно принимать необходимые меры для их нейтрализации»³.

Как уже было отмечено выше, неотъемлемой частью национальной безопасности любого демократического государства является духовная безопасность, включающая в себя, в свою очередь, религиозную безопасность. В связи с активизацией радикальных религиозных сил в современном мире обеспечение религиозной безопасности государства представляется важной задачей.

Для обеспечения религиозной безопасности внутри государства, по мнению учёных, необходимо проводить комплекс мер, направленных на укрепление *духовной безопасности* – то есть достижения «качественной характеристики состояния общества в аспекте его духовно-нравственной и мировоззренческой состоятельности, потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых, социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов,

¹ Смолин О. Н. Философско-экономические основы образовательной и научно-инновационной политики в современной России // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2007. – № 1. – С. 4–18 // URL: <https://readera.ru/read/140130524>

² Жбанков А. Б., Дзлиев М. И. Духовные аспекты качества жизни в контексте национальной безопасности // Философские науки. Спецвып. – 2011. – 2/11. – С. 58–70 // URL: <http://www.academyrh.info/html/spec/spec-2-2011.pdf>

³ Косолапов Н. А. Безопасность международная, национальная, глобальная: взаимодополняемость или противоречивость? ...

идеологии и культуры»¹. Следует сказать о том, что в науке не существует общепринятого определения данного понятия. Например, украинский ученый Д. В. Зеркалов понимает под духовной безопасностью «систему отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для созидательной духовной жизни и здорового социально-нравственного развития»². По мнению заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора культурологии А. С. Запесоцкого, духовная безопасность представлена в качестве «системы условий, позволяющих культуре и обществу сохранять жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы»³. Таким образом, на сегодняшний день дать четкое определение духовной безопасности довольно сложно, так как трудно выделить основные критерии безопасности в столь деликатной сфере общественной жизни.

Для достижения духовной безопасности необходимо полное гармоничное развитие духовной сферы, являющейся специфической частью национальной безопасности государства. Духовная безопасность связана с идеалами, прежде всего, духовного и нравственно-этического порядка населения страны и напрямую зависит от того, насколько государство может обеспечить гражданам достойный уровень жизни, развивая национальную экономику. Не подлежит сомнению, что все правовые государства стремятся обеспечить своим гражданам указанные выше условия. Они прописаны в Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики⁴ – документе, который

¹ Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности России: проблемы институционализации и модели решения: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Ростов-н/Д., 2009. – С. 13 // URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003486850> (из фондов РГБ).

² Зеркалов Д. В. Духовная безопасность. – Киев: Основа, 2012. – С. 4 // URL: <http://os.x-pdf.ru/20tehnicheckie/292288-1-d-zerkalov-duhovnaya...php>

³ Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. – 2002. – № 2. – С. 3–8 // URL: <http://image.websib.ru/03/cultur/zapesotsky.html>

⁴ Концепция Национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. № 120 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367>

отражает официальную систему взглядов и идей по обеспечению безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности на длительный период.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод о важной роли религиозной безопасности как неотъемлемой части безопасности духовной.

Вопрос обеспечения *религиозной безопасности* владели умами людей начиная с древних времен. Уже тогда на первичном уровне формировалось определенное законодательство, направленное на защиту главенствующей религии (зачастую исполнявшей роль и государственной религии) и на ограждение от посягательств на государственную власть. Для примера можно привести «Свод Юстиниана» – сборник законов Византийской империи, датируемый VI в., где одними из первых были поставлены и отрегулированы вопросы взаимодействия главенствующей религии (Христианская церковь) и государственной власти, а также преследования религиозного инакомыслия со стороны государства. В Российской империи, куда на протяжении длительного времени входила и территория современного Кыргызстана¹, законодательство разрешало исповедовать все существующие религии, но при этом положение верующих различных религиозных общин было не одинаковым. Христианские исповедания имели преимущество над нехристианскими, публичная деятельность иных исповеданий была запрещена².

Однако определить генезис понятия «религиозная безопасность» довольно проблематично, так как и по настоящее время нет единой дефиниции данного термина. При этом следует отметить, что понятие «религиозная безопасность» непосредственно связано с религией и государством, ведь довольно

¹ В состав Российской Империи северный Кыргызстан вошел в период 1855–1869 гг., южный Кыргызстан в составе Кокандского ханства был завоеван в 1876 г. // URL: <http://www.allkyrgyzstan.com/kyrgyzstan/history.htm>

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – С. 74–78 // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=78>

долгое время – в период развития и становления человечества – религия и государственная власть если не ассоциировались как единое целое, то всегда шли рядом, рука об руку. Данное «сотрудничество» государственной власти и религии отражалось и на безопасности как государственной власти в лице его правителей, так и всего государства в целом.

В современной научной литературе можно встретить различные подходы к определению религиозной безопасности. Но само понятие этого вида безопасности столь обширно, что большинство определений не охватывает всех угроз, которые влияют на религиозную безопасность, в связи с чем дать какое-то единое определение данному понятию довольно проблематично. В частности, в науке исследовались политические, социальные, философские аспекты данного вопроса, предпринимались попытки исследования юридических механизмов обеспечения религиозной безопасности. Несмотря на то, что тема религиозной безопасности довольно актуальна в сегодняшнем мире, термин «религиозная безопасность» до сих пор не имеет единого устоявшегося научного определения, что представляет собой сложную полемическую проблему¹.

В силу множества различных подходов и взглядов на сущность религиозной безопасности, учёными даны её определения, имеющие свои отличительные особенности. К примеру, по мнению российского учёного С. В. Козлова, занимающегося вопросами религиозной безопасности в контексте национальной безопасности Российской Федерации, религиозная безопасность – «это комплексное многоаспектное понятие, одной из составляющих которого является состояние стабильного существования, воспроизводства и самобытного развития конфессиональных традиций народа России»². Российский правовед

¹ *Тарасевич И. А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: Дис. ... д-ра юр. наук. – Тюмень, 2014. – С. 6 // URL: <http://sartraccc.ru/Disser/tarasevich.pdf>

² *Козлов С. В.* Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности: Дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-н/Д., 2007. – С. 7 // URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003308397>

Е. М. Шевкопляс предлагает использовать понятие религиозной безопасности как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от религиозного экстремизма, оккультизма и духовной агрессии»¹. Бывший генеральный прокурор Российской Федерации, доктор юридических наук А. И. Казанник под религиозной безопасностью понимает «систему гарантий свободы совести и вероисповедания внутри страны, состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от религиозного экстремизма и духовной агрессии»². По мнению Ю. Г. Федотовой, религиозная безопасность предполагает «безопасность интересов личности, общества и государства, связанных с реализацией и защитой права на свободу вероисповедания, а также соответствующих общественных отношений, в том числе тех, которые не являются правоотношениями»³. С точки зрения кандидата педагогических наук О. М. Гайдуковой, «под религиозной безопасностью ... мы понимаем состояние защищенности национальных интересов в религиозной сфере, определяющее развитие государственно-конфессиональных отношений и межконфессионального диалога»⁴. В данном контексте наиболее точной и ёмкой, на наш взгляд, видится дефиниция российского правоведа, доктора юридических наук, специализирующегося на тематике правовых проблем в религиозной сфере, И. А. Тарасевича: «...религиозная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в религиозной сфере»⁵.

¹ Шевкопляс Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России: Дис. ... канд. юр. наук. – Омск, 1999. – С. 174–175 // URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000278919>

² См. там же.

³ Федотова Ю. Г. Понятие и элементы религиозной безопасности // Юридический мир. – 2015. – № 10. – С. 56–60 // URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=5342>

⁴ Гайдунова О. М. Право на религиозную безопасность и некоторые особенности его правового регулирования // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 10. – С. 23–26 // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23561609_14705941.PDF

⁵ Тарасевич И. А. Религиозная безопасность как ключевая сфера национальной безопасности Российской Федерации // Пробелы в российском

Приведенные выше определения, по сути, отражают единый смысл и аспекты, на которые должна распространяться религиозная безопасность, – это непосредственно сама личность человека, общество и государство. Религиозная безопасность должна рассматриваться:

– как состояние защищённости религиозной сферы от деструктивных и дестабилизирующих внутренних и внешних воздействий, способствующее демократическому общественному развитию;

– как свойство религиозной сферы, проявляющееся в ее стабильности, динамичности, устойчивости, способности сохранять свои сущностные характеристики, в отсутствии противоречий в развитии и функционировании, которые могут привести к ее резким качественным изменениям;

– как важнейшая атрибутивная характеристика общественной системы, условие её эволюционно-прогрессивного развития¹.

Для полного понимания сущности религиозной безопасности необходимо подвергнуть анализу не только работу научных кругов, но и изучить международные документы, регулирующие вопросы этого вида безопасности, а также непосредственно изучить законодательство в сфере религиозной и национальной безопасности различных государств. Как отмечалось выше, всё ещё не выработано устоявшегося определения понятия «религиозная безопасность», но это не становится преградой для проведения работы по разработке и интеграции во внутреннее законодательство нормативных актов, направленных на регулирование отношений в религиозной сфере, как неотъемлемой части национальной безопасности государства. Ведь стабильность в религиозной сфере жизни в любом демократическом государстве является одним из важнейших факторов его благополучия. Наличие угроз в обеспечении религиозной безопасности – это

законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 10–14 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/1-1-religioznaya-bezopasnost-kak-klyuchevaya-sfera-natsionalnoy-bezopasnosti...>

¹ Молодов О. Б. Конфессиональный фактор духовной безопасности России и Беларуси // Армия и общество. – 2013 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konfessionalnyy-faktor-duhovnoy-bezopasnosti-rossii-i-belarusi>

«целый комплекс условий и факторов нарушения конституционных прав человека и гражданина, суверенитета и территориальной целостности»¹ государства, его способности к устойчивому развитию и, в конечном счете, подрыв основ конституционного и государственного строя.

Одним из аспектов, без которого не может обеспечиваться религиозная безопасность, является индивид, то есть личность человека, человек, имеющий от природы естественные права. Неотъемлемые (естественные) права человека закреплены в основополагающем международном документе – Всеобщей декларации прав человека, в статьях которой впервые приводится единое определение прав, которыми обладают все люди, без каких-либо ущемлений. Всеобщая декларация прав человека ратифицирована почти всеми странами мира, что накладывает на них ответственность гарантировать исполнение взятых на себя обязательств по защите основных прав человека. В их числе приводится и право на свободу вероисповедания: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию...»². Также в документе провозглашается, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»³.

Во многих странах формируется законодательная основа для обеспечения религиозной безопасности. Так, в современном законодательстве Российской Федерации существуют специальные нормы, направленные на противодействие религиозному экстремизму, они содержатся в Конституции РФ, федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях»,

¹ Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации... – С. 7.

² Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. – Ст. 18 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr

³ См. там же. – Ст. 1.

федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» и других нормативных документах¹.

Кыргызская Республика в своем законодательстве также не могла не отразить проблему противодействия религиозному экстремизму и соблюдения норм свободы вероисповедания. Эти нормы содержатся в Конституции КР (несмотря на то, что Конституция КР неоднократно подвергалась изменению, нормы о противодействии экстремизму всегда включались в ее окончательную редакцию), в законе «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», законе «О противодействии экстремистской деятельности» и других законодательных актах². Однако наличие угроз религиозной безопасности системного характера требует дальнейшего изучения и выработки механизмов их нейтрализации с использованием всех ресурсов государства и общества. При этом одним из основополагающих условий обеспечения национальной безопасности государства является духовная и религиозная безопасность. Ведь реалии сегодняшнего мира таковы, что в той или иной степени с проблемой обеспечения религиозной безопасности сталкиваются во многих странах мира, где главной целью государства становится предотвращение конфликтов на религиозной почве и, тем самым, гарантирование национальной безопасности.

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с поправ.). – Ст. 14, 28 // URL: <http://constitution.kremlin.ru/>; Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (по сост. на 06.07.2016 г.) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201193&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.07801604534741724#0>; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (по сост. на 23.11.2015 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ и др.

² Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. – Ст. 7, 20 // URL: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru; Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. № 282 (с изм.) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498>; Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. № 150 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748/10?cl=ru-ru> и др.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Развитие государственно-конфессиональных отношений в Кыргызской Республике прошло несколько этапов, для каждого из которых было характерно определенное понимание рисков и угроз в сфере обеспечения религиозной безопасности. Концепция государственной политики в религиозной сфере, принятая в 2006 г.¹, выделяет четыре качественных этапа:

первый этап – начало демократических преобразований в республике, построение демократического государства; принятие в 1991 г. закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях»; впервые законодательно провозглашена и закреплена свобода вероисповедания;

второй этап – формирование нормативно-правовой базы государственной политики в отношении религий и религиозных организаций; принятие 5 мая 1993 г. первой Конституции независимого Кыргызстана;

третий этап – становление и развитие государственно-конфессиональных отношений, утверждение мер по защите интересов всех граждан, верующих и неверующих, начало процесса активного влияния государственной политики на ситуацию в религиозной сфере; принятие 14 ноября 1996 г. указа президента КР «О мерах по реализации прав граждан Кыргызской Республики на свободу совести и вероисповедания»;

четвертый этап – формирование необходимости единого понимания сути государственно-религиозных отношений,

¹ Концепция государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики. Утв. постановлением Правительства КР от 6 мая 2006 г. № 324 (утратила силу) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/57409>

совокупности взглядов на состояние, цели, принципы и основные задачи в сфере отношений органов государственной власти с религиозными объединениями, с учетом соблюдения баланса интересов религиозной и нерелигиозной части общества; необходимость устранения пробелов в законодательстве для решения проблем, тормозящих конструктивное развитие поликонфессионального общества.

Данная классификация этапов не представляет существенной характеристики периодов развития государственно-конфессиональных отношений в Кыргызской Республике, однако является ярким примером восприятия, а также дискурса вокруг религиозной ситуации в обществе и государстве. Анализ внутренней среды при обозначении рисков и угроз в религиозной сфере является существенным в данном плане, так как позволяет оценить влияние изменения религиозного ландшафта страны на формирование политического дискурса, смену либеральной политики государства в отношении религиозных организаций на более жесткую и секьюритизацию ряда вопросов. В этом плане целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть изменение государственной политики в сфере регулирования религиозных вопросов в контексте смены политических режимов в стране, влияния региональных и нерегиональных акторов на вопросы безопасности, а также проблемы распространения экстремистских и террористических идей.

Необходимо отметить, что каждый режим трех бывших президентов КР характеризуется определенными качественными и количественными изменениями в вопросах религиозной безопасности. Исходя из этого, нами выделены следующие этапы:

- **первый этап – 1991–2005 гг.** – период становления государственно-конфессиональных отношений и создания нормативно-правовой базы – связан с президентством А. Акаева, когда открыто была провозглашена свобода вероисповедания, гарантированная всем религиозным течениям, включавшая в себя свободное проведение миссионерской деятельности. Единственное ограничение касалось создания политических партий, основанных на религии;

• **второй этап – 2005–2010 гг.** – период установления контроля над религиозными организациями, нашедшего отражение в законодательстве КР, связан с периодом правления К. Бакиева. Этот этап характеризуется началом секьюритизации ряда вопросов, связанных с религией, и выделением религиозного (исламского) экстремизма в качестве основной угрозы религиозной безопасности;

• **третий этап – с 2010 г. по настоящее время** – период активизации националистической риторики, связанной также и с религиозной идентичностью, утверждения религиозного экстремизма в качестве главной угрозы национальной безопасности и соответствующего реформирования нормативно-правовой базы. Данный этап связан с периодом президентства А. Атамбаева.

Первый этап. Кыргызстан является первой центрально-азиатской республикой, где начали формироваться демократические институты и демократическая оппозиция Коммунистической партии СССР, долгое время обладавшей монопольным правом на политическую власть. На выборах 12 октября 1991 г. президентом был избран А. Акаев, а в мае 1993 г. принята новая Конституция независимого Кыргызстана. Президентом А. Акаевым был взят чёткий курс на демократизацию и либерализацию законодательства. Как отмечали в своих отчетах Государственный департамент США и Хельсинкский комитет, Кыргызстан стоит выше других республик Центральной Азии по обеспечению прав человека и прав этнических меньшинств¹. Реформы коснулись и религиозной сферы: всем религиозным течениям (даже таким неоднозначным, как кришнаиты) была гарантирована свобода вероисповедания, включая свободное проведение миссионерской деятельности. Единственное ограничение касалось создания политических партий, основанных на религии.

После распада СССР в декабре 1991 г. Верховный Совет КР принимает закон «О свободе вероисповедания и религиозных

¹ Kyrgyzstan. Political conditions in the post-soviet era // Alert series. – Washington DC, 1993. – September. – P. 4.

организациях»¹, направленный на восстановление роли конфессий в духовной жизни общества и построение отношений государства с религиозными организациями. В основе этого закона лежали нормы Итогового документа Венской встречи от 19 января 1989 г. В целом, законодательство, принятое в первые годы независимости Кыргызстана, отвечало нормам либерально-демократической модели общественно-политического и социально-экономического становления. По общей оценке исследователей, данный закон минимизировал государственно-правовое вмешательство в деятельность религиозных организаций, обеспечивая их полноценное участие в общественной жизни страны², и впервые в истории республики предусматривал подлинную независимость религиозных организаций от государства³.

Этот период характеризуется формированием новой религиозной картины в стране: многочисленные религиозные группы получают право на свободу вероисповедания; граждане КР получают доступ к религиозным иностранным образовательным институтам; активно строятся объекты религиозного назначения. Согласно официальным данным, на момент провозглашения независимости на территории Кыргызстана функционировало 103 объекта религиозного назначения, самыми крупными из которых являлись приходы РПЦ (26) и относящиеся к исламу организации (40)⁴. К концу президентства Акаева учетную регистрацию в уполномоченном государственном органе получили порядка 1800 организаций исламского направления, около 300 – христианского толка, а также организации, представляющие иудеев, буддистов и новые религиозные движения⁵.

¹ Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 16 декабря 1991 г. // Законы и постановления, принятые восьмой сессией Верховного Совета КР двенадцатого созыва. – Ч. 1. – Бишкек, 1993. – С. 251–259.

² *Исмаилов Н. А.* Конституционно-правовые основы деятельности религиозных организаций в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2008. – С. 28.

³ *Курбанова Н. У.* Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана на рубеже XX–XXI вв. – Бишкек: Алтын Тамга, 2010. – С. 25.

⁴ Там же. – С. 23.

⁵ *Кабак Д., Эсенгельдиев А.* Свобода вероисповедания в Кыргызской Республике: обзор правового обеспечения и практики. – Бишкек, 2011. – С. 15.

При этом значительная доля зарегистрированных религиозных объединений в рамках христианских организаций была представлена различными протестантскими течениями, в то время как приходы РПЦ значительно сократились в силу оттока этнических русских после развала Союза.

Данные процессы получили неоднозначную оценку как со стороны государственных деятелей, так и со стороны экспертного сообщества: уже через несколько лет всё более явным становится дискурс по негативному оцениванию государственной политики и нормативной базы. Исследователи в данной области отмечали, что «чрезмерная либеральность» закона и «упрощенная система регистрации для различных вер, течений и сект, и почти не ограниченная свобода действий, предоставляли раздолье для деятельности культовых сект по принципу “делай, что хочешь”»¹. Как результат, по мнению исследователей, в стране стали распространяться деструктивные, экстремистские и оккультные вероучения, активизировалась пропаганда исламского фанатизма, главным образом представленного международной панисламистской партией «Хизб ут-Тахрир»².

Вследствие активной миссионерской деятельности новых религиозных групп на повестку дня выходят вопросы прозелитизма – перехода этнических кыргызов и представителей других этнических групп в новые религиозные течения и протестантизм. Данная категория граждан стала восприниматься в качестве предателей не только «религии отцов», но и народа в целом³. Религия непосредственно связывалась с этничностью,

¹ Курбанова Н. У. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана на рубеже XX–XXI вв. ... – С. 26.

² Курбанова Н. У. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана...; Мурзахалилов К., Маматалиев К., Мамаюсупов О. Ислам в условиях демократического развития Кыргызстана: сравнительный анализ // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 3 (39) – С. 53–65; Малтабаров Б. А. Религиозные организации как особая форма добровольности в Кыргызской Республике // Вестник КНУ. – Бишкек, 2014. – Вып. 2. – С. 133–137.

³ Абдырахманов Т. А., Курбанова Н. У. Проблемы этноконфессиональных взаимоотношений в современном Кыргызстане: поиски путей решения (03.11.2010) // Ислам в СНГ. – URL: http://www.islamsng.com/kgz/opinion/404#_ftn2

и даже официальные данные по количеству верующих в стране основывались на этнической составляющей (утверждение о 90% мусульманского населения Кыргызстана). Это с неизбежностью отразилось в активном использовании в СМИ и выступлениях официальных лиц таких противопоставлений, как «традиционные/нетрадиционные религии», «деструктивные секты», «тоталитарные культы» и др.¹

Уже в 1994 г. руководство Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК) в лице муфтия Кимсанбая ажи и Русской православной церкви (РПЦ) в лице отца Владимира Савицкого обратились к правительству страны с предложением внести дополнения в существующий закон, ограничивающие деятельность нетрадиционных религий². Н. У. Курбанова, исследователь в области государственно-конфессиональных отношений, отмечает, что в этот период новые религиозные движения рассматривались как «религиозно-культурная экспансия чужой традиции», в связи с чем звучали требования об их запрещении, так как они являются «фактором угрозы государственной и национальной безопасности и источником напряженности в обществе, вносящим остроту в межконфессиональные отношения»³. Подобного рода сентенции находили широкое отражение в средствах массовой информации и общественном дискурсе⁴.

¹ Секты – угроза миру: Обращение руководства мусульманского духовенства и благочинной Русской православной церкви Кыргызстана к правительству КР / Кимсанбай ажи, отец Владимир Савицкий // Слово Кыргызстана. – 1994. – 1 октября. – С. 4; *Лыткин Ю.* Лицемерие // Вечерний Бишкек. – 1995. – 10 февраля. – С. 3; *Скородумова Е.* Спасет ли нас господь? Эпицентр. // Вечерний Бишкек. – 1997. – 24 ноября. – С. 2.

² Секты – угроза миру...

³ *Курбанова Н. У.* Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана... – С. 151.

⁴ См.: Секты – угроза миру...; *Каханов Н.* Слово о долготерпении // Комсомольская правда. – 1996. – 26 июля. – С. 8; *Каханов Н.* Крупицы отвоеванной правды // Слово Кыргызстана. – 1996. – 19 декабря. – С. 13; *Андреева В.* Что посеяли Адам и Ева в Эдемском саду? // Вечерний Бишкек. – 1996. – 13 декабря. – С. 3; *Асланова И.* Психологический портрет или тайны тоталитарных сект // Вечерний Бишкек. – 2000. – 10 октября. – С. 4; *Плетнева М., Скородумова Е.* Бойтесь чужих пророков // Вечерний Бишкек. – 2000. – 8 сентября. – С. 10. и др.

Как следствие, в августе 1995 г. правительство страны принимает постановление «О религиозной обстановке в Кыргызской Республике и задачах органов власти по формированию государственной политики в религиозной сфере», в котором отмечается, что религиозная обстановка выпала из поля зрения государственных органов. В документе сказано, что «по сути происходит целенаправленное внедрение различных религиозных вероучений и течений, что вызывает обеспокоенность не только общественности, но и официально действующих религиозных центров и объединений... При этом если христианские миссионеры протестантского толка ставят своей целью сплошную евангелизацию населения республики, в том числе коренного, то миссионеры “священного ислама” одержимы идеей строительства исламского государства»¹. Таким образом, главным источником дестабилизации в религиозной сфере была признана миссионерская деятельность исламских проповедников и проповедников так называемых «нетрадиционных религий».

Далее в результате возрастания антирелигиозных настроений в обществе принимается ряд важных нормативно-правовых актов², направленных на систематизацию деятельности религиозных организаций и установление контроля над «деструктивными» явлениями в религиозной сфере. Среди прочего, был запрещен ряд религиозных организаций, представляющих «угрозу государственной и общественной безопасности и социальной стабильности»

¹ Постановление Правительства КР от 10 августа 1995 г. № 345 «О религиозной обстановке в Кыргызской Республике и задачах органов власти по формированию государственной политики в религиозной сфере» // URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30216141

² Указ Президента КР «О мерах по реализации прав граждан Кыргызской Республики на свободу совести и вероисповедания» от 14 ноября 1996 г. (включ.: Временное положение о регистрации религиозных организаций; Временное положение о регистрации миссий зарубежных организаций; Временное положение о религиозном обучении); Постановление Правительства КР «О ходе выполнения постановления Правительства КР от 10 августа 1995 г. № 345 “О религиозной обстановке в Кыргызской Республике и задачах органов власти по формированию государственной политики в религиозной сфере”» от 17 января 1997 г. № 20; Постановление правительства КР «Об организации и осуществлении паломничества в Мекку (Хадж Умра)» от 19 февраля 1998 г. и др.

(«Акромия», «Хизб ут-Тахрир»). Институционализация инициатив была достигнута посредством создания соответствующего уполномоченного органа – Государственной комиссии по делам религии (ГКДР), основной задачей которой является формирование и реализация государственной религиозной политики.

Баткенские события 1999 и 2000 гг. дали новый нормотворческий импульс: правительством был утвержден план мероприятий по борьбе с религиозным экстремизмом, недопущению политизации ислама, работе с религиозными экстремистскими организациями. Ряд отечественных ученых рассматривали Афганистан и талибов (их поддержку ИДУ и уйгурских сепаратистов) как источник непосредственной угрозы Кыргызстану и прогнозировали дестабилизацию по всему региону¹. Примечательно, что политизация религии рассматривалась в одном ряду с религиозным экстремизмом, более того, как его проявление. С этим в значительной степени связано определение партии «Хизб ут-Тахрир» в качестве экстремистской организации и запрет ее деятельности в Кыргызстане и странах Центральной Азии. При этом основными источниками распространения исламистских идей указывались усиление влияния «внешнего» ислама, проповедников из Саудовской Аравии, наркобизнес и др.

Актуальность борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом также была продиктована процессами, происходившими на международной арене и связанными с событиями 11 сентября 2001 г. в США. Как следствие террористических атак в Нью-Йорке и последующих военных действий в Афганистане международные организации и правительства целого ряда стран были вынуждены пересмотреть существующие подходы по обеспечению международной и национальной безопасности. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, на момент данных событий можно было говорить о «существовании в мире устойчивой тенденции к переносу центра тяжести в борьбе с терроризмом в сторону силовых мер, вынужденного

¹ *Князев А. А.* Проблемы безопасности Кыргызстана и Центральной Азии в контексте истории афганской войны. 1990-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Бишкек, 2001.

ужесточения законодательства и введения различного рода ограничений гражданских прав и свобод»¹.

На региональном уровне изменения обуславливались реформированием форм действия существовавших ранее акторов по обеспечению региональной безопасности и подписанием многосторонних договоров, устанавливающих формы сотрудничества в региональной антитеррористической сфере. Так, Договор о коллективной безопасности, подписанный в 1992 г. рядом новых независимых постсоветских республик, в 2002 г. был преобразован в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Одним из основных направлений сотрудничества стран-членов ОДКБ рассматривалась «борьба с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом»². Значимым документом является Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.³. Также следует отметить и ранее подписанные соглашения, такие как: Бишкекский меморандум о сотрудничестве и взаимодействии правоохранительных органов и спецслужб Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 2 декабря 1999 г.; Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 г. и др. В данных актах, устанавливающих формы сотрудничества в региональной антитеррористической сфере, дается определение терроризма и иных основных понятий, необходимых для уголовно-правовой квалификации террористических деяний, а также предложена институциональная система для их реализации⁴.

¹ *Остроухов В. В.* Актуальные вопросы борьбы с международным терроризмом на современном этапе // *Право и безопасность*. – 2003. – № 3–4 (8–9).

² Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа: Мы – единое пространство безопасности (22.05.2008) // *Красная звезда*. – 2008. – 22 мая.

³ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (в ред. от 5 сентября 2003 г.) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17363>

⁴ *Чернядьева Н. А.* Антитеррористические соглашения СНГ и ШОС: основные проблемы междоговорного согласования // *Евразийская безопасность*. – 2015. – 3 (82) // URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_

Однако со стороны гражданского общества и неправительственных организаций деятельность региональных акторов безопасности оценивалась неоднозначно. В частности, в отчете правозащитных организаций, посвященном рассмотрению нарушения прав человека в рамках противодействия экстремизму и терроризму, отмечается, что «трагедия 9 сентября 2001 г. дала новый импульс обоснованию жесткой политики безопасности, зачастую приводящей к репрессивным мерам против гражданского общества и серьезным правонарушениям»¹. В нем также сказано, что «за более чем десять лет существования ШОС правозащитники из стран-участниц этой организации зафиксировали многочисленные серьезные нарушения прав человека, обусловленные нормами регионального сотрудничества между этими странами и реализацией соглашений в соответствии с политической концепцией и характерным видением стратегии по безопасности ШОС, провозгласившей своей основной целью борьбу с “тремя силами зла”: терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. При этом всё чаще документируются нарушения таких основных прав и свобод личности, как право на частную жизнь, на свободу выражения, на мирные собрания и ассоциации, на право убежища и на защиту от пыток. У жертв этих нарушений практически нет доступа к эффективным средствам юридической защиты на национальном уровне»².

В целом, период президентства А. Акаева характеризуется становлением новой религиозной картины Кыргызстана, обусловленной открытием границ и инициативами правового регулирования религиозных организаций. Эксперты отмечают, что А. Акаев был у руля власти в непростое для молодой республики время; первый президент был более занят вопросами

content&view=article&id=7280:2015-04-23-05-57-58&catid=557:2017-03-14-14-06-29&Itemid=821

¹ Новый отчет FIDH: Шанхайская организация сотрудничества: благодатная почва для нарушений прав человека (03.09.2012) // FIDH – Worldwide Movement for Human Rights (Международная федерация за права человека) // URL: <https://www.fidh.org/ru/tematicheskie-napravleniya/terrorizm-slezhka-i-prava-cheloveka/Novyj-otchet-FIDH-SHanhajskaya-12106>

² Там же.

построения суверенного и экономически сильного Кыргызстана; глобальные угрозы в лице международного терроризма только выходили на повестку дня¹. В части религиозной политики Эмиль Насритдинов характеризует данный период как период индифферентного либерализма².

Данный период характеризуется также началом формирования общественного и политического дискурса вокруг так называемых угроз в религиозной сфере, среди которых особое внимание уделялось экспансии нетрадиционных религиозных течений. В качестве последних рассматривались, главным образом, иностранные миссионерские группы христианского и исламского направления и, позднее, исламистские группы террористического и экстремистского характера. На формирование дискурса в значительной степени оказали влияние внешние международные и региональные акторы. Так, в дискурсе об угрозе со стороны новых и «нетрадиционных» религиозных движений ведущую роль сыграла Россия, что, в принципе, справедливо и по отношению к угрозам терроризма и экстремизма, однако здесь также не последнюю роль сыграла общая международная обстановка в данном направлении.

Второй этап. Период правления К. Бакиева, пришедшего к власти после так называемой «тюльпановой революции» в марте 2005 г., в общем характеризуется как авторитарный. С данным этапом связано принятие ряда важных актов и решений, которые актуальны и по сей день. По оценке некоторых исследователей, начиная с 2006 г. государство активизирует деятельность в религиозной сфере в связи с назревшими проблемами, «требующими безотлагательных решений: проблемами прозелитизма, межконфессиональными конфликтами, активизацией экстремизма в обществе»³.

В мае 2006 г. принимается Концепция государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики. В ней

¹ Абдирасулова Гульшайыр. Личное интервью. 11.05.2017.

² Насритдинов Эмиль. Личное интервью. 11.05.2017.

³ Курбанова Н. У. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана... – С. 29.

Русская православная церковь и ислам суннитского направления выделялись в качестве традиционных для страны религиозных объединений, особо отмечалось, что «межрелигиозные и государственно-конфессиональные отношения в Кыргызстане во многом зависят от отношений государства с этими религиозными организациями»¹. Забегая вперед, следует заметить, что практически ни одно положение данной Концепции реализовано не было, однако она задала широкий дискурс по обсуждению «традиционности» религий и возможных предпочтениях.

12 июня 2006 г. в Бишкеке на конференции, посвященной законодательству Кыргызской Республики по религиозным вопросам и путям его совершенствования, госсекретарь КР А. Мадумаров предложил ужесточить законодательство в религиозной сфере, взяв под жесткий контроль все финансовые потоки из-за рубежа, направляемые на поддержку религиозных общин в постреволюционной республике. «Это в интересах безопасности граждан Кыргызстана, – отметил он. – К нам приезжает большое число религиозных деятелей. Чему они учат? В духе чего воспитывают? Государство обязано об этом знать»². Тогда же было упомянуто об обязательной процедуре регистрации для всех деятелей в духовной сфере. В дальнейшем были инициированы соответствующие реформы в нормативно-правовой базе Кыргызстана, регулирующей религиозную сферу.

Одним из первых документов, подписанных К. Бакиевым через три дня после инаугурации – 17 августа 2005 г. – был закон «О противодействии экстремистской деятельности»³. Нельзя сказать, что данная инициатива была представлена в период президентства К. Бакиева, так как работа началась еще во время президентства А. Акаева и была продиктована ситуацией,

¹ Концепция государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики. Утв. постановлением Правительства КР от 6 мая 2006 г. № 324 (утрат. силу) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/57409?cl=ru-ru>

² Руководство Кыргызстана намерено ужесточить законодательство о религии (12 июля 2006) // URL: <https://24.kg/archive/ru/community/4118-2006/07/12/4414.html/>

³ Жусупалиев Э. В Кыргызстане принят закон о борьбе с экстремизмом (07.09.2005) // URL: <http://www.fergananeews.com/articles/3951>

сложившейся во внешней среде. Принятию закона предшествовала Шанхайская конвенция 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», которая была ратифицирована законом КР в 2002 г. Далее, партнеры КР принимают соответствующие законы о противодействии экстремистской деятельности: Российская Федерация – в 2002 г., Таджикистан – в 2003 г., Казахстан – в 2005 г. По оценке отечественного юриста Л. Ч. Сыдыковой, «всё это свидетельствует о достаточно высокой степени актуальности противодействия экстремизму, который активно набирает силу и приобретает не только региональный или местный характер распространения, но и международный»¹. Она также отмечает, что данное обстоятельство легло в основу разработки модельного закона «О противодействии экстремизму» Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ в 2009 г.²

Как считает эксперт по религиозным вопросам И. Мирсаитов, в разработке и принятии закона КР по противодействию экстремизму огромное влияние на кыргызских законодателей оказала ситуация в Китае, руководство которого опасается уйгурских сепаратистов, ведущих подпольную деятельность в Кыргызстане и Казахстане³. Данная позиция была поддержана и другими аналитиками, которые считают, что «этот закон в первую очередь принят в угоду стратегическому партнеру и соседу, каковым является Китай», а в Кыргызстане, по их мнению, «пока не существует серьезных экстремистских структур, которые бы могли угрожать государственному строю»⁴. Однако следует отметить, что на ускоренное принятие закона повлияли вооруженные нападения экстремистских групп, произошедшие на юге страны в марте–июле 2006 г.⁵

¹ Сыдыкова Л. Ч. Борьба с экстремизмом в Кыргызстане: проблемы законодательного регулирования // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 6. – С. 84.

² Там же.

³ Из интервью Икбола Мирсаитова информационному агентству «Фергана» 07.09.2005. См.: Жусупалиев Э. В Кыргызстане принят закон о борьбе с экстремизмом (07.09.2005) // URL: <http://www.fergananews.com/articles/3951>

⁴ См.: Жусупалиев Э. В Кыргызстане принят закон о борьбе с экстремизмом...

⁵ «Мирная Азия»: «Жаркие» весна и лето 2006 года правоохранительных

В последующие годы были проведены мероприятия по ужесточению контроля над религиозной сферой и принят ряд соответствующих нормативно-правовых актов. В ноябре 2006 г. был подписан закон «О противодействии экстремистской деятельности», устанавливающий основные принципы противодействия терроризму, организационно-правовые основы профилактики и борьбы и минимизации последствий терроризма. В целях реализации вышеуказанных компетенций и задач при органе национальной безопасности КР был создан Антитеррористический центр¹. Прежний руководитель Государственного агентства по делам религии при правительстве КР Т. Калматов выступил за ужесточение контроля со стороны государства за деятельностью религиозных организаций², что было озвучено на последующем заседании Совета безопасности (сентябрь 2007 г.), на котором рассматривался вопрос о «религиозной ситуации в КР».

22 мая 2008 г. принимается постановление Жогорку Кенеша КР «Об образовании парламентской комиссии по изучению религиозной ситуации в Кыргызской Республике». В связи с участвовавшими обращениями граждан республики, просьбами избирателей, высказываниями депутатов ЖК КР, а также исходя из материалов средств массовой информации, Жогорку Кенеш КР указывает, что в настоящее время «нелегально, порой неадекватно» действуют различные деструктивные, тоталитарные группы, реакционные секты, экстремистские течения; угрозу межнациональному согласию представляет вовлечение коренной молодежи в различные религиозные организации протестантского толка, деятельность дааватистов (проповедников ислама), прозелитизм, бесконтрольное строительство и открытие

органов и спецслужб Кыргызстана (23.08.2006) // URL: <https://24.kg/archive/ru/news-stall/5705-2006/08/23/6027.html>

¹ Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. № 178 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1971>

² Власти Киргизии намерены усилить контроль за деятельностью религиозных организаций (12.07.2007) // URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=19219>

мечетей, медресе, церквей, бесконтрольность религиозного образования и организация хаджа и др.¹. Создаваемой комиссии предписано в месячный срок изучить религиозную ситуацию в республике, провести анализ состояния дел в религиозной сфере, а также в сфере государственно-религиозных отношений и по их итогам представить на рассмотрение Жогорку Кенеша расширенную информацию и предложения по совершенствованию законодательства.

Результаты анализа легли в основу проекта закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» в сторону его ужесточения. Несмотря на то, что, по мнению экспертов, «запретительные меры могут привести к тому, что именно государство окажется основной причиной радикализации верующей части мусульманского населения»², новый закон был подписан К. Бакиевым в декабре 2008 г. Основные положения, вызывавшие обеспокоенность религиозных и правозащитных организаций, касались запрета на ведение прозелитической деятельности, передачи правообразующих функций учетной регистрации организаций и миссионеров, а также увеличения количества инициаторов при регистрации религиозных групп от 10 до 200 человек³. Последнее положение правозащитными организациями рассматривалось в качестве дискриминационного по отношению к религиозным меньшинствам, так как существенно ограничивало их возможности в получении регистрации. Представители государственных органов и экспертов не скрывали, что новый закон представлял попытку «обезопасить общество от существования мелких сект»⁴.

¹ Постановление Жогорку Кенеша КР «Об образовании парламентской комиссии по изучению религиозной ситуации в Кыргызской Республике» от 22 мая 2008 г., № 409-IV // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/50383>

² *Маликов К.* Экспертная оценка рисков и безопасности по результатам изучения религиозной ситуации в ЖК Кыргызской Республики 05.11.2008 // URL: <http://www.easttime.ru/analytic/3/11/516p.html>

³ Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. № 282 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202498>

⁴ *Курбанова Н. У.* Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана... – С. 30.

Таким образом, период президентства К. Бакиева характеризуется концептуальным оформлением дискурса вокруг безопасности, начатого еще во время правления А. Акаева. Так, негативное отношение к новым религиозным движениям и деноминациям протестантского толка нашло отражение в принятии закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», международный и региональный дискурс по вопросам противодействия экстремизму и терроризму, а также столкновения с террористическими группами на юге Кыргызстана – в законах о противодействии экстремизму и терроризму. Причем довольно сложно оценить, насколько в этом прослеживалось непосредственное влияние личности К. Бакиева. Некоторые из экспертов считают, что авторитарность, региональность, а также политика по физическому устранению оппонентов непосредственно проявилась и в религиозной сфере. Так, убийство Рафика Камалова в 2007 г. свидетельствует о фактическом устранении религиозных лидеров этнических меньшинств¹.

Другую точку зрения представляет политолог Эмиль Джураев². Во-первых, он выделяет общее влияние внешних факторов, сложившихся в регионе, – соответствующих изменений в приграничных странах, России и международных антитеррористических настроений. С этой позиции «либеральность» Кыргызстана рассматривалась как «анархия», на что государству также приходилось реагировать. Во-вторых, общая ситуация в постреволюционном Кыргызстане, ряд террористических актов, ноокатские события и другие резонансные события дали дополнительную почву для разработки законодательной базы для правоохранительных органов. По мнению политолога, в меньшей степени роль играл сам К. Бакиев, который действовал на контрасте с «бездейтельным» Акаевым. Для него это были популярные действия, т. е. правительство, принимающее жесткие меры по наболевшим вопросам, вызывало симпатию населения и давало дополнительную популярность. Что же касается убийства Рафика Камалова, то, по мнению Джураева, это не столько

¹ Из интервью с экспертом Икболом Мирсайтовым. 20.05.2017.

² Из интервью с экспертом Эмилем Джураевым. 22.05.2017.

Бакиев, сколько общество вело полукриминальный образ жизни, при котором убийство рассматривалось как способ решения споров, как, например, покушение на убийство и смерть муфтия Мураталы Жуманова.

Третий период. Первые годы президентства Алмазбека Атамбаева были больше сконцентрированы на укреплении государственности в стране, пережившей вторую революцию и этнический конфликт. При этом сфера религии выпала из поля зрения государственных органов на высшем уровне. Однако отношения между уполномоченным государственным органом и религиозными организациями варьировались от сотрудничества к откровенным столкновениям, что активно обсуждалось в СМИ. Напомним, что на тот момент были актуальны Закон о свободе вероисповедания (2008 г.) и Концепция государственной политики в религиозной сфере (2006 г.), которые подвергались постоянной критике. Существовали (и существуют) две противоположные точки зрения, определяющие Закон и Концепцию как «либеральные» или как «реакционные». Правозащитные организации говорили об ужесточении законодательных актов и их проектов в целях установления преимуществ одних религиозных организаций над другими (выделение традиционных религий). Государственные органы, регулирующие сферу религии, отмечали необходимость пересмотра Концепции, утверждая, что она уже не отвечает новым угрозам и в ряде положений не соответствует новой редакции Конституции (2010 г.).

Несмотря на свой новый статус, представители «традиционных конфессий» отмечали нарастание напряженности во взаимоотношениях с государственными органами, в частности с Государственной комиссией по делам религий при Президенте КР (ГКДР). Особенно были заметны напряженные отношения между ГКДР и Духовным управлением мусульман Кыргызстана (ДУМК), крупнейшей религиозной организацией в стране, представляющей ислам суннитского направления ханафитского мазхаба. При этом если в отношении новых религиозных движений и протестантов отмечалась слабая коммуникация и предвзятое отношение со стороны государственных органов, то ДУМК

и РПЦ рассматривались как лояльные государству традиционные религиозные общины. С 2010 г. остро встал вопрос о том, в чьей компетенции находится организация хаджа – ДУМК или ГКДР, в 2011 г. дело дошло до открытого противостояния между директором ГКДР Ормоном Шаршеновым и муфтием, которое широко обсуждалось в СМИ и значительно дискредитировало оба института в глазах общества¹.

С назначением нового руководителя ГКДР А. К. Жумабаева в 2012 г., имеющего как религиозное, так и светское образование, религиозные организации и экспертное сообщество связывали возможность плодотворной совместной работы и улучшения государственно-конфессиональных отношений. Вопреки ожиданиям, к проблемам во взаимоотношениях с ДУМК, протестантскими организациями и новыми религиозными движениями добавилось возникновение напряженности во взаимоотношениях со второй «традиционной религиозной организацией» – Русской православной церковью, всегда выступавшей лояльно ко всем государственным инициативам в области религии. Данное напряжение было вызвано вопросом перерегистрации РПЦ (следует отметить, что та же проблема стоит и перед ДУМК; необходимость прохождения перерегистрации повлекло решение о внесении изменений в устав ДУМК ввиду требований закона). РПЦ столкнулась с трудностями перерегистрации вследствие изменения наименования епархии в связи с возрождением принципа территориального деления метрополий, использовавшегося в России в дореволюционное время.

Результаты контент-анализа СМИ по религиозной тематике за 2012–2013 гг. показали, что в основном освещение касалось

¹ Бакыт Нурдинов: У нас есть запись, где глава Госкомиссии по делам религий предлагает резать Верховного муфтия (14.12.2011) // URL: <http://knews.kg/2011/12/bakyt-nurdinov-u-nas-est-zapis-gde-glava-goskomissii-po-delam-religiy-predlagaet-zarezat-verhovnogo-muftiya/>; Муфтий Кыргызстана подал в суд на директора комиссии по делам религий (12.12.2011) // URL: <http://www.islam.sng.com/kgz/news/3587>; Ормон Шаршенов: «Я никого и никогда не призывал “расправиться” с муфтием Чубаком ажи Жалиловым» (15.12.2011) // URL: <http://knews.kg/2011/12/ormon-sharshenov-ya-nikogo-i-nikogda-ne-prizyival-raspravitsya-s-muftiem-chubakom-ajyi-jalilovym/>

требований по ужесточению контроля над религиозными организациями, борьбы и ликвидации сект. В частности, остро обсуждался вопрос о характере деятельности «деструктивной секты Муна», а также связей с ней крупных политических деятелей. Кроме того, ведущей темой информационного поля являлось обсуждение влияния исламского фактора. В этом контексте обсуждались проблемы роста экстремистских религиозных групп, повышения религиозности населения, вопросы ношения религиозной атрибутики в средних учебных заведениях. Активисты мусульманских НПО актуализировали вопрос по поводу запрета ношения платка руководителями и учителями некоторых светских школ. Данная проблема способствовала общественному размежеванию не только по вероисповедальному признаку, но и по этническому. Если представители коренного этноса в большинстве своем относятся нейтрально к идее ношения школьницами традиционной исламской одежды (с класса девятого), считая это не только религиозной, но и этнической идентификацией, залогом хорошего морального воспитания, то представители некоренных этносов склонны видеть в этом проявление религиозного экстремизма, попытку навязывания детям ислама. Наиболее актуальна данная проблема для северной части страны (в Чуйской и Иссык-Кульской областях, в городе Бишкеке).

Но особая острота проблемы влияния исламского фактора проявилась в общественном резонансе от фильмов «Невинность мусульман» и «Я – гей и мусульманин». Оба фильма – иностранного производства и оба имели крайне негативный общественный резонанс. Однако широкое обсуждение и осуждение было лишь в высших политических, экспертных и правозащитных кругах, а также в СМИ, в среде же рядовых граждан данные события не вызвали особого резонанса, а акцентирование внимания на данных вопросах лишь способствовало усилению настороженности по поводу роста и масштабов исламизации общества.

Всё это не могло не найти отражения в инициативах администрации А. Атамбаева, и уже в Стратегии устойчивого

развития на 2013–2017 годы было указано: «С учетом новых реалий и угроз в рамках реализации данной стратегии необходимо пересмотреть Концепцию государственной политики в религиозной сфере Кыргызской Республики, утвержденную постановлением Правительства Кыргызской Республики от 6 мая 2006 г. № 324, а также предусмотреть внесение изменений в законодательство, регулирующее религиозную сферу»¹. По сути, она до 2014 г. заменяет собой Концепцию 2006 г., делает акцент на обеспечении безопасности и противодействии радикальным религиозным течениям. Показательным также является факт утверждения Стратегии Советом обороны, несмотря на то, что это не относится к прямой компетенции данного органа.

В оценке новых инициатив государства по реформированию религиозной сферы политолог Н. Эсенаманова отмечает, что «на протяжении всей независимости Кыргызстана в стране отсутствовала серьезная и четкая государственная политика в сфере религии, что признал и сам президент Алмазбек Атамбаев»². Автор утверждает, что последствиями этих процессов оказались: проникновение и развитие радикальных идеологий среди различных групп населения; расслоение исламского общества под влиянием различных течений, появившиеся извне; религиозная безграмотность, которая привела к догматике и максималистскому пониманию принципов ислама; проявление экстремистских организаций, главной целью которых является свержение конституционной власти и построение теократического государства; активное, иногда навязчивое стремление обратить других граждан в свою форму вероисповедания. В связи с чем государством было принято

¹ Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы. Утв. Указом Президента КР от 21 января 2013 г. № 11 (в ред. от 27 сентября 2013 г. УП № 194) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542>

² Нургуль Эсенаманова: Насколько Концепция в религиозной сфере способна решить проблему радикализации ислама? // URL: <http://cabar.asia/ru/nurgul-esenamanova-naskolko-kontseptsiya-v-religioznoj-sfere-sposobna-reshit-problemu-radikalizatsii-islama/>

решение об издании новой концепции государственной политики в религиозной сфере¹.

В общем, характеризуя данный период, можно отметить некоторую непоследовательность со стороны руководящего состава страны по идентификации и определению направлений деятельности государства. Президент А. Атамбаев со дня своего прихода к власти активно использовал религиозную риторику и позиционировал себя в качестве мусульманина, придерживающегося основных принципов ислама. Об этом свидетельствуют не только официальные выступления главы государства, но также факт совершения им паломничества в Мекку, желание оградить страну от «тлетворного» влияния западной культуры путем ограничения ЛГБТ- пропаганды и др.

Кроме того, непродуманная и непоследовательная политика по внедрению светских ценностей привела к обратному эффекту и усугубила противопоставление светского и религиозного в стране². В последние годы наблюдается радикализация молодежи не только по религиозному признаку, но и по приверженности светским ценностям, что проявляется во всё более нарастающем неприятии религиозного образа жизни и проявлений любых форм религиозности со стороны «светского» населения, которое «раздражают платки» или «мужчины с бородой» и в «пакистанских штанах», когда любая религиозная активность рассматривается как попытка к прозелитизму. Стоит отметить, что и религиозное население довольно агрессивно относится к «влиянию западной чуждой культуры». Так, например, общество буквально раскололось надвое при обсуждении вывешенных по всей стране билбордов с вопросом «Кайран эл кайда баратабыз?», продления перерыва на обед в пятницу по религиозным нуждам и, конечно, организации социальных танцев³.

¹ Нургуль Эсенаманова: Насколько Концепция в религиозной сфере способна решить проблему радикализации ислама? ...

² Индира Асланова: Проблемы и успехи в реализации концепции государственной политики в религиозной сфере Кыргызстана (25.11.2016) // URL: <http://cabar.asia/ru/indira-aslanova-bezuslovnyim-preimushhestvom-tekushhej-politiki-v-religioznoj-sfere-yavlyaetsya-sam-fakt-ee-realizatsii/>

³ Голоса молодых: Кыргызстан – светское государство или мусульманская

Как видно из анализа государственной политики в религиозной сфере, принимаемых постановлений и общественного дискурса, проблемы каждый раз ставились одни и те же¹: отсутствие государственного контроля, выезд граждан, прозелитизм/ миссионерская деятельность, политизация религии, экстремизм и терроризм, нетрадиционные религии и др. Данный факт вызывает вопрос об эффективности работы государственных органов и принимаемых программных документов или же реальном характере обозначаемых угроз.

страна? (12.07.2016) // URL: <http://limon.kg/news:68575>; Теперь из бишкекских мечетей не будет громкого азана в ночное время – Центр госсанэпиднадзора // URL: <https://kabarlar.org/news/84746-teper-iz-bishkekских-mechetey-ne-budet-gromkogo-azana-v-nochnoe-vremya-centr-gossanepidnadzora.html>; *Ажыматов З.* Как безобидная бачата оскорбила чувства верующих (06.06.2016) // URL: <http://rus.azattyk.org/a/27782155.html>; Чубак Ажы: Жанар Акаев кыргыз элине жана мусулмандарга каршы экенин билдирип койду (12.12.2015) // URL: <https://kabarlar.org/kg/news/71747-chubak-azhy-zhanar-akaev-kyrgyz-eline-zhana-musulmandarga-karshy-ekenin-bildirip-koydu.html>; Скандал с баннерами «Кайран элим, кайда баратабыз?»: Баннер «Кайран элим, кайда баратабыз?» подожгли в Баткенской области (26.07.2016) // URL: http://ru.sputnik.kg/trend/scandal_with_banners_in_Bishkek_20160714/

¹ Сравните постановление правительства от 1995 г., решения Совета безопасности 2007 г. и решения Совета обороны 2014 г.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ
(на примере Кыргызской Республики)**

В настоящее время религиозный экстремизм стал выступать одной из угроз международному миру и национальной безопасности отдельных государств. При этом религиозный экстремизм практически не встречается в «чистом виде», он тесно переплетается и срастается с терроризмом национально-политической направленности, который использует религиозно-правовые нормы и догмы.

По данным исследователей, с середины 60-х гг. XX в. численность фундаменталистских течений всех религиозных направлений в мире возросла в три раза. В настоящее время почти четвертая часть всех террористических группировок, действующих в мире, преследует религиозные цели¹.

В качестве причин уязвимости мирового сообщества перед лицом данных угроз следует отметить не только турбулентные политические системы и экономические кризисы, но и недальновидную политику в разрешении межгосударственных и внутригосударственных противоречий, которая, в свою очередь, имеет своей основой законодательную базу.

Борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом, приобретающим транснациональный характер, становясь глобальной

¹ См.: Законодательное регулирование противодействия религиозному экстремизму: российский и зарубежный опыт // Аналитический вестник аппарата Государственной думы. – Вып. 15. – М., 2004. – С. 4; Ханбабаев К. М. Зарубежный опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму // URL: <http://www.ekstremizm.ru/metodika/item/178-zarubejnuy-opuyt>

международной проблемой, вне всякого сомнения, требует координации усилий различных государств. Это относится к совершенствованию нормативно-правовой базы по законодательному регулированию противодействия и пресечения возбуждения национальной и религиозной вражды, выработке эффективных правовых механизмов профилактики не только религиозного экстремизма, но и других его видов, планированию и осуществлению антитеррористических предупредительных, оперативно-розыскных, политических, экономических и иных мероприятий.

В настоящее время комплекс нормативно-правовых актов по борьбе с международным терроризмом и религиозным экстремизмом разрабатывается как на международном, так и на национальном уровне.

В Кыргызстане основополагающими нормативно-правовыми документами, содержащими комплекс мер по предупреждению террористической и религиозно-экстремистской деятельности, являются: Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. и ряд нормативно-правовых актов¹. Обратимся к анализу национального опыта законодательного обеспечения и предупреждения терроризма и религиозного экстремизма.

Основой нормативно-правовой базы по вопросам предупреждения терроризма и религиозного экстремизма в Кыргызской

¹ В их числе: Уголовный кодекс КР от 1 октября 1997 г. № 68 (в ред. Закона КР от 25 октября 2014 г. № 148); Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. № 150; Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. № 172 (в ред. Закона КР от 2 августа 2016 г. № 162); Закон КР «О противодействии финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» от 31 июля 2006 г. № 135 (в ред. Закона КР от 28 июля 2015 г. № 200); Кодекс об административной ответственности КР от 4 августа 1998 г. № 114 (в ред. Закона КР от 2 августа 2016 г. № 162); Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г. № 120; Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 гг.; Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» от 16 декабря 1991 г. № 656-ХП (по сост. на 17 октября 2008 г.); Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. № 282 (в ред. Закона КР от 7 декабря 2012 г. № 196); Закон КР «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г. № 111 (в ред. Закона КР от 30 мая 2014 г. № 82).

Республике является Конституция. Согласно п. 4 ст. 31 Основного закона КР запрещается пропагандировать национальную, этническую, расовую, религиозную ненависть, гендерное и иное социальное превосходство, призывать к дискриминации, вражде или насилию. Вместе с тем в соответствии с п. 4 ст. 4 Конституции КР в республике запрещается: создавать объединения граждан, военизированные формирования, политические партии на религиозной, этнической основе; религиозным объединениям преследовать политические цели; политическим партиям, религиозным и общественным объединениям осуществлять действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя, подрыв национальной безопасности, разжигание социальной, расовой, межнациональной, межэтнической и религиозной вражды¹.

В Концепции национальной безопасности КР 2012 г. расширение масштабов международного терроризма и религиозного экстремизма включено в число актуальных внешних угроз для республики. При этом в качестве внутренних причин уязвимости Кыргызстана в этом отношении указывается на отсутствие у части населения доступа к качественному образованию, а также низкий уровень морально-патриотического воспитания молодежи. В свою очередь, огромную роль играют и внешние причины – влияние иностранных СМИ, а также псевдорелигиозных организаций, деятельность различных миссионеров и фондов, что приводит к деградации и идеологической дезориентации населения².

В качестве основных мер противодействия терроризму и религиозному экстремизму в Концепции называются: 1) углубление международного сотрудничества в сфере коллективного противодействия международному терроризму и религиозному экстремизму; 2) совершенствование нормативно-правовых

¹ Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31497

² Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. Утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3491?cl=ru-ru>

актов, которые ориентированы на предупреждение противоправных действий и неотвратимость ответственности за совершенное преступление при гарантии гражданам КР соблюдения их прав на личную безопасность независимо от национальности, вероисповедания, взглядов и убеждений; 3) укрепление взаимодействия с традиционными религиями при реализации гражданами своего права на свободу вероисповедания¹.

В Концепции государственной политики КР в религиозной сфере на 2014–2020 годы представлен более подробный перечень мер предупреждения религиозного экстремизма, который определяется как приверженность к насилию, радикальным действиям, направленным «на неконституционное изменение существующего строя, нарушение целостности и безопасности государства, общества и личности с использованием религиозной риторики»².

В качестве главной причины вовлечения граждан в экстремистские группировки в Концепции называется социально-экономическая неустроенность молодежи, у которой отсутствует доступ к альтернативным источникам информации и качественному светскому/религиозному образованию, что, в свою очередь, определяет возможность их вербовки в эти организации или выезда на учебу в исламские образовательные учреждения, программы которых зачастую имеют экстремистскую риторику. В силу этого особое внимание в Концепции акцентируется на проведении профилактических мер по выявлению и пресечению религиозного экстремизма, а именно организации образовательных и просветительских мероприятий, а также анализе причин зарождения и роста популярности среди населения организаций экстремистского толка³.

В Уголовном кодексе КР (УК КР) определяются основания и порядок привлечения к ответственности граждан, причастных

¹ Концепция национальной безопасности КР... 2012 г. ...

² См.: Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы. Утв. Указом Президента КР от 14 ноября 2014 г. № 203 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/68294>

³ Там же.

к террористической и религиозно-экстремистской деятельности. В ст. 226 УК КР терроризм определяется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»¹. Таким образом, террористический акт отличается от простого уголовного преступления своими целями: а) подрывом общественной безопасности; б) устрашением населения; в) оказанием влияния на власть.

Следует отметить, что в УК КР не дается исчерпывающего списка способов совершения террористических актов, указывается лишь на взрывы и поджоги. Такое уголовно-правовое толкование терроризма обусловлено, прежде всего, судебной практикой – подавляющее число террористических актов совершается именно в форме взрыва или поджога. Однако в ст. 1 Закона КР «О противодействии терроризму» перечисляются и иные возможные формы совершения террористических актов: а) применение взрывных устройств, радиоактивных, биологических, химических и других отравляющих веществ; б) захват, угон, повреждение, уничтожение наземных, водных и воздушных транспортных средств; в) посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля, захват и/или удержание заложников; г) создание опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности².

Вместе с тем следует отметить, что УК КР содержит и норму о наказуемости угрозы совершения террористического акта,

¹ Уголовный кодекс КР от 1 октября 1997 г. № 68 (по сост. на 02.08.2017 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30222833#pos=0;0

² Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. № 172 (по сост. на 2.08.2016 г.) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1971>

что позволяет криминализовать подготовку к совершению терактов и, соответственно, предотвратить совершение теракта лицами, осуществлявшими подготовку к нему.

Статьей 226 УК КР предусматриваются следующие санкции в виде лишения свободы за совершение терактов: по ч. 1 (террористический акт) – от 8 до 12 лет; по ч. 2 (террористический акт, совершенный: группой лиц по предварительному сговору; с применением огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывных устройств, взрывчатых, ядовитых, отравляющих, радиоактивных веществ или ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового поражения; на стратегических объектах) – от 12 до 15 лет; по ч. 3 (вышеперечисленные деяния, которые совершены организованной преступной группой либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия) – от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы¹.

Необходимо подчеркнуть, что в УК КР предусмотрены также и рекомпенсивные меры. В частности, в примечании к ст. 226-2 УК КР «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению» указывается на то, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, может быть освобождено от уголовной ответственности в случае его своевременной помощи правоохранительным органам в предотвращении или пресечении указанных в статье преступлений при отсутствии в его действиях иного состава преступления. В примечании к ст. 227 УК КР предусмотрено освобождение от уголовной ответственности при добровольном освобождении заложника, если в действиях виновного не содержится иного состава преступления².

Следует отметить, что в УК КР терроризм и экстремизм (в т. ч. религиозный экстремизм) различаются по объекту преступления. Если первый относится к преступлениям против общественной безопасности, то второй, согласно ст. 299 УК КР, к преступлениям, нацеленным на подрыв основ конституционного

¹ Уголовный кодекс КР...

² Там же.

строю и безопасности государства¹. Согласно ст. 1 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности», к категории экстремизма относится террористическая деятельность, а также действия, направленные на возбуждение национальной, расовой, религиозной или межрегиональной розни, унижение национального достоинства, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности².

В соответствии с классификацией преступлений, представленной в ст. 9 УК КР, преступления террористической направленности относятся к категориям тяжких (от 5 до 10 лет лишения свободы) и особо тяжких (свыше 10 лет лишения свободы) преступлений, экстремистской направленности – менее тяжких (до 5 лет лишения свободы) и тяжких. В частности, согласно ст. 299 УК КР за действия, квалифицируемые в качестве экстремизма, предусматривается лишение свободы на срок от 3 до 5 лет. Если же преступление совершено с оружием (угрозой его применения), при помощи привлечения служебных полномочий или в составе преступной группы либо лицом, ранее уже осужденным за экстремистскую деятельность, оно наказывается лишением свободы от 5 до 8 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью³. При этом рекомпенсивные меры предусмотрены только в случае, если лицо: а) добровольно прекратило участие в деятельности религиозной организации, в отношении которой принято вступившее в законную силу решение суда о ликвидации в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности; б) содействовало правоохранительным органам в выявлении и привлечении к уголовной ответственности организаторов этой организации⁴. Вместе с тем ст. 299-2 УК КР предусматривает наказание в форме

¹ Уголовный кодекс КР...

² Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. № 150 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748/10?cl=ru-ru>

³ Уголовный кодекс КР...

⁴ Там же.

лишения свободы на срок от 3 до 10 лет в зависимости от наличия отягчающих обстоятельств, за приобретение, изготовление, хранение, распространение, перевозку и пересылку экстремистских материалов, а также умышленное использование символики или атрибутики экстремистских организаций¹.

17 августа 2005 г. в Кыргызстане был принят Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности», который также имеет направленность на борьбу с экстремизмом. В соответствии с п. 4 ст. 1 данного Закона экстремистскими признаются материалы, которые предназначены для обнародования и в которых содержатся призывы к осуществлению экстремистской деятельности, оправдывается ее необходимость, обосновывается национальное и/или расовое превосходство, необходимость совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы². В свою очередь, в ст. 13 указанного Закона содержится норма о том, что материалы признаются экстремистскими решением суда по месту их обнаружения, распространения или расположения организации, которая занимается их производством, на основании требований прокурора. Затем копия вступившего в силу постановления суда о признании тех или иных материалов экстремистскими направляется в Министерство юстиции КР, которое ответственно за составление списка экстремистских материалов и его обнародование в СМИ и на своем официальном сайте³.

В качестве профилактических мер противодействия экстремистской деятельности в ст. 5 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» выступают воспитательные и пропагандистские меры государственных органов и органов местного самоуправления. В качестве мер по предупреждению экстремистской деятельности следует также отметить норму ст. 10 указанного Закона, в соответствии с которой возможна

¹ Уголовный кодекс КР...

² Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. ...

³ Там же.

приостановка деятельности религиозной организации соответствующим должностным лицом или органом на основании обращения в суд физического или юридического лица о ликвидации этой организации либо запрете ее деятельности ввиду осуществления ею экстремистской деятельности¹.

Наряду с этим к предупреждающим мерам следует отнести и положения ст. 6 указанного Закона «Объявление предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности», ст. 7 «Вынесение предостережения общественному объединению или религиозной организации либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности» и ст. 8 «Предостережение о недопустимости распространения экстремистских материалов через средства массовой информации и осуществления ими экстремистской деятельности». В соответствии с данными статьями, генеральный прокурор КР или его заместитель / подчиненный прокурор / орган исполнительной власти в сфере юстиции или его соответствующий территориальный орган / уполномоченный государственный орган, осуществивший регистрацию средства массовой информации, или орган исполнительной власти в сфере печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, располагая достаточными и предварительно подтвержденными сведениями о готовящихся противоправных действиях экстремистского характера или их наличия в деятельности религиозной организации или средства массовой информации, но при отсутствии оснований для привлечения возбуждения уголовного дела, направляет руководителю религиозной организации или средству массовой информации предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований объявления предостережения². Если же изложенные требования не были исполнены, лицо, которому они были адресованы, привлекается к ответственности, религиозная организация подлежит ликвидации, а средство массовой

¹ Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. ...

² Там же.

информации должно прекратить свою деятельность в установленном законом порядке.

Нормативно-правовой основой противодействия терроризму в КР выступает и Закон КР «О противодействии терроризму». В п. 2 ст. 2 данного Закона перечислены цели противодействия терроризму в КР: защищать личность, общество и государство от терроризма; выявлять и устранять причины и условия, способствующие возникновению терроризма и осуществлению террористической деятельности; предупреждать, своевременно выявлять, пресекать террористическую деятельность и минимизировать ее последствия¹.

В данном Законе особое внимание уделяется информационно-пропагандистскому обеспечению противодействия терроризму. При этом акцент делается на деятельности средств массовой информации. Пунктами 2 и 3 ст. 12 предусматривается обязанность сотрудников СМИ немедленно проинформировать государственные органы, осуществляющие противодействие терроризму, о поступивших в его распоряжение сведениях о готовящихся террористических актах, а при наличии передать им документальные материалы, которые могут служить вещественными доказательствами на суде по делам о преступлениях террористического характера либо могут быть использованы в интересах предупреждения, выявления и пресечения террористической деятельности².

Кроме того, п. 1 ст. 13 Закона КР «О противодействии терроризму» предусматривается обязанность руководителей СМИ своевременно предотвращать публикацию материалов, служащих оправданием террористической деятельности, призывающих к ней или провоцирующих ее. При этом п. 2 и 3 ст. 13 указанного Закона закрепляется обязанность государственных органов и органов местного самоуправления стимулировать участие СМИ в профилактике терроризма и предоставлять им

¹ Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. № 172 (в ред. Закона КР от 2 августа 2016 г. № 162) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1971>

² Там же.

данные о фактах подготовки, осуществления и пресечения террористических актов¹.

К категории методов профилактики терроризма, предусмотренных Законом КР «О противодействии терроризму», также следует отнести меры по защите объектов возможных террористических посягательств (физические лица, государственные или правительственные объекты, предприятия и организации, в том числе представляющие повышенную опасность для населения и окружающей среды как источник катастроф техногенного характера, объекты инфраструктуры, объекты и участки в пограничной зоне и приграничных районах), прописанные в ст. 17 и в п. 2 ст. 18 указанного Закона. Пунктом 2. ст. 20 Закона КР «О противодействии терроризму» в качестве мер по предупреждению терроризма запрещается: создавать и регистрировать юридические лица, которые причастны к терроризму; пропагандировать идеологию терроризма; обучать граждан осуществлению террористической деятельности; въезжать, выезжать или проезжать транзитом через территорию КР лицам, причастным к террористической деятельности; скрывать сведения о террористических актах, как готовящихся, так и совершенных².

В свою очередь, согласно п. 3 и 4 ст. 20 Закона КР «О противодействии терроризму», получаемые Антитеррористическим центром данные о террористических группах, их деятельности и вовлеченных лицах аккумулируются в созданном на базе данного центра межведомственном банке данных по проблемам терроризма, а перечень юридических лиц, которые причастны к террористической деятельности, должен быть опубликован в соответствии с законодательством КР. Кроме того, п. 5 ст. 20 указанного Закона предусматривается создание засекреченного республиканского «ситуационного центра», цель функционирования которого состоит в том, чтобы своевременно и адекватно противодействовать террористическим актам и организовывать оперативное взаимодействие ответственных государственных органов³.

¹ Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. ...

² Там же.

³ Там же.

К категории мер по предупреждению терроризма следует также отнести нормы ст. 25 Закона КР «О противодействии терроризму», которые предусматривают приостановление финансовых операций и замораживание средств физических или юридических лиц, причастных к террористической деятельности, с последующей публикацией государственным органом в сфере противодействия финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, их списка. В свою очередь, в соответствии со ст. 26 указанного Закона, для физических лиц, причастных к террористической деятельности, предусмотрена уголовная ответственность за финансирование терроризма, юридические лица подлежат ликвидации по решению суда, а принадлежащее им имущество обращается в доход государства в целях последующего использования в противодействии терроризму и ликвидации последствий террористических акций¹.

Более детально меры по предупреждению и нейтрализации финансирования террористической деятельности прописаны в Законе КР «О противодействии финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем», а также в Кодексе об административной ответственности КР. Согласно п. 1 ст. 3 Закона «О противодействии финансированию терроризма...», банки и другие финансово-кредитные учреждения, которые вправе открывать и вести банковские счета, не имеют права открывать анонимные банковские счета/вклады, счета/вклады на предъявителя и осуществлять любые операции без идентификации контрагентов и/или клиентов или без наличия у них необходимых для этого документов, а также если представлены явно недостоверные документы или если в отношении них имеются сведения об участии в террористической деятельности².

¹ Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. ...

² Закон КР «О противодействии финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» от 31 июля 2006 г. № 135 (в ред. Закона КР от 28 июля 2015 г. № 200) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1926>

В целях соблюдения вышеперечисленных норм Законом КР «О противодействии финансированию терроризма...» предусматриваются обязанности лиц, представляющих сведения, по: идентификации личности клиента и фиксированию полученных данных; верификации личности клиента; проверке полномочий и подлинности лиц, которые имеют право на распоряжение денежными средствами и имуществом; реализации доступных и необходимых мер по установлению и идентификации бенефициарного собственника; систематическому обновлению информации о клиентах и бенефициарных собственниках. В случае если у лиц, представляющих сведения, возникают подозрения или появляются основания подозревать, что денежные средства или имущество клиента получены преступным путем, или связаны с финансированием терроризма, или могут быть использованы с этой целью, то в соответствии с п. 4 и 5 ст. 3 данного Закона они должны сообщить об этом уполномоченному органу¹. Если же они располагают достоверными сведениями об участии клиентов в террористической или экстремистской деятельности, то они обязаны приостановить все операции с этими лицами и уведомить об этом уполномоченный орган. Вместе с тем, согласно п. 3 ст. 6 Закона, операции с денежными средствами или имуществом, одной из сторон которых выступает физическое или юридическое лицо, подозреваемое в участии в террористической или экстремистской деятельности, подлежат обязательному контролю со стороны уполномоченного государственного органа².

В Кыргызской Республике в арсенале мер правового противодействия террористической или экстремистской деятельности имеются и административно-правовые меры. Так, ст. 505-22 Кодекса об административной ответственности КР устанавливается ответственность юридического лица за финансирование террористической или экстремистской деятельности в форме наложения административного штрафа в 10 тыс. расчетных показателей с конфискацией тех предметов, которые явились

¹ Закон КР «О противодействии финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» от 31 июля 2006 г. ...

² Там же.

орудиями совершения или непосредственными объектами административного правонарушения, и приостановлением определенного вида деятельности¹. Если же данные действия были совершены повторно в течение года, повлекли за собой смерть человека или значительный имущественный ущерб, сумма которого в 10 тыс. раз превышает установленный законодательством КР расчетный показатель, то это юридическое лицо должно быть ликвидировано, а предметы, явившиеся орудиями совершения или непосредственными объектами административного правонарушения, конфискованы в пользу государства. Вместе с тем, согласно примечанию к указанной статье Кодекса, юридическое лицо подлежит привлечению к административной ответственности и в случае, если преступление было совершено физическим лицом с использованием данного юридического лица в силу наличия у него права представлять данное юридическое лицо, принимать решения от его имени или осуществлять его управление².

Административная ответственность юридического лица по вышеуказанной статье наступает и в случае обнаружения факта его участия в финансировании террористической или экстремистской деятельности, подтвержденного в соответствии с вступившим в законную силу судебным решением, вынесенным в рамках рассмотрения соответствующего уголовного дела. При этом административная ответственность данного юридического лица наступает независимо от уголовной ответственности физического лица, участвовавшего в финансировании террористической или экстремистской деятельности³.

Законодатели приняли еще ряд важных законов в сфере религии, такие как Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» (1991 г.), Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» (2008 г.), Закон КР «О некоммерческих организациях» (1999 г.).

¹ Кодекс об административной ответственности КР от 4 августа 1998 г. № 114 (в ред. от 2 августа 2016 г.)...

² Там же.

³ Там же.

Согласно ст. 8 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» от 16 декабря 1991 г., документы, определяющие вероучительную сторону деятельности и регламентирующие вопросы внутренней организации религиозных организаций, не подлежали регистрации, а минимальное количество участников инициативной группы должно было составлять 10 человек¹. В Законе отсутствовали положения о порядке учетной регистрации религиозных организаций, норма о том, могут ли осуществлять на территории КР деятельность незарегистрированные религиозные организации, а также норма о допустимых формах распространения религиозной литературы и проведении ее религиозно-экспертной экспертизы на предмет выявления элементов религиозного экстремизма. При этом в ст. 5 Закона за ними было закреплено право участия в политической жизни общества, а в ст. 15 – право обращения с предложениями о проведении богослужений к гражданам, которые находятся в больницах, домах престарелых и инвалидов, в местах лишения свободы².

В сфере образования, согласно ст. 6 данного Закона, провозглашалась независимость государственной системы образования от религиозных организаций, т. е. зарегистрированные религиозные организации в Кыргызстане имели право создавать свои учебные заведения для детей и взрослых, деятельность которых приравнивалась к деятельности государственных образовательных учреждений³.

В отношении собственности положениями ст. 11 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (1991 г.) за религиозными организациями закреплялись широкие имущественные права: в их собственности могли находиться здания, строения, предметы культа, объекты производственного, социального и благотворительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для обеспечения их деятельности, а также имущество, находящееся за границей.

¹ Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 16 декабря 1991 г. № 656-XII // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/891/10?cl=ru-ru>

² Там же.

³ Там же.

Согласно ст. 17 Закона, после прекращения деятельности религиозной организации распоряжение находившимся в ее собственности имуществом осуществлялось в соответствии с ее уставом и действующим законодательством КР¹.

В 2008 г., с целью воспрепятствования проникновению на территорию республики террористических и экстремистских организаций, была принята новая редакция закона КР о свободе вероисповедания и религиозных организациях – Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике», в котором требования к процессу регистрации и функционированию религиозных организаций на территории КР были ужесточены, что обосновывалось как необходимое условие для успешного противодействия деструктивным организациям. В частности:

- введена норма об обязательной регистрации религиозных организаций (п. 1 ст. 8);

- необходимое количество инициаторов для регистрации религиозной организации увеличено с 10 до 200 человек (п. 3 ст. 8);

- введено положение об обязательном нотариальном заверении и согласовании с местными кенешами списка инициаторов создания религиозной организации (п. 2 ст. 10);

- Государственный орган по делам религий был наделен правом назначать религиозведческую экспертизу религиозной литературы, а также аудио- и видеоматериалов (п. 3 ст. 22);

- регламентировано право религиозных организаций на распространение своей религиозной литературы – в местах, принадлежащих им на правах собственности, а также в местах, выделенных для этих целей местной государственной администрацией (п. 6 ст. 22);

- при сохранении за религиозными организациями права на создание и содержание собственных религиозных учебных заведений была введена норма о том, что право на обучение в высших и средних учебных заведениях предоставляется только тем гражданам КР, которые получили обязательное общее

¹ Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 16 декабря 1991 г. ...

среднее образование в соответствии с Законом КР «Об образовании», положения которого устанавливают принцип светского характера образования в республике;

– положения об имущественных правах были распространены на миссии, а также религиозные учебные заведения, при исключении пункта о праве приобретения собственности за рубежом (ст. 15)¹.

Что касается Закона КР «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г., в ст. 2 дается определение общественного объединения как «добровольного объединения граждан, объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей»², к которому, согласно ст. 5 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 16 декабря 1991 г., приравнивались и религиозные организации. При этом, в соответствии со ст. 19 Закона КР «О некоммерческих организациях», общественное объединение создается по инициативе не менее трех дееспособных физических лиц на неопределенный или определенный срок. Учредители общественного объединения созывают учредительное собрание (конференцию), на котором принимается решение о создании общественного объединения, утверждается его устав и формируются руководящие и контрольно-ревизионные органы. Вместе с тем, согласно ст. 6 указанного Закона, учредители вправе образовать на базе созданного ими общественного объединения юридическое лицо путем его государственной организации. Кроме того, согласно ст. 7 данного Закона, некоммерческие организации (в том числе в форме общественных объединений) в целях координации своей деятельности, а также представления и защиты общих интересов управомочены по договору между собой создавать объединения в форме некоммерческих ассоциаций или союзов³.

¹ Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. ...

² Закон КР «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г. № 111 (в ред. Закона КР от 30 мая 2014 г. № 82) // URL: <http://www.religion.gov.kg/tu/... pdf>

³ Там же.

Рассмотренные нормативно-правовые акты, в целом отличаясь юридической логикой и последовательностью, содержат ряд противоречий, которые торпедируют государственные инициативы в сфере противодействия терроризму и религиозному экстремизму. Во-первых, необходимо отметить, что в них отсутствует унифицированный подход к используемой терминологии – не приводится четких определений понятий «терроризм» и «экстремизм», что порождает противоречия между нормами гражданского и уголовного законодательства¹. Так, согласно УК КР, терроризм – это «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» (ст. 226)². Однако в Законе КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. приводится иное толкование данного понятия, а именно: «...идеология насилия и практика совершения насильственных и(или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения или нарушением общественной безопасности, а равно призыв к таким действиям с целью подрыва конституционного строя либо оказания воздействия на решения, принимаемые органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями» (ст. 1)³.

В свою очередь, согласно УК КР, принципиальное отличие преступлений террористического характера от экстремистского состоит в их объекте. Если первые направлены против общественной безопасности, то вторые нацелены на подрыв основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 299

¹ Кабак Д., Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в Кыргызской Республике: обзор правового обеспечения и практики (2011) // URL: <http://www.osce.org/ru/bishkek/93787?download=true>

² Уголовный кодекс КР...

³ Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г. ...

УК КР). Следовательно, налицо противоречие между УК КР и Законом КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г., которое уравнивает дифференцированные в УК КР преступления по степени тяжести наказания.

Вместе с тем ст. 1 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. к категории экстремизма относит как террористическую деятельность, так и действия, направленные на возбуждение национальной, расовой, религиозной или межрегиональной розни, унижение национального достоинства, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности¹. Соответственно, представляется, что данное определение было основано на определении терроризма, приведенном в Законе КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г., где к террористической деятельности причисляются действия, нацеленные на подрыв конституционного строя страны. Данный тезис подтверждается определением религиозного экстремизма, приведенным в Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы, а именно: приверженность к насилию, к радикальным действиям, которые направлены «на неконституционное изменение существующего строя, нарушение целостности и безопасности государства, общества и личности с использованием религиозной риторики»².

В этом аспекте следует отметить справедливость замечания, сделанного в подготовленных Венецианской комиссией и Консультативным советом БДИПЧ/ОБСЕ по вопросам свободы вероисповедания «Комментариях по законопроекту КР “О свободе вероисповеданий и религиозных организаций в Кыргызской Республике”», касающегося отсутствия в Законе КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» от 31 декабря

¹ Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г. № 150 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1748/10?cl=ru-ru>

² Концепция государственной политики КР в религиозной сфере на 2014–2020 годы...

2008 г. определения экстремизма, которого государство, согласно п. 2 ст. 5 указанного Закона КР, не должна допускать¹.

В целом, сложившаяся в законодательстве ситуация служит затягиванию уголовных и судебных разбирательств, а также может быть использована для достижения политических целей определенными акторами.

Необходимо также подчеркнуть, что, наряду с неопределенностью в нормативно-правовых актах в отношении определения сущности экстремистской деятельности и ее отличий от преступлений террористического характера, в Законе КР «О противодействии экстремистской деятельности» не указывается государственный орган, ответственный за противодействие экстремистской деятельности. В п. 1 ст. 4 указанного Закона говорится лишь о том, что в этой деятельности участвуют органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции. Более того, не указывается, на базе какого государственного органа должен быть создан координационный экспертный совет для выявления экстремистского содержания в тех или иных информационных материалах и устных высказываниях, что является причиной споров относительно законности наделения Государственной комиссии по делам религий полномочиями проведения религиоведческой экспертизы, которые она осуществляет на основе Положения о Государственной комиссии по делам религий КР от 23 марта 2012 г.².

Во-вторых, существуют противоречия между нормами Кодекса об административной ответственности КР и Законом КР «О противодействии терроризму» в части типа наказания за финансирование террористической деятельности. Согласно п. 2 ст. 505-22 Кодекса об административной ответственности КР на юридическое лицо, участвовавшее в финансировании

¹ Comments on the Draft Law of the Kyrgyz Republic «On Freedom of Conscience and Religious Organizations in the Kyrgyz Republic» / Prepared by the OSCE/ODIHR Advisory Council on Freedom of Religion or Belief in co-operation with European Commission for Democracy through Law (the Venice Commission) of the Council of Europe (2008) // URL: <http://www.legislationline.org/documents/id/17622>

² Положение о Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики от 23 марта 2012 г. № 71 // URL: <http://www.religion.gov.kg/ru/...pdf>

террористической или экстремистской деятельности, должен быть наложен административный штраф в размере десяти тысяч расчетных показателей с конфискацией предметов, явившихся орудиями совершения или непосредственными объектами административного правонарушения, а также приостановление его вида деятельности. Только при повторном совершении данного вида преступления в течение года либо если его результатом стала смерть человека или значительный имущественный ущерб на сумму, в десять тысяч раз превышающую расчетный показатель, данное юридическое лицо подлежит ликвидации с конфискацией предметов, явившихся орудиями совершения или непосредственными объектами административного правонарушения¹. Согласно же п. 2 ст. 26 Закона КР «О противодействии терроризму» данный вид преступления наказывается ликвидацией юридического лица с конфискацией его имущества в доход государства с первого раза.

В-третьих, следует акцентировать внимание на том факте, что в Законе КР «О противодействии терроризму» и Законе КР «О противодействии экстремистской деятельности» не расписаны меры по предупреждению террористической и экстремистской деятельности. Основная форма противодействия данным угрозам – это запретительные меры. Профилактические мероприятия в этом направлении предусмотрены в Концепции национальной безопасности КР и Концепции государственной политики КР в религиозной сфере, которые не являются нормативными документами и лишь в систематизированном виде представляют собой официально признанные в КР принципы противодействия угрозам терроризма, исходя из достигнутого уровня законодательного и нормативного правового регулирования правоотношений в этой сфере. При этом в Концепции национальной безопасности КР акцент в сфере предупреждения терроризма сделан на международном сотрудничестве. Однако представляется, что в условиях отсутствия комплексного подхода к разработке и реализации необходимых мер

¹ Кодекс об административной ответственности Кыргызской Республики от 4 августа 1998 г. № 114...

по противодействию религиозному экстремизму и терроризму внутри страны углубление сотрудничества с другими государствами будет малоэффективным. Важной в этом отношении является согласованная работа всех субъектов, задействованных в противодействии терроризму, поскольку эффективное управление представляет собой фундамент формирования собственной стратегии предупреждения и нейтрализации угроз терроризма и религиозного экстремизма¹.

В-четвертых, в Кыргызстане законодательно не закреплено понятие «традиционные религии»². Между тем, в Концепции национальной безопасности укрепление взаимодействия с традиционными религиями при реализации гражданами своего права на свободу вероисповедания называется в качестве одной из главных мер по противодействию терроризму и религиозному экстремизму. Однако в документе не указывается на то, какие именно религии входят в понятие традиционных. В свою очередь, в Концепции государственной политики КР в религиозной сфере лишь подчеркивается та важная роль, которую в истории Кыргызстана сыграли суннитский ислам ханафитского мазхаба и православное христианство, которые исповедует значительная часть населения страны³.

В-пятых, существуют значительные противоречия между Законом КР «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г. и Законом КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 31 декабря 2008 г. С точки зрения организационно-правовой формы, религиозная организация входит в категорию некоммерческих организаций, которые, согласно Закону КР «О некоммерческих организациях», во-первых, могут быть созданы по инициативе трех человек, во-вторых, располагают правом самостоятельного решения относительно регистрации

¹ Корнаухова Т. В. От борьбы к профилактике терроризма (апрель 2012) // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ot-borby-k-profilaktike-terrorizma>

² Государственная политика в религиозной сфере и основные религиозные течения в Кыргызстане: Метод. пос. / Гос. комиссия по делам религий КР. – Бишкек, 2015. – С. 9.

³ Концепция государственной политики КР в религиозной сфере на 2014–2020 годы...

в качестве юридического лица. Однако данные нормы не соответствуют положениям Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике», предусматривающего обязательную регистрацию религиозной организации по инициативе 200 человек¹. В результате, данные противоречия приводят к тому, что, будучи не в состоянии зарегистрироваться в качестве религиозной организации ввиду недостаточного количества последователей или отрицательного решения местного кенеша, они действуют подпольно. В свою очередь, возможности государства в регулировании религиозной сферы значительно ограничиваются².

Другое противоречие между данными нормативно-правовыми актами лежит в плоскости обязательства религиозных организаций и миссий согласовывать с местными кенешами списки членов своего учредительного собрания для получения государственной регистрации согласно п. 2 ст. 10 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций». Данное требование противоречит сущности религиозной организации как некоммерческой, создаваемой на основе общности своих убеждений, арбитром в которых местные кенешы быть не могут³.

Кроме того, в указанных нормативно-правовых актах имеются и определенные терминологические неточности. В частности, в п. 5 ст. 8 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» вводится понятие «религиозные объединения» для обозначения объединений религиозных организаций, но в ст. 7 Закона КР «О некоммерческих организациях»

¹ Кабак Д. Обзор основных проблем реализации прав верующих на свободу вероисповедания в Кыргызской Республике // Свобода религии и убеждений в Центральной Азии: тенденции и вызовы: Центрально-Азиатский форум «Права человека – права верующего» / ОФ «Открытая позиция». – Бишкек, 2015. – С. 18–24 // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/187526?download=true>

² Кабак Д., Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в Кыргызской Республике: обзор правового обеспечения и практики / ОФ «Открытая позиция». – Бишкек, 2011 // URL: <http://www.osce.org/ru/bishkek/93787?download=true>

³ Кабак Д. Обзор основных проблем реализации прав верующих на свободу вероисповедания в Кыргызской Республике...

в этих целях используются термины «ассоциация»/«союз»¹. При этом создание религиозных объединений в Законе КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» ограничивается рамками одной деноминации, что противоречит нормам Закона КР «О некоммерческих организациях», не лимитирующих возможность создания ассоциаций/союзов некоммерческих организаций отдельными их характеристиками².

Необходимо также подчеркнуть противоречия между нормами Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в КР» от 31 декабря 2008 г. и УК КР. Первым в п. 8 ст. 22 устанавливается ответственность в соответствии с законодательством КР за «изготовление, хранение и распространение печатных изданий, кино-фото-аудио-видеопродукции и других материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма»³. Однако в соответствии с п. 1 ст. 299-2 УК КР наказание в виде лишения свободы наступает в случае «приобретения, изготовления, хранения, распространения, перевозки и пересылки экстремистских материалов, а также умышленного использования символики или атрибутики экстремистских организаций»⁴. В результате, неосознанное приобретение гражданином экстремистской литературы в силу своей неосведомленности может выступить необходимым условием для привлечения его к уголовной ответственности. В частности, в 2011 г. в Баткенской области двое последователей организации «Свидетели Иеговы» были привлечены к уголовной ответственности за приобретение дисков экстремистской партии «Хизб ут-Тахрир»⁵.

Между тем не лишен противоречий и сам указанный Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций

¹ Кабак Д., Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в КР...

² Кабак Д. Обзор основных проблем реализации прав верующих...

³ Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. ...

⁴ Уголовный кодекс КР...

⁵ Исаева А. «Свидетелей Иеговы» перепутали, приняв за членов «Хизб-ут-Тахрир» (12.12.2012) // URL: http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=17221...

в КР». С одной стороны, согласно п. 3 ст. 11 Закона, в нормах о положении миссии указано, что в случае ее реорганизации/ликвидации ее собственность, представляющая архитектурную, культурную и историческую ценность, должна оставаться на территории КР. С другой стороны, п. 1 ст. 19 данного Закона предусматривается обязательство миссий возвратить предоставленное им в пользование имущество юридическими и физическими лицами прежнему владельцу или правопреемнику¹.

В аспекте практической реализации положений нормативно-правовых актов в сфере противодействия религиозному экстремизму и терроризму на практике необходимо подчеркнуть, что ряд из них не работает, а именно:

– в нарушение ст. 13 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» в Кыргызстане отсутствует список запрещенных экстремистских материалов, поскольку в Министерство юстиции не поступило ни одного вступившего в законную силу судебного решения. Ситуация усугубляется тем, что в республике отмечается дефицит специалистов, которые на основе разработанной системы критериев и методологии могут вынести решение относительно характера обнаруженных материалов². В этом аспекте прослеживается и отсутствие положительных сдвигов в реализации Концепции государственной политики КР в религиозной сфере, в которой разработка данных критериев обозначена в качестве приоритетов государственной политики по предупреждению религиозного радикализма и экстремизма;

– следует отметить и нарушение положений ст. 5 Закона КР «О противодействии терроризму» – в республике не отлажен механизм межведомственного обмена информацией по вопросам угроз терроризма. Например, Генеральная прокуратура КР получает результаты расследований, проводимых Государственным комитетом национальной безопасности КР (ГКНБ) и Министерством внутренних дел КР (МВД), для проведения

¹ Кабак Д., Эсенгельдиев А. Свобода вероисповедания в КР...

² Агеева Е. В Кыргызстане обсудили проблемы радикализации ислама (25 ноября 2015) // URL: <http://www.mk.kg/articles/2015/11/25/factory-riska.html>

собственного уголовного разбирательства. Однако, несмотря на то, что согласно ст. 8 Закона КР «Об органах национальной безопасности КР» для координации деятельности государственных органов КР, осуществляющих противодействие терроризму, при ГКНБ был создан Антитеррористический центр, механизм запроса Генеральной прокуратурой у ГКНБ детализированной информации или сведений по завершению разбирательства не отработан. Сотрудники антитеррористического отдела Генеральной прокуратуры заявляют, что ГКНБ не предоставляет сведений об источниках информации и методах ее получения. Более того, ГКНБ не проводит консультационных встреч с представителями Генеральной прокуратуры до момента завершения расследования¹. Другими важными факторами, торпедирующими работу ответственных органов, являются неэффективные бюрократические структуры, а также низкий уровень заработной платы и частые кадровые перестановки;

– нерешенность вопроса о содержании понятия «традиционные религии» создает условия для активизации экстремистских религиозных организаций, выдвигающих обвинения в нарушении государством: а) ст. 32 Основного закона КР, гарантирующей свободу вероисповедания; б) ст. 7 Конституции КР, а также ст. 5 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г., содержащих положения о том, что никакая религия в КР не может быть установлена в качестве государственной или обязательной и что все религии и религиозные организации равны перед законом;

– нарушаются положения ст. 17 Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности», в которой запрет деятельности иностранной неправительственной организации влечет за собой запрет на ведение любой хозяйственной или иной деятельности на территории КР, публикацию в СМИ и распространение

¹ Country Reports on Terrorism 2014 / United States Department of State Publication. Office of the Coordinator for Counterterrorism. Released June 2015 // URL: <http://www.antiterroristoday.com/biblioteka/dokumenty/8845-2014-country-reports-on-terrorism>

любых материалов от своего имени, а также проведение публичных мероприятий. В частности, в Кыргызстане в качестве общественной организации осуществляет свою деятельность Центр тестирования, сотрудники которого открыто распространяют литературу запрещенной в республике с 2014 г. Церкви сайентологии;

– следует отметить и нарушение положений ст. 25 Закона КР «О противодействии терроризму», которые предусматривают обязательство государственного органа в сфере противодействия финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, публиковать список физических или юридических лиц, которые причастны к террористической деятельности;

– в настоящее время остается нереализованным решение Конституционной палаты Верховного суда КР о несоответствии Основному закону КР положения ст. 10 Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. об обязательном согласовании с местными кенешами списка граждан, членов учредительного совета, являющихся инициаторами создания религиозной организации/миссии, вынесенное 4 сентября 2014 г. по факту обращения членов организации «Свидетели Иеговы»¹.

Итак, проведенный анализ нормативно-правовых актов КР и иностранных государств позволяет сделать вывод о том, что в Кыргызстане необходимо создать общегосударственную многоуровневую систему предупреждения проявлений терроризма и религиозного экстремизма. Для этого следует, прежде всего, обеспечить исполнение действующих нормативно-правовых актов, а также внести в них некоторые изменения и дополнения, в частности:

1) провести дифференциацию понятий «терроризм» и «религиозный экстремизм» путем их стандартизации в нормативно-правовых актах: УК КР, Законе КР «О противодействии

¹ Верховный суд Кыргызской Республики защищает религиозную свободу Свидетелей Иеговы (05.11.2014) // URL: http://jw-ru.blogspot.ru/2015/02/blog-post_3.html?m=0

терроризму», Законе КР «О противодействии экстремистской деятельности» – в целях адекватного применения статей УК КР (например, как в Законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности»¹), либо уравнивать степень тяжести преступлений, квалифицируемых в качестве экстремизма и совершенных с применением насилия, и преступлений террористической направленности;

2) необходимо составить и опубликовать: а) список запрещенных экстремистских материалов; б) список физических или юридических лиц, причастных к террористической деятельности;

3) устранить противоречия между нормами Административного кодекса КР и Законом КР «О противодействии терроризму» в части типа наказания за финансирование террористической деятельности;

4) определить государственный орган, ответственный за противодействие экстремистской деятельности;

5) конкретизировать положения Закона КР «О противодействии терроризму» и Закона КР «О противодействии экстремистской деятельности» относительно определения обязанностей уполномоченных государственных органов при осуществлении профилактических мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, поскольку отсутствие согласованности в этой сфере, закрепленной законодательными требованиями, отрицательно сказывается на системе противодействия данным угрозам в целом;

6) необходимо внести изменения в Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г. (в ред. от 7 декабря 2012 г.) в соответствии с теми замечаниями, которые были сделаны БДИПЧ/ОБСЕ и отечественными экспертами, а именно: дать четкое определение религиозного экстремизма в тексте указанного Закона; в процессе государственной регистрации

¹ *Забарчук Е. Л.* Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. – 2008. – № 6. Июнь // URL: <http://www.center-bereg.ru/m2726.html>

религиозных организаций отменить нормы о минимальном количестве инициаторов в 200 человек, а также обязательном согласовании списка инициаторов с местными кенешами с целью: а) предотвращения нелегального функционирования религиозных групп; б) унификации и гармонизации законодательства; ввести понятие «религиозная группа» для определения незарегистрированных религиозных сообществ для учета их количества и специфики; отменить норму об обязательном сохранении на территории КР собственности миссий, представляющей архитектурную, культурную и историческую ценность, поскольку эта норма нарушает права тех юридических и физических лиц, которые передали объекты собственности в пользование религиозной организации, обязанной их вернуть в случае своей реорганизации/ликвидации;

7) кроме того, необходимо внести корректировки в УК КР в части формулировки положения о назначении уголовного наказания за приобретение материалов экстремистского содержания, сохранение которой не только противоречит содержанию Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», но и может быть использовано для назначения уголовного наказания лицам, не осведомленным о характере приобретенных материалов. В последнем случае важно в Законе КР «О противодействии экстремистской деятельности» и Законе КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике» регламентировать деятельность Государственной комиссии по делам религий как государственного органа, ответственного за проведение религиозоведческой экспертизы, результаты которой передаются Министерству юстиции с последующей их публикацией в СМИ.

Таткало Н. С.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В УСЛОВИЯХ УКРЕПЛЕНИЯ ИСЛАМА
И НАРАСТАНИЯ УГРОЗЫ
РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В настоящее время одним из ключевых трендов развития общественной жизни в Кыргызской Республике, обозначившихся в результате запуска в начале 1990-х гг. процесса демократизации политической системы республики, выступает реисламизация. В этом отношении необходимо учитывать тот факт, что исторически Центральная Азия считается одним из ведущих центров ислама и исламского образования. Даже в советский период ислам продолжал оставаться для большинства населения стран региона системой моральных принципов и ежедневных религиозных ритуальных практик, которые напрямую противоречили существовавшей на тот момент идеологии. Исламский компонент представляет собой неотъемлемую часть образа жизни, национального самосознания, духовного и культурного наследия кыргызского народа, когда национальные традиции и обычаи находятся в тесной связке с исламскими традициями¹. Следовательно, социальная база ислама в Кыргызстане никогда не исчезала, а параллельный с ретрадиционализацией (возрождение институтов традиционного общества, имеющих неформальный характер в условиях установленного политического режима) процесс возрождения исламских ценностей после обретения республикой независимости имеет сильные предпосылки. В этом аспекте ключевым моментом выступает выявление сути

¹ *Маликов К. К.* Духовно-идеологическое поле Кыргызстана, пути поиска общей национальной идеи: «Между западной цивилизацией и восточным миром» // XXI век и новые вызовы культурно-идеологического развития Кыргызстана: Мат-лы конф. (Бишкек, 12 декабря 2005 г.) – Бишкек, 2005. – С. 15.

взаимосвязи процесса демократизации политической системы КР и исламского ренессанса.

Анализ литературы по данной проблематике позволяет сделать вывод о том, что суть процесса реисламизации состоит в усилении влияния исламских норм как регуляторов социальных процессов в светском государстве¹. На тот факт, что республика переживает подъем исламского ренессанса, указывает сравнительный анализ результатов исследований, проведенных в КР Международным фондом электоральных систем в 1996 г. и аналитическим корпусом Государственной комиссии по делам религий при правительстве КР (ГКДР) в 2016 г. Согласно первому исследованию, только 55,3% этнических кыргызов в 1996 г. идентифицировали себя мусульманами². Однако в исследовании ГКДР «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике» отмечается, что среди основных этнических групп КР (кыргызы, узбеки, русские) верующими себя позиционируют уже 98,4%³. Учитывая же, что абсолютное большинство респондентов (92,9%) исповедуют ислам, можно сделать вывод о том, что исламские ценности играют важную роль в повседневной жизни большинства населения страны. Более того, согласно данным, представленным отечественным экспертом Ч. Эсенгул в исследовании «Молодежь и публичная политика в Кыргызстане», по результатам социологического опроса, проведенного на территории республики одной из международных организаций, 62,8% молодежи КР идентифицируют себя прежде всего как «мусульмане» и лишь затем как «кыргызы»⁴.

¹ Садыхова А. А. Трансформация значений терминов «исламизация» и «реисламизация» в контексте современных социально-политических процессов // URL: <http://textarchive.ru/c-1067015.html>

² McGlinchey E. Islamic Revivalism and State Failure in Kyrgyzstan // Problems of Post-Communism. – 2009. – May/June // URL: http://mason.gmu.edu/~emcglinc/McGlinchey_Islamic_Revivalism.pdf

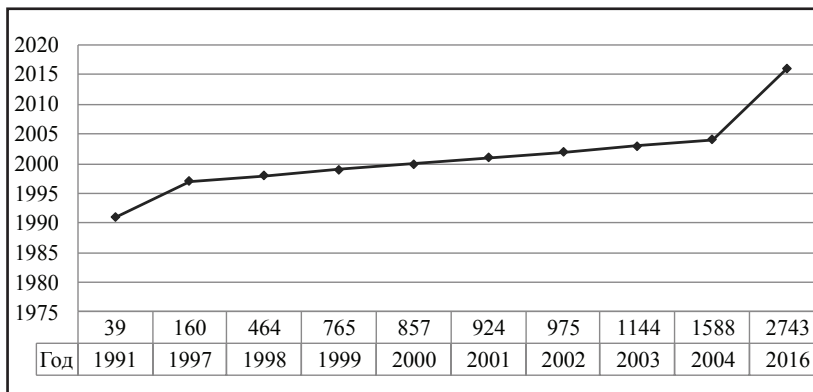
³ Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике: Соц. исследование. – Бишкек, 2016 // URL: <http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/.pdf>

⁴ Esengul Ch., Mamaev B., Yefimova-Trilling N. Youth and Public Policy in

Важным индикатором исламского возрождения в республике выступает рост числа возводимых мечетей. Представим эту динамику в виде следующего графика.

График 1

Рост количества мечетей в Кыргызстане в динамике*

*График составлен нами на основе данных источников: *Мурзахалилов К., Маматалиев К., Мамаюсупов О.* Ислам в условиях демократического развития Кыргызстана: сравнительный анализ...; *Торогельдиева Б.* Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане...; *Кудрявцева Т.* За годы независимости число мечетей в Кыргызстане выросло в 70 раз (23.11.2016) // URL: http://www.24.kg/obschestvo/40314_za_godyi_nezavisimosti_chislo_mechetey_v_kyrgyzstane_vyroslo_v_70_raz/

В этом контексте следует отметить, что, с одной стороны, строительство мечетей является важным механизмом удовлетворения духовных потребностей социума, а с другой стороны, специфика ситуации в Кыргызстане в этом вопросе состоит в неконтролируемом характере этого процесса, что проявляется в явном дисбалансе между численностью населения отдельного населенного пункта и количеством возведенных мечетей. В настоящее время в Кыргызстане мечетей больше, чем светских школ и больниц: в среднем их количество по республике (2743)

Kyrgyzstan (New York, 2012) // URL: http://www.youthpolicy.org/national/Kyrgyzstan_2012_Youth_Policy_Review.pdf

превышает количество больниц и поликлиник (338) в 8 раз, а школ (2218) – 1,2 раза¹. Кроме того, в КР функционируют 10 исламских высших учебных заведений, 65 медресе². А около 1000 кыргызстанцев, по данным МВД, получают образование в религиозных учебных заведениях Пакистана, Саудовской Аравии, Египта, Турции, Иордании, Сирии, Йемена и Бангладеш³.

Между тем процесс реисламизации населения КР проявляется не только в числах, но и в возрастающей готовности граждан КР следовать в своем поведении исламским нормам. Становятся популярными свадебные церемонии в соответствии с исламскими канонами, широкое распространение получает ношение хиджаба, празднование исламских праздников, соблюдение религиозного поста.

Другой формой проявления тенденции усиления значимости исламских ценностей для населения КР выступает участие исламских организаций, а также групп самопомощи на базе местных мечетей в обеспечении нуждающихся продовольствием, жильем и т. д., чего не может гарантировать государство. Кроме того, подобные организации оказывают материальную поддержку: а) студентам, которые проходят обучение как в исламских, так и в светских учебных заведениях; б) мусульманам, желающим совершить паломничество в Мекку. В свою очередь, национальные компании передают часть своей прибыли исламским институтам в форме благотворительной помощи. Вместе с тем получили распространение принципы исламского кредитования. При этом растущее влияние ислама охватывает не только

¹ Инфографика: число мечетей в Бишкеке сравнялось с количеством школ (10.01.2017) // URL: http://zanoza.kg/doc/350616_infografika:_chislo_mechetey_v_bishkeke_sravnialos_s_kolichestvom_shkol.html

² Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам-членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях: Аналитич. доклад / Под ред. И. Н. Панарина, А. А. Казанцева. – М.: Аналитическая ассоциация ОДКБ; ИМИ МГИМО МИД России, 2017. – 50 с. // URL: http://imi-mgimo.ru/images/pdf/analiticheskie_doklady/igil.pdf

³ Турусбеков Р. Психологический и социальный портрет экстремиста и террориста // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014. – С. 143.

социально уязвимые слои населения, но и интеллигенцию, а также представителей среднего и малого бизнеса.

Таким образом, ислам в КР превратился в важнейший фактор индивидуального и общественного поведения. При этом ключевые детерминанты сложившейся ситуации лежат в плоскости неудач демократических преобразований в республике, результировавших в оформление неопатримониального политического режима, синтезировавшего в себе внешние современные демократические институты и архаичные политические традиции, которые представители родоплеменных объединений сделали инструментом и формальной опорой своего личного господства. Следовательно, исламское возрождение в Кыргызстане вряд ли возможно объяснять исключительно в плоскости реакции на простое внедрение западных ценностей. Причины реисламизации имеют, прежде всего, внутреннее происхождение, обусловленное искажением данных ценностей при их прохождении через призму национальных особенностей. Это результат комплексного воздействия экономических, политических, культурно-исторических и социально-психологических факторов.

Социально-экономические причины лежат в плоскости непродуманной руководством республики стратегии «фронтальной атаки» в аспекте демократических изменений – одновременной трансформации политической, экономической и социальной систем с целью скорейшей их адаптации к западным моделям, что привело к прямо противоположным результатам. Приватизация крупных экономических объектов в КР, наряду со свободным ценообразованием и свободной конвертацией валюты, стала не только очередным шагом к либерализации экономической системы КР, но и ликвидировала систему государственного снабжения населения предметами потребления, жильем, медицинскими, образовательными и рекреационными услугами, а также гарантированного трудоустройства. Как следствие, актуализировались проблемы падения уровня жизни населения, социальной маргинализации и возрастающей социальной поляризации. Профессор политологии в Школе

политики, управления и международных отношений Университета Дж. Мэйсона Э. Макглинчи характеризует сложившуюся социально-политическую обстановку в КР следующим образом: «Это результат слабого государства, которое не может в XXI в. обеспечить то, что гарантировал Ленин в начале XX в., – электричество на постоянной основе, не говоря о базовых социальных потребностях – доступные медицинские и образовательные услуги, а также своевременная выплата пенсий»¹.

В этих условиях население стало возвращаться к узким традиционным родоплеменным структурам. Однако данный процесс имел амбивалентные последствия. С одной стороны, родоплеменные структуры предоставляли гарантии материальной обеспеченности, социальной безопасности, сохранения человеческого достоинства, с другой – они же выступили тормозящим фактором в развитии системы социальных лифтов в условиях провозглашенного руководством страны курса на построение демократии: опора на «своих» и связанные с ней схемы коррупционного взаимодействия ограничивают возможности самореализации граждан, вызывают реакцию отторжения². В свою очередь, поскольку в рамках родоплеменных объединений национальная и конфессиональная идентичности тесно переплетены, ислам выступил естественным фактором углубления духовного единения населения и генерирования чувства взаимосвязи, необходимых для преодоления возникающих социально-экономических трудностей. В этом отношении важное значение имеет социальная ответственность – как принцип, регламентирующий поведение каждого мусульманина и базирующийся на понятии «ихсан» (благотворительность), – суть которой состоит не только в оказании материальной поддержки нуждающимся и строительстве религиозных объектов, но и

¹ *McGlinchey E.* Islamic Revivalism and State Failure in Kyrgyzstan...

² *Звягельская И.* Секулярная модель и проблема идентичности в контексте строительства национальных государств в Центральной Азии // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. круглого стола (Алматы, 30 ноября 2007 г.) // URL: <http://www.kisi.kz/uploads/1/files/biXf1R11.pdf>

активном участии в возведении социальной инфраструктуры, а также общественных мероприятиях¹.

Между тем обозначенные причины роста религиозности населения имеют характер закономерности. Согласно исследованию *Gallup International* «Мировой индекс религиозности и атеизма – 2012», чем ниже уровень благосостояния населения страны, тем выше степень его религиозности². Это обусловлено тем, что материальное благополучие выступает в качестве основы морального спокойствия людей. Однако, когда они разочаровываются в возможности своими силами выйти из кризиса, в стране отмечается рост религиозности населения, поскольку именно религиозная солидарность гарантирует индивиду материальную и духовную поддержку.

Таким образом, социально-экономические причины возрождения ислама в КР можно представить в виде следующей логической цепочки. Разделяемые обществом исламские ценности ведут к усилению взаимного доверия. В свою очередь доверие выступает катализатором взаимопомощи, что проявляется в увеличении объемов добровольных пожертвований для обеспечения нуждающихся необходимыми социальными услугами и благами. Данные мероприятия способствуют поддержанию определенного уровня благосостояния населения, что привлекает всё больше последователей.

Между тем обращение населения именно к религии как ключевой духовной скрепе обусловлено **социально-психологическим кризисом**, сопровождавшим распад СССР. Результатами конфликта с новыми реалиями демократического развития стали: а) девальвация в сознании населения значимости коммунистических ценностей и идеалов; б) отказ от прежних социальных ролей, изменение социальных статусов и традиционных

¹ Маликов К. Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане: «Мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства // Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет?: Мат-лы междунар. круглого стола (Алматы, 30 ноября 2007 г.) // URL: <http://www.kisi.kz/uploads/1/files/biXf1R11.pdf>

² Global Index of Religiosity and Atheism – 2012 // URL: <http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf>

жизненных устоев граждан. В этом аспекте следует подчеркнуть, что объективно процесс трансформации аксиологического набора общества требует больше времени, нежели формальная инсталляция новых государственных институтов, – срывает «эффект запаздывания», торпедируя процесс социализации граждан, в рамках которого разрешаются узловые проблемы формирования общегражданской идентичности¹. Однако в КР функция государства как ключевого генератора и интерпретатора смыслов, определяющего ценностный кодекс гражданина, была фактически атрофирована.

Важнейший агент социализации – образовательные учреждения, способные оказывать целенаправленное воспитательное воздействие на молодое поколение, прививая ему определенный набор ценностей, норм поведения, знаний, в настоящее время отличаются низкой эффективностью. Как следствие, в условиях отсутствия разработанного на государственном уровне инструментария и стратегии консолидации общества посредством идентификации с определенным политическим сообществом многие нашли источник этой идентификации в исламе. Обращение к исламу формирует в сознании людей ощущение устойчивости, спокойствия, стабильности и определенности в жизненных ориентациях в противовес чуждым и аморфным демократическим ценностям, суть которых не только не объяснялась правящей элитой, но и искажалась. В результате, мечети и медресе превратились в один из главных механизмов социализации молодежи, места повседневной коммуникации.

Другая причина активизировавшегося процесса реисламизации населения КР в постсоветский период – **либерализация духовной жизни населения**, которая, с одной стороны, способствовала открытой демонстрации гражданами своей конфессиональной принадлежности и свободному соблюдению религиозной обрядности, с другой – создала условия для распространения не традиционных для населения КР исламских течений, в частности ваххабизма, которые оформили так называемый

¹ Кошоева Ч. М. Роль образования в формировании общегражданской идентичности // Стратегия. – 2015. – № 1 (3). – С. 33.

«параллельный ислам»¹. Кроме того, ряд государств Ближнего Востока, для которых ислам выступает важным инструментом внешней политики, стали проявлять особую активность в оказании финансовой и гуманитарной помощи, создании и оснащении исламских центров, мечетей и медресе, издании религиозной литературы, обучении студентов, что способствовало повышению интереса граждан КР к исламу.

Обозначенные особенности общественного поведения и сознания оказывают влияние на функционирование политической системы КР и специфику борьбы политических группировок за власть и влияние, поскольку религия является мощным фактором мобилизации людских ресурсов. Если интерпретировать ситуацию в КР в ракурсе теории политической системы Д. Истона «черный ящик», то в настоящее время политическая система республики, под которой понимается ряд взаимодействий, посредством которых происходит распределение ценностей в обществе, находится в состоянии адаптации к изменяющейся интрасоциетальной среде – усиление влияния исламских духовных ценностей в общественной жизни. Это проявляется в том, что ряд политических лидеров, объединений, групп, отмечая превращение ислама в более общепринятый базис личностной идентификации и снижение уровня доверия к себе со стороны населения, главным требованием которого выступает честность представителей власти, выстраивают стратегии своих избирательных кампаний, используя религиозную риторику и оперируя лозунгами справедливого государства. В общественном сознании религиозность человека ассоциируется с честностью и коррелирует с такими качествами, как профессионализм и ответственность за свою деятельность перед Богом, что, соответственно, свидетельствует о справедливости принимаемых им решений и целесообразности осуществляемых действий.

Однако требования, предъявляемые социумом к политикам, воспринимаются последними не в качестве индикатора необходимости трансформации политической системы в направлении

¹ *Маликов К.* Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане...

ее соответствия этим требованиям, а лишь как свидетельство смены риторики в коммуникации с электоратом: акцентирование внимания на духовном возрождении страны, уважении прав верующих, необходимости их защиты, а также нарочитое подчеркивание собственной религиозности и демонстрация взаимодействия с исламскими священнослужителями. В результате, религия приобретает форму личного интереса политиков, использующих ее для улучшения своего имиджа, стирания негативных моментов своей биографии. В этом отношении наиболее красноречивым аргументом выступает перманентное реформирование судебной системы КР, справедливость принимаемых решений в рамках которой отражает: а) действие принципа разделения властей; б) «естественный отбор» законопослушных политиков. В Кыргызстане же судебная система, несмотря на декларируемые изменения, работает «наоборот» – служит инструментом оправдания незаконных действий политического истеблишмента.

При этом сложившаяся ситуация детерминирована не только низким уровнем нравственности представителей власти, но и невысоким уровнем религиозного просвещения населения. Довольно точно сложившуюся ситуацию характеризует К. Маликов: «У наших верующих очень слабый уровень принятия ислама. Есть количество, но нет “качества”, “качества” понимания ислама. Поэтому мусульмане у нас, к сожалению, ограничиваются только намазом и исполнением ритуальной стороны ислама»¹. Соответственно, демагогия и популизм политиков, обращающихся к религиозной тематике, есть результат «качества» социального запроса, сфокусированного на внешней атрибутике религиозности.

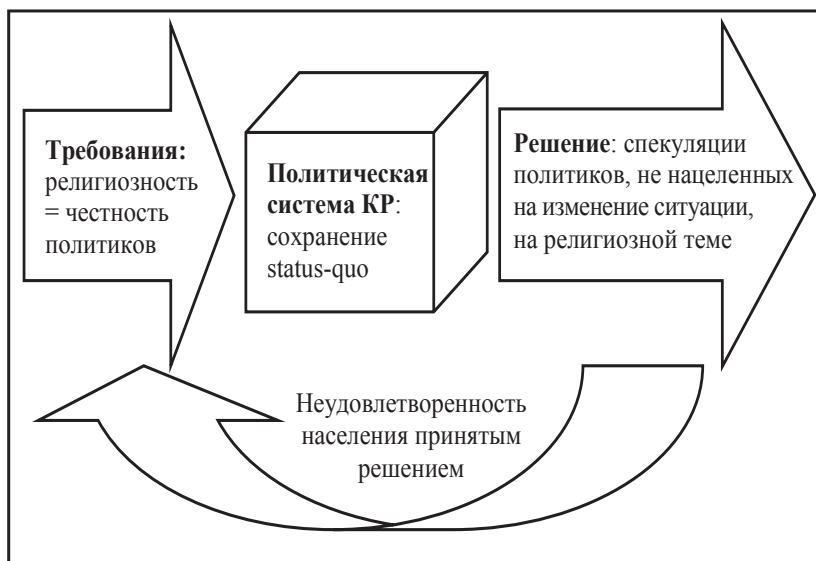
В целом же, важно подчеркнуть, что реисламизация на данном этапе не оказывает революционного влияния на государственный строй КР в аспекте изменения светского характера государства – политизация ислама носит сугубо субъективный

¹ Политолог Кадыр Маликов (Кыргызстан): «Росту религиозных радикальных организаций может противодействовать только рост религиозного самосознания» // Ислам в СНГ. – 2010. – №1. – С. 94.

характер, не предполагающий не только трансформации политической системы в направлении адаптации светских законов к предписаниям ислама, но и нравственного совершенствования политиков. Визуально смоделировать политическую систему КР в разрезе складывающейся религиозной конъюнктуры можно следующим образом.

Схема 1

**Политическая система Кыргызской Республики
в условиях политизации ислама**

Однако данная система сможет функционировать в подобном формате до достижения критического объема недовольства населения диссонансом между демонстрируемой религиозностью представителей власти и их фактическим поведением, не результирующим в конкретные решения социально-политических проблем, на фоне открытости внешнему исламскому миру, роста спроса среди молодежи на получение религиозного образования и активной подпольной деятельности деструктивных

исламистских группировок, ставящих целью дискредитировать правящий режим с последующей сменой государственного устройства, используя низкий уровень образованности и высокую степень внушаемости населения республики. В нынешних условиях они выступают в качестве идеологических центров объединения граждан КР, которые черпают в них чувства коллективизма и солидарности. В частности, в настоящее время на учете в Министерстве внутренних дел КР состоит 1700 членов религиозно-экстремистских организаций, из которых 81,7% составляют члены международной экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир»¹.

Другая угроза религиозной безопасности Кыргызской Республики, исходящая от сложившейся ситуации, состоит в том, что в КР формируются благоприятные условия для оформления партнерских отношений между местными политиками и радикальными исламистскими группировками, которые в целях внедрения в политическую систему КР и распространения своего влияния могут временно отказаться от своих экстремистских принципов.

Таким образом, исламский ренессанс представляет собой многогранный и многоступенчатый процесс, в результате которого ислам превращается в регулятор социальных отношений и ценностных ориентаций, будучи реакцией отторжения чуждых, привнесенных с Запада демократических ценностей. Специфика ситуации в КР состоит в том, что параллельное существование формальных демократических институтов и реабилитированных традиционно-патриархальных структур (оформление неопатримониального режима) оказалось неэффективным как в социально-экономическом плане, так и с точки зрения формирования общегражданской идентичности. Поскольку ислам является неотъемлемой частью культурно-исторического наследия кыргызского народа, именно он стал рассматриваться гражданами в качестве объединяющего

¹ *Абдылдаев М.* Стратегии по борьбе с насильственным экстремизмом в Кыргызской Республике // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014. – С. 117–133.

начала, ценностный и морально-нравственный потенциал которого заложил основы системы социальной взаимопомощи, а также выступил источником самоидентификации и ценностных критериев, что важно с точки зрения формирования отношения людей к социально-политическим и экономическим процессам в стране и соответственно определения характера своего участия в них.

В свою очередь, учитывая тот факт, что идея справедливого государства, основанного на религиозности политических лидеров, является мощным инструментом воздействия на широкие массы мусульманского населения КР, одним из трендов общественно-политического развития Кыргызстана явилось манипулирование общественным мнением мусульман испытывающими кризис легитимности политическими силами. Данные политические акторы, культивируя интерес верующих к участию в политике, стремятся усилить свои позиции в политическом поле, базируясь на опыте работы экстремистских группировок, но при этом открыто не ставят целью разрушение светского порядка государства.

Между тем превалирование корыстных интересов политиков в деле манипулирования религиозностью населения негативно сказывается на состоянии религиозной безопасности республики, поскольку результирует в расширение числа разочаровавшихся в деятельности дискредитировавших себя политиков граждан, которые в силу своего религиозного дилетантизма вовлекаются в исламистские группировки.

Следовательно, в настоящее время государство стоит перед выбором:

– либо способствовать развитию ислама в форме умеренного «светского ислама», признающего институты демократии и апеллирующего к вопросам морально-нравственного совершенствования и религиозного просвещения населения республики;

– либо фактически создавать благоприятные условия для оформления религиозно-политической оппозиции, которая отвергает нынешний светский политический режим как

не соответствующий исламским принципам и требует изменить роль и место религии в жизни общества¹.

Исходя из соображений национальной безопасности и социально-политической стабильности, развитие ситуации по второму сценарию является неблагоприятным. В силу этого для руководства страны актуализируется задача разработать государственную идеологию и долгосрочную стратегию в отношении исламского сообщества, которые дадут четкие ответы на вопросы общества: а) что значит светское государство, основанное на принципе свободы вероисповедания; б) место и роль умеренного ислама в светском государстве с мусульманским большинством населения и его отличия от исламского государства (клерикального государства); в) существуют ли успешные модели синтеза морального и интеллектуального потенциала ислама и принципов светского демократического государства с учетом национальных ценностей.

¹ См.: *Маликов К.* Светское государство и исламский политический процесс в Кыргызстане: «Мусульманский ресурс» как фактор государственного строительства...

Мураталиева З. Т.

**ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ
МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА И «УМЕРЕННОГО ИСЛАМА»
НА ПРОСТРАНСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА
КАК ВАЖНОГО ФАКТОРА УКРЕПЛЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Со дня образования новой независимой республики в Кыргызстане было рассмотрено множество вариантов государственного строительства. Как и в других странах Центральной Азии, в Кыргызской Республике основным вектором стало нациестроительство. Для этой цели в стране были использованы различные модели государственной идеологии, однако ни одна из них не имела успеха.

Когда с развалом СССР вместо бывших союзных республик в Центральной Азии возникли новые независимые государства, Турция одной из первых признала их независимость. Руководители центрально-азиатских государств выражали готовность внедрить турецкую модель светского государства с умеренным исламом и технологической развитостью. В 1990-х гг. в средствах массовой информации этот вопрос стал наиболее дискутируемым¹. Однако степень интенсивности турецкого влияния в Кыргызстане, да и в регионе в целом, была незначительной.

С 2000-х гг. в Кыргызстане стал распространяться пантюркизм. В стране были открыты крупные турецкие университеты («Манас», «Ататюрк – Алатоо»), а также целая сеть школьных и дошкольных образовательных учреждений. Турция и Кыргызстан не имеют значительных торгово-экономических отношений, что говорит о политике «мягкой силы», проводимой

¹ *Мураталиева З. Т.* Взаимодействие Кыргызстана и Турции: геополитический аспект // Вестник КРСУ. – Бишкек, 2013. – № 13. – С. 197.

Турцией путем идеологической ориентации. Кыргызстан является единственной страной Центральной Азии, которая открыто заявляет о партнерских отношениях с Турцией, общности корней, религии и культуры. Примечательно, что одним из первых визитов экс-президента А. Атамбаева за рубеж стала Турция.

В середине июля 2016 г. министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу предупредил кыргызстанцев о «террористической угрозе». По его словам, она якобы исходит от образовательных учреждений «Себат», среди которых числится и университет «Ататюрк – Алатоо». В том же году генеральная прокуратура Турции направила письмо о том, что образовательная сеть «Себат» имеет отношение к Ф. Гюллену – лидеру оппозиционной организации, готовившей государственный переворот в Турции. В результате, властям Кыргызстана пришлось провести реформу системы управления образовательной сетью и переименовать её на кыргызский лад в «Сапат»¹. В 2014 г. президент А. Атамбаев заявил о необходимости реформы религиозной сферы. По его мнению, в случае непринятия решительных мер в условиях сложной религиозной ситуации, стране грозила потеря государственности. «Если государство не возьмет под свой контроль процессы в религиозной сфере и не направит их в правильное русло, – отметил он, – найдутся силы, которые будут управлять этими процессами и поставят под угрозу единство народа, будущее нашей страны. Нам нужен сильный, независимый Кыргызстан! Именно поэтому мы должны сегодня принять решения, которые будут направлены на укрепление единства народа, сохранение духовных ценностей, национальной самобытности!»². В том же году было заявлено о намерении властей развивать ханафитский мазхаб ислама как наиболее толерантный к представителям других религий и далекий от терроризма и экстремизма.

В 2017 г. Госкомиссия по делам религий при Президенте КР предложила ужесточить закон о свободе вероисповедания

¹ Кыргызстан: Турецкие лицеи «Себат» переименованы в «Сапат» // URL: <https://kloop.kg/blog/2017/03/29/kyrgyzstan-turetskie-litsej-sebat-pereimenovany-v-sapat/>

² Государство взялось за религию // URL: <https://rus.azattyk.org/a/25252645.html>

и религиозных организациях. Соответствующий законопроект был направлен на рассмотрение депутатов Жогорку Кенеша КР. В законопроекте, в частности, предусмотрены положения, запрещающие миссионерскую деятельность и ограничивающие деятельность религиозных организаций в стране. При этом следует заметить, что единственной религиозной организацией, не включенной в список запрещенных, в отличие от других стран ОДКБ, в Кыргызстане является «Таблиги Джаммаат». Эта организация занимается преимущественно миссионерской и просветительской деятельностью среди мусульман. В Кыргызстане до сих пор продолжаются споры о статусе и легальности деятельности данной организации.

В справке-обосновании к законопроекту говорится: «В основном молодые люди уезжают учиться в религиозные учебные заведения Саудовской Аравии, Египта, Турции, Пакистана, Афганистана, Индии и Ирана. Особую озабоченность вызывает выезд за границу для религиозного обучения несовершеннолетних в возрасте 9–14 лет. При этом отсутствие соответствующей информации и контроля со стороны государства за выездом молодых людей в зарубежные религиозные учебные заведения негативно отражается на национальной безопасности страны». Данный законопроект, по словам инициаторов, направлен, прежде всего, на устранение факторов, несущих потенциальные риски дестабилизации и дезорганизации власти, угрозы единства и целостности страны, а также разработан в целях приведения норм данного закона в соответствие с конституционными принципами. В настоящее время законопроект одобрен в первом чтении.

Сегодня количество религиозных организаций в Кыргызстане превышает количество светских образовательных учреждений. По данным Государственной комиссии по делам религий в Кыргызстане зарегистрировано 2814 религиозных организаций, из которых 2400 – исламского толка¹. В последние годы, с целью усиления борьбы с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, в законы и нормативно-правовые

¹ В Кыргызстане более 2,8 тыс. религиозных организаций, из них 2,4 тыс. исламского толка (23.09.2015) // URL: <http://kyrtag.kg>

акты Кыргызской Республики внесен ряд изменений и дополнений:

- в соответствии с Законом КР «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики в сфере противодействия терроризму и экстремизму» и соответствующими поправками в Конституцию КР отныне разрешено лишать гражданства террористов и экстремистов;

- в новой редакции изложена ст. 294 УК КР «Посягательство на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля», теперь предусматривающая ответственность за посягательство и убийство государственного или общественного деятеля в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности;

- в Кодекс об административной ответственности вносится новая статья – «Публичное прославление или восхваление террористической или экстремистской деятельности». По мнению инициаторов, она позволит выявить и проводить профилактическую работу с лицами, ведущими скрытую пропаганду идей экстремизма и терроризма под невинной формой права на самовыражение, свободу слова и религиозных убеждений¹;

- в целях предотвращения экстремистской вербовки в тюремных учреждениях Кыргызстана предлагается изолировать экстремистов от остальных заключённых и содержать их в отдельной камере;

- в целях регулирования религиозного образования поднимаются вопросы о необходимости легализации религиозных образовательных учреждений (медресе). Однако эти меры вступают в противоречие с Конституцией и законодательством об образовании, где прописано, что Кыргызстан является светским государством, а следовательно, и образование должно быть светским.

Несмотря на заявленную светскость, ислам играет значительную роль в политических процессах страны. С другой стороны, государство начало активно вмешиваться в религиозную

¹ Вступил в силу Закон о лишении гражданства КР террористов и экстремистов (04.08.2016) // URL: <http://zanoza.kg>

сферу, что говорит об отсутствии автономности религии. Некоторые сторонники «активного» ислама сегодня занимают позиции в высших государственных органах страны, но пока их попытки вмешаться в политические процессы заканчиваются безуспешно. Другая сторона вопроса заключается в наличии значительного количества эмигрантов за рубежом, основная масса которых является наиболее исламизированной.

На сегодняшний день турецкая модель ислама в Кыргызстане показала свою несостоятельность. В новой независимой республике не было столь длительной практики ислама, как это было в Турции. Кыргызы, в силу кочевого образа жизни, во многом соблюдали мусульманские традиции условно. Соответственно, большинство населения страны, несмотря на процессы исламизации, придерживаются ислама «поверхностно», что, по сути, не требует насильственного принуждения к светскости.

Также стоит отметить, что население не готово к включению религии в состав государственной идеологии, как это было в Индонезии и Малайзии. К тому же присутствие религии в управленческой системе не приветствуется как со стороны властей, так и со стороны большинства населения.

Умеренный ислам, по сути, является стратегией государства по отношению к мусульманскому населению, направленный на распространение «мирного» ислама. В трактовках зарубежных экспертов (корпорация РЭНД) умеренный мусульманин является гражданином, придерживающимся исламской религии, но в то же время подчиняющимся основным демократическим нормам и принципам. Умеренный мусульманин по замыслу экспертов является более толерантным и не подвержен влиянию экстремизма.

Необходимость умеренного ислама в Турции и юго-восточных странах является попыткой реализации собственной национальной идеи. При этом государственная идеология, которая объективно должна лежать вне религии, вынуждена мириться с исламскими принципами. В Турции «умеренная» система жизненно необходима для поддержания стабильности в регионе и получения экономических преференций от ЕС. Что касается

Юго-Восточной Азии (Индонезии и Малайзии), там прослеживается более «мягкая» картина в связи с наличием в истории индокитайских традиций, а также государственной идеологии, которая представлена в синтезе с религиозными нормами.

Государствам Центральной Азии путем применения превентивных мер удастся сохранить светский режим, при этом соглашаясь с явным доминирующим положением ислама в стране. Во внутренней политике Центральной Азии наблюдается попытка модернизации государства совместно с исламскими традициями, иначе говоря, строительство национальной идентичности в странах Центральной Азии с обязательным включением ислама, прежде всего как части национальной культуры.

В Кыргызстане в первые годы независимости наиболее вероятной рассматривалась турецкая модель ислама. Однако государственная стратегия в плане идеологии была развернута в сторону строительства нации, объединенной под лозунгами полиэтничности или единства народов. При преобладающем наличии мусульманского населения применение её в Кыргызстане было бы невозможным по объективным причинам – отсутствием традиционного ислама и неготовностью населения воспринять идеи ислама в государственном масштабе. На сегодняшний день в Кыргызстане, как и в других странах Центральной Азии, разрабатывается и претворяется в жизнь собственная модель умеренного ислама – модель ханафитского мазхаба, реализация которой идет путем как частичного (Кыргызстан, Казахстан), так и полного вмешательства (Узбекистан, Таджикистан) государства в дела религии.

**Омаров Е. М.
Эржанова Э. Д.**

**СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕЛИГИОЗНОГО РАДИКАЛИЗМА
И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА
В КЫРГЫЗСТАНЕ**

Тема использования цифровых технологий экстремистами и террористами в своих целях в силу своей актуальности и злободневности достаточно широко раскрыта в работах отечественных и зарубежных ученых¹. Беспрецедентная по своим масштабам деятельность ИГИЛ в мире, бесчеловечные теракты на всех континентах, совершенствование методов и приемов деятельности экстремистов и религиозных радикалов создают необходимость внимательного и вдумчивого изучения данного явления. К настоящему времени накопилось довольно много материала по данной теме.

¹ «Исламское государство»: феномен, эволюция и перспективы // Аналитические доклады (Приложение к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»). – ИМИ МГИМО МИД России, 2016. – Январь. – Вып. 1 (45) // URL: [https://mgimo.ru/upload/2016/01/an-doc-1\(45\)_2016.pdf](https://mgimo.ru/upload/2016/01/an-doc-1(45)_2016.pdf); Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2017; Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам-членам ОДКБ на центрально-азиатском и афганском направлениях / Под ред. И. Н. Панарина, А. А. Казанцева. – М.: Аналитич. ассоциация ОДКБ; Ин-т междунар. исслед. МГИМО МИД России, 2017 // URL: <http://imi-mgimo.ru/ru/analiticheskie-doklady/1031-ugroza-mezhdunarodnogo-terrorizma-i-religioznogo-ekstremizma-gosudarstvam-chlenam-odkb-na-tsentralnoaziatskom-i-afganskom-napravleniyakh.html>; *Von Behr I., Anais Reding Ch. E. and Gribbon L.* Radicalisation in the digital era: The use of the internet in 15 cases of terrorism and extremism. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2013 // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR453.html; *Weimann G.* Terror on the Internet: The New Arena, The New Challenges. – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2006.

Понимая, что в рамках настоящей статьи невозможно охватить весь спектр проблем и вопросов деятельности экстремистов и религиозных радикалов в цифровом поле, тем не менее необходимо уделить основное внимание угрозам и вызовам, существующим перед Кыргызстаном в этой области, исходя из опыта других стран в противодействии экстремистской и террористической деятельности. Целью данной статьи является анализ применения экстремистами и исламскими радикалами в своей террористической деятельности на территории Кыргызстана и в мире современных цифровых технологий, прежде всего Интернета и мобильной связи. В обзоре Всемирного банка 2016 г. «Цифровые дивиденды» указывается: «Мы переживаем величайшую информационно-коммуникационную революцию в истории человечества. Более 40 процентов населения планеты имеет доступ к Интернету, и каждый день в сеть входят новые пользователи. Среди беднейших 20 процентов домохозяйств мобильный телефон есть почти в каждом 7 из 10. Число беднейших домохозяйств, располагающих мобильным телефоном, выше, чем имеющих доступ к туалету или чистой питьевой воде»¹. В том же обзоре дается характеристика цифровых технологий, к которым относится Интернет, мобильные телефоны и все прочие средства сбора, хранения, анализа информации и обмена ею в цифровой форме².

Цифровые технологии – это перевод данных, таких, как они есть на самом деле (изображение, звук, текст и т. д.), т. е. аналоговых, в математическую, цифровую форму (обычно это 0,1, NULL или иная кодировка). Затем закодированные данные передаются адресату дискретным (прерывистым) сигналом. Таким образом, суть цифровых технологий заключается в кодировке, хранении и передаче данных. Именно поэтому, говоря о современных цифровых технологиях как инструменте распространения экстремизма и исламского радикализма, необходимо

¹ Цифровые дивиденды: Обзор: Доклад о мировом развитии / Группа Всемирного банка. – Вашингтон, округ Колумбия, 2016 // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf>

² Там же. – С. 2.

рассмотрение, прежде всего, использования в этих целях Интернета, мобильной связи и их продуктов, а именно социальных сетей, электронной почты и прочих средств современной электронной информации.

Уже сейчас применение цифровых технологий (Интернета, мобильных сетей) фактически преобразило мир вокруг нас. Спектр возможностей цифровых технологий практически безграничен. Их универсальность, надежность и быстрдействие позволяют применять их в любой области жизнедеятельности – промышленности, науке, бизнесе, культуре, религии, практически во всех сферах деятельности человека. Однако именно развитие цифровых технологий привело к появлению неизвестных ранее преступлений, а именно киберпреступлений, таких как хакерство, распространение вредоносных программ и т. д. Кроме того, такие достоинства Интернета, как высокая скорость связи, круглосуточный характер работы, охват всего земного шара и огромного количества пользователей на всех языках мира, обильные информационные ресурсы, развлекательные порталы, большое количество онлайн-сервисов, в том числе электронная коммерция и анонимность, сделали его идеальной площадкой для пропаганды человеконенавистнических взглядов, в частности, распространения экстремизма и идей исламского радикализма. Так, в четвертом докладе генерального секретаря ООН об угрозе, создаваемой ИГИЛ для международного мира и безопасности и усилиях Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой отмечается, что «активная деятельность ИГИЛ в онлайн-режиме привела к беспрецедентному росту числа иностранных боевиков-террористов, направляющихся в Ирак, Сирийскую Арабскую Республику и Ливию и выезжающих из этих стран...»¹.

¹ Четвертый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой от 02.02.2017 г. – S/2017/97. – С. 12 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/024/65/PDF/N1702465.pdf?OpenElement>

Габриэль Вейман в своей книге «Террор в Интернете: новая арена, новые вызовы» рассматривает основные элементы использования террористами Интернета. К ним он относит: сбор информации для получения ключевых сведений о стратегически важных объектах (фактически, террористы могут собрать 80 процентов информации, необходимой им для совершения теракта, из Интернета, используя широко доступные источники); интернет-коммуникацию для эффективного общения и координации деятельности; набор и мобилизацию (подбор персонала/новобранцев для террористической деятельности); инструкции и онлайн-руководства (по таким темам, как создание химического и взрывного оружия); планирование и координацию конкретных террористических атак; сбор средств через пожертвования; нападение на других террористов (Интернет как виртуальное поле битвы между террористическими организациями или внутри них)¹.

Наряду с этим в докладе Управления ООН по наркотикам и преступности определены методы, посредством которых Интернет используется в террористических целях: «... пропаганда (в том числе вербовка, радикализация и подстрекательство к терроризму); финансирование; обучение; планирование (в том числе с использованием секретной связи и открытых источников информации); исполнение; а также компьютерные атаки»².

В современной научной литературе достаточно подробно описаны практические методы работы террористов и экстремистов в Интернете. Во-первых, к ним можно отнести использование социальных сетей, прежде всего *Фейсбук*, *Твиттер*, *Линкедин*, *Вконтакте*, *Одноклассники* и т. д. Социальная сеть – это уникальный онлайн-сервис, обладающий очень серьезными инструментами для организации и построения социальных

¹ Weimann G. *Terror on the Internet: The New Arena, the New Challenges*. – Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2006 // <https://www.usip.org/publications/2010/05/terror-internet>

² Использование Интернета в террористических целях / Управление ООН по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк: Изд-во ООН, 2013. – С. 3 // URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf

отношений в виртуальном пространстве. К неоспоримым для экстремистов достоинствам относятся: доступность, общение в режиме реального времени, анонимность, быстрая мобильность внутри сети, огромный охват аудитории, лавинообразный характер распространения информации.

Ярким примером использования социальной сети террористами в своих интересах является такой интернет-ресурс, как *Twitter*. Одним из его основных достоинств является передача информации в режиме реального времени, то есть практически моментально. И если ранее эта особенность *Твиттера* использовалась в целях пропаганды и вербовки новобранцев, то сейчас всё чаще целью террористов становятся средства массовой информации – террористы очень часто публикуют ложные новости. Администрация *Твиттера*, конечно, борется с такими преступными пользователями, но экстремисты очень мобильны внутри этой сети. Например, когда записи сирийской экстремистской организации «Аль-Нусра Фронт» были закрыты, группа открыла новую учетную запись, в которой только в течение 24 часов оказалось зарегистрированными более 20 000 подписчиков¹.

Еще одним приемом распространения материалов экстремистского содержания является использование хэштэгов, позволяющих быстро найти материалы экстремистского характера². «К середине 2015 г. в *Twitter* отдельные специалисты насчитали уже около 90 тыс. аккаунтов, владельцы которых разделяли постулаты ИГ, ... при этом лишь около 2 тысяч из них имели тесную связь между собой и являлись членами группировки или ее деятельными сторонниками. Каждый из таких аккаунтов имел от 2 до 50 тысяч подписчиков, создавая тем самым целевую аудиторию и распространяя информацию и взгляды

¹ *Hughes M. and Miklaucic M. Impunity: Countering Illicit Power in War and Transition* // URL: <http://cco.ndu.edu/Portals/96/Documents/Impunity/Impunity%20FINAL%20for%20Web.pdf>; *Alarid M. Chapter 13. Recruitment and Radicalization: The Role of Social Media and New Technology (May 24, 2016)* // URL: <http://cco.ndu.edu/Publications/Books/Impunity/Article/780274/chapter-13-recruitment-and-radicalization-the-role-of-social-media-and-new-tech/>

² Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центрально-азиатском... – С. 42.

радикальных исламистов. Помимо традиционно “текстовых” соцсетей *Twitter* и *Facebook* экстремисты освоили и *Instagram*. А сервис *Ask* выполняет у них функцию онлайн-вербовщика, и любой желающий поучаствовать в джихаде полностью анонимно может заинтересоваться, куда ему следует прибыть и с кем связаться»¹.

Специалисты особо подчеркивают мобильность террористов не только внутри одного ресурса, но и быстрый переход на другие, в случае блокировки записей и ужесточения правил. Скажем, после ужесточения правил сетью *Твиттер* и удалением из нее тысяч записей, ИГИЛ стало использовать другие социально-медийные сети, например, систему мгновенного обмена сообщениями *Телеграм*. В случае изменения политики *Телеграм* экстремисты скорее всего перейдут на другие платформы².

Другие интернет-компании также предпринимают меры по борьбе с размещением экстремистских материалов на своих сайтах. Так, за 2015 и 2016 гг. «компания “YouTube” удалила 14 миллионов видеозаписей; Компания “Facebook” еженедельно получает от своих пользователей и анализирует 1 миллион уведомлений о нарушении правил пользования ее услугами (не только в связи с размещаемой террористической информацией), а компания “Twitter” закрыла только за последние месяцы около 2000 записей, связанных с ИГИЛ»³.

Согласно аналитическому отчету исследователя И. Сикорской «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана», выполненному в 2016 г. под редакцией сотрудников «Search for Common Ground», опрос молодых кыргызстанцев показал, что по распространению экстремистских материалов на первом месте по популярности среди опрошенных стоит *YouTube*, на втором – *Facebook*, далее

¹ «Исламское государство»: феномен, эволюция и перспективы... – С. 21.

² Доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой от 29.01.2016. – S/2016/92. – С. 11 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/023/55/PDF/N1602355.pdf?OpenElement>

³ Там же. – С. 13.

следует российский сегмент социальных сетей – *Одноклассники* и *ВКонтакте*¹.

Что касается содержания видеоматериалов, то «ИГИЛ также продемонстрировал способность адаптировать рассылаемые им интернет-сообщения с учетом аудитории. Тематику видеоматериалов, размещенных ИГИЛ онлайн за последние два года, составляли: военные действия (30%); беседы с моджахедами (25%); сюжеты, в которых ИГИЛ изображается как функционирующее исламское “государство” (18%); а также казни (15%). Чисто религиозная тематика реже фигурирует среди этих сюжетов. Видеоматериалы, как правило, качественно отредактированы и подготовлены на основе фильмов-боевиков и видеоигр. Такой подход применяется с целью привлечь не только молодых людей, жаждущих действовать, но и специалистов, в том числе врачей, инженеров, специалистов по информационно-коммуникационным технологиям, а также женщин и девочек»².

Наряду с этим террористы и экстремисты с помощью Интернета используют такой способ, как отправка друг другу и другим террористическим организациям зашифрованных сообщений. Наиболее популярны такие методы, как стеганография (помещение секретных данных в другие, безобидные тексты) и шифрование со специальными ключами. «...Общение с использованием каналов “темного интернета” или кодированной связи подрывает способность даже оснащенных самыми современными средствами правоохранительных органов перехватывать сообщения, которыми обмениваются террористы, и принимать необходимые меры»³.

¹ См.: Что и где радикальные исламисты говорят кыргызстанцам? (Исследование) (13.05.2017) // URL: https://kaktus.media/doc/356862_что_i_gde_radikalnye_islamisty_govoriat_kyrgyzstancam_issledovanie.html

² Доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ)... – С. 11.

³ Третий доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой от 30.09.2016 г. – S/2016/830. – С. 5 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/301/66/PDF/N1630166.pdf?OpenElement>

Происходящие в мире события ясно показали преимущество использования сетевых СМИ перед традиционными в части освещения террористических и экстремистских действий. Во-первых, при помощи Интернета сообщения террористов доносятся до населения либо без какой-либо цензуры, либо к ним применяются гораздо менее жесткие требования редакторской цензуры; во-вторых, интерактивный характер информации дает возможность человеку анонимно выразить свою позицию в виде комментария; в-третьих, часть из них создается террористическими организациями для информирования общественности с нужной им точки зрения¹.

Следует отметить, что в наше время в Интернете сложилась единая всемирная система исламистских площадок на разных языках, одной из целей которых является религиозно-идеологическая подготовка будущих членов террористических организаций. По данным зарубежных источников, в Интернете насчитывается уже до 10 тыс. экстремистских сайтов². В основании этой системы – сайты на арабском языке, число которых колеблется в пределах 2–3 тысяч. К ним примыкают сайты, создаваемые по языковому принципу и ориентированные на соответствующие языковые или географические зоны (англизоязычные, франкоязычные, немецкоязычные, турецкоязычные и т. д.)³.

За годы деятельности исламских радикалов в сети они разработали очень эффективный метод распространения своих взглядов через Интернет. Подготовленные террористическими организациями аудио-, видео- и текстовые материалы публикуются на арабоязычных электронных площадках экстремистской направленности. Посетители, копируя и делая ссылки на материалы, распространяют их далее – как на другие экстремистские,

¹ *Сундиев И. Ю., Смирнов А. А.* Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: Функциональный анализ // URL: www.crime.vl.ru/media/mediaterror.docx

² Роль средств массовой информации и Интернета в предупреждении терроризма: Мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. Т. 1 / Рос. гос. ун-т нефти и газа им. И. М. Губкина; ОАО «Нефть и бизнес». – М., 2013. – С. 5.

³ Там же. Т. 2... – С. 48.

радикальные сайты, так и на сайты неэкстремистской направленности. Такой процесс решает две задачи: позволяет весьма оперативно распространять пропагандистские материалы, а также широко освещает террористические акции с целью запугивания общества¹.

Как нами отмечалось выше, одной из главных целей деятельности террористов в Сети является набор и мобилизация (подбор персонала/новобранцев для террористической деятельности), т. е. вербовка. Преимущество интернет-вербовки по сравнению с традиционной вербовкой очевидно. Это, прежде всего, охват невероятно большой аудитории, минимальные финансовые расходы, отсутствие необходимости в логистике и транспортных расходах и очень низкая возможность обнаружения (анонимность). Помимо этого, есть вероятность совершения террористического акта по месту жительства завербованного. Таким образом, весь мир становится объектом интернет-вербовки².

Как и в других странах мира, а также странах Центрально-Азиатского региона, в Кыргызстане, к сожалению, имеют место случаи выезда наших граждан с целью участия в боевых конфликтах в Сирии и сопредельных государствах.

Как отмечается в упоминаемом выше аналитическом отчете И. Сикорской, составленном на основании соцопроса более сотни молодых кыргызстанцев, активных пользователей и распространителей информации в Интернете, в наиболее подверженных вербовке районах, в Кыргызстане социальные сети активно используются экстремистскими и террористическими группировками, прежде всего для вербовки молодежи. Секрет их успеха в интернет-пространстве заключается в том, что пользователи, распространяя их материалы, становятся, таким образом, настоящими «волонтерами» по продвижению радикальных идей.

¹ Противодействие террористической и иной экстремистской деятельности исламских радикальных структур на территории государств – участников Содружества Независимых Государств: Мат-лы междунар. науч.-практ. семинара. – М., 2014. – С. 48.

² *Hughes M. and Miklaucic M. Impunity: Countering Illicit Power in War and Transition...; Alarid M. Chapter 13. Recruitment and Radicalization: The Role of Social Media and New Technology...*

Заметим, что процесс и методы вербовки в наше время значительно изменились. Если раньше необходимо было лично встречаться, снабжать потенциальную жертву экстремистской литературой и т. д., то с использованием интернет-технологий вербовать стало намного проще. Согласно указанному исследованию, процесс вербовки в Кыргызстане можно условно разделить на четыре этапа:

первый этап: специальные пресс-центры и рядовые боевики создают видеоролики и обращения на языках, присущих данной местности. На этом этапе очень важно, чтобы зрители узнали в героях роликов и обращений своих знакомых, родственников, земляков. Самое главное – это эмоциональное и чувственное вовлечение зрителя, побуждение к дальнейшим действиям, а именно к поиску более подробной информации либо других похожих видеороликов;

второй этап: заинтересовавшийся человек, начиная поиск дополнительного материала, роликов и вовлекаясь в процесс, оставляя комментарии, вступая в полемику, фактически попадает в зависимость от потребляемой информации (многие участники соцопроса начинали считать, что становятся сопричастными к чему-то важному, значительному). Именно в это время у человека начинается отторжение от окружающей его среды, в том числе от семьи, родственников, знакомых;

третий этап: у новобранца появляется новый образ себя, при этом его прошлый образ, внутренний мир замещается этим новым образом;

четвертый этап – последний, самый важный, так называемый логистический этап, на котором исходя от финансовых возможностей неопита, предлагается маршрут переезда либо в зону боевых действий, либо в другое необходимое место¹.

Использование цифровых технологий серьезно изменило существующие способы вербовки. При этом может возникнуть впечатление, что в наше время вербовка происходит непосредственно онлайн, т. е. через Интернет, минуя личные встречи между

¹ Что и где радикальные исламисты говорят кыргызстанцам? ...

экстремистами. На самом же деле Интернет является лишь вспомогательным средством радикализации населения. Это доказано исследованием, проведенным корпорацией РЭНД. В статье, посвященной выпуску отчета, подготовленного корпорацией РЭНД «Радикализация в цифровую эру: использование Интернета в 15 случаях терроризма и экстремизма», указывается, что данные исследования не подтверждают, что Интернет может заменить необходимость личных контактов в процессе радикализации¹.

Использование исламскими радикалами и террористами Интернета и мобильной связи для достижения своих целей, естественно, не осталось незамеченным и явилось основанием для комплекса ответных мер как со стороны отдельных государств, так и на международном уровне. Для изучения и противодействия этому феномену, прежде всего, было налажено международное сотрудничество, создан ряд международных программ, разработаны специальные протоколы борьбы с терроризмом в Сети. При этом каждым государством был разработан комплекс мер противодействия терроризму и религиозному радикализму с учетом применения ими цифровых технологий. Изучая методы и приемы работы террористов в Интернете, был выработан комплекс эффективных контрмер. К ним относятся: контрпропаганда; сбор информации и проведение мероприятий, направленных на предотвращение и пресечение террористических актов, а также для сбора доказательств в целях уголовного преследования за совершение таких актов; накопление и обработка электронных данных, которые обобщаются и анализируются в целях борьбы с терроризмом. Помимо этого, для выявления и ареста экстремистов используются возможности таких технологий, как протокол передачи голоса через Интернет, электронная почта, онлайн-овые службы обмена сообщениями и дискуссионные форумы, файлообменные сети и «облачные» технологии, методы шифрования данных и сохранения анонимности, беспроводные технологии и другие. Также разработаны и внедрены особые механизмы, такие как, например, протокол

¹ *Von Behr I., Anais Reding Ch. E. and Gribbon L. Radicalisation in the digital era: The use of the Internet in 15 cases of terrorism and extremism...*

систематического подхода, основанный на использовании развивающихся Интернет-ресурсов; специальные подходы – так называемые «проактивные методы», которые способствуют наиболее эффективному сбору и анализу данных для следствия.

Данная статья посвящена, прежде всего, цифровым технологиям, но не следует забывать, что они являются лишь инструментом, используемым экстремистами и террористами. Поэтому, на наш взгляд, следует остановиться на некоторых моментах, связанных с понятием исламского радикализма.

В последнее время в научной и публицистической литературе всё чаще стал употребляться термин «радикализация ислама». Президент КР Алмазбек Атамбаев в своей речи на конференции «Ислам в современном светском государстве» указал на ошибочность данного термина¹, тем не менее он уже приобрел устойчивый характер и, можно сказать, закрепился в привычном обиходе. При этом расшифровка этого термина нигде толком не дается, но подразумевается что-то явно негативное, имеющее разрушительный характер и не требующее пояснений.

Действительно, существует понятие «исламского радикализма», т. е. религиозного радикализма, являющегося частью радикализма в целом. Определений радикализма очень много, это явление достаточно хорошо изучено и имеет долгую историю становления и развития. Однако во всех определениях выделяется, что главное в радикализме это крайность взглядов, стремление к коренным и решительным изменениям в обществе. Этим радикализм близок и является частью терроризма, экстремизма, политических революций. Он не приемлет эволюционного пути развития.

Исламский радикализм строго по определению и названию как политическое явление – это нонсенс, что-то невозможное

¹ Президент Алмазбек Атамбаев: Ценности Ислама в современных условиях дают возможность гармоничного развития религии в светских государствах, не противопоставляя религиозные каноны законодательству стран (28.09.2017) // URL: http://www.president.kg/ru/novosti/10582_prezident_almazbek_atambaev_tsennosti_islama_v_sovremennyih_usloviyah_dayut_vozmojnost_garmonichnogo_razvitiya_religii_v_svetskih_gosudarstvah_ne_protivopostavlyaya_religioznyie_kanonyi_zakonodatelstvu_stran/

и невообразимое. Почему? Одним из главных постулатов ислама как религии, является невмешательство в политику, в деятельность власти и государства. Власть по исламу, от бога. Поэтому в строгом виде «исламский радикализм» – это крайность взглядов на ислам, иными словами, духовный радикализм, но никак не политический. Идеологи создания «исламского радикализма» как политического явления прикрывались исламом для достижения своих личных целей. Это не мусульмане, это революционеры, политические авантюристы, жаждавшие власти, денег, положения. Они готовы договориться со всеми для достижения своих целей, у них нет никаких принципов, никаких ограничений. Используя ислам как прикрытие, они, по сути дела, губят его. Благодаря им ислам для всего неисламского мира представляется нетерпимой, воинственной, кровожадной, чуть ли не первобытной религией. И соответственно, таковыми же являются и сами мусульмане.

Почему, на наш взгляд, понятие «радикализация ислама» можно считать спорным? Исходя из сути данного понятия, радикализация ислама – это процесс преобразования ислама, преобразования его в нечто, скажем так, полностью радикализованное, нечто качественно иное, чем сейчас. Используя данный термин, мы соглашаемся с тем, что в настоящий момент происходит преобразование (изменение) ислама, что это возможно в принципе, что, так сказать, на выходе мы получим враждебное миру и цивилизации учение, целью которого будет уничтожение тех ценностей, которые разделяет человечество. Как отметил президент Кыргызстана А. Атамбаев в своей речи, «радикализация имеет благодатную почву, прежде всего, там, где нет прозрачных механизмов смены элит и власти, где многие годы правят коррупционные и авторитарные режимы»¹.

Кыргызстан, являясь частью глобального информационного пространства, в силу своего уникального геополитического положения имеет ряд только ему присущих особенностей. Это географическое положение, высокая исламизация населения, проблема Север – Юг и связанная с этим неравномерная плотность

¹ Президент Алмазбек Атамбаев: Ценности Ислама в современных условиях дают возможность гармоничного развития религии...

населения по стране, большое количество пользователей Интернета и мобильной связи среди населения. По итогам 2016 г., число интернет-пользователей в Кыргызстане составляет более 85% населения (5,1 млн граждан)¹, а абонентов сотовой связи – 7 млн человек². В связи с этим особую озабоченность приобретают современные цифровые технологии, посредством которых производится планирование, финансирование террористической деятельности, пропаганда, подстрекательство и вербовка граждан Кыргызстана в ряды радикальных религиозных организаций для осуществления экстремистской и террористической деятельности на территории Кыргызской Республики и за ее пределами, в частности, в зоне боевых действий в Сирии и Ираке.

Таким образом, Кыргызстан находится в зоне повышенного риска, что создает предпосылки для признания цифровых технологий одними из основных источников распространения идей религиозного экстремизма и международного терроризма. Учитывая данный фактор угрозы стабильности в Кыргызстане, в Программе по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы указывается: «Пропаганда идей религиозного экстремизма и терроризма из-за рубежа в интернет-пространстве и социальных сетях с использованием системного психологического воздействия в отношении отдельных граждан способствовала вовлечению их в зарубежные деструктивные организации»³. Причем «разнообразии информационных ресурсов экстремистского содержания, представленных в сети Интернет, и несовершенство мониторинга затрудняют осуществление успешной реализации превентивных мероприятий»⁴.

¹ Число интернет-пользователей в Кыргызстане – более 85% населения по итогам 2016 года (10.05.2017) // URL: <https://digital.report/chislo-internet-polzovateley-v-kyrgyzstane-bole-85-naseleniya-po-itogam-2016-goda/>

² В Кыргызстане 7 млн абонентов сотовой связи при 6 млн населения (31.05.2017) // URL: <https://digital.report/v-kyrgyzstane-7-mln-abonentov-soto-vo-y-svyazi-pri-6-mln-naseleniya/>

³ Программа Правительства КР по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы, утв. постановлением Правительства КР от 21.06.2017 г. № 394 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/100104?cl=ru-ru>

⁴ Там же.

По данным Шанхайской организации сотрудничества, правоохранительные органы в 2016 г. на территории ШОС заблокировали доступ почти к 100 тыс. интернет-ресурсов, разместивших около 1 млн документов террористическо-экстремистского характера¹. В том же 2016 г. органы прокуратуры КР запретили и ограничили доступ к 86 веб-сайтам, через которые распространялись идеи экстремизма и терроризма². С другой стороны, агрессивное навязывание радикальных взглядов вызывает и другую реакцию. По данным Школы миротворчества и медиатехнологий в Центральной Азии, в Кыргызстане в 2016 г. усилилась роль Интернета в распространении исламофобии и его косвенное влияние на радикализацию пользователей. По сравнению с 2014 г. динамика возросла более чем в три раза³.

Руководство Кыргызской Республики в полной мере осознает опасность, которую представляют собой рост экстремизма и исламского радикализма для нашей страны. В целях противодействия этим явлениям был разработан ряд программ и документов, налажено сотрудничество с другими странами в этой области, приняты такие документы, как Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики, Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы, Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы и другие нормативные акты.

Так, целью Программы по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы является «изменение складывающейся ситуации в области противодействия экстремизму и профилактики терроризма», а «одним из приоритетов Программы является разработка эффективных мер, позволяющих

¹ В странах ШОС за пропаганду терроризма заблокировано 100 тысяч сайтов (23.06.2017) // URL: <http://kazislam.kz/ru/songy-janalyktar/item/13776-v-stranakh-shos-za-propagandu-terrorizma-zablokirovano-100-tysyach-sajtov>

² Хакеры, террористы и назойливые «женихи». Какие еще опасности есть в Сети (07.02.2017) // URL: <http://www.islamsng.com/kgz/news/11909>

³ Там же.

ограничить вербовочный потенциал экстремистских и террористических групп, организаций и движений»¹.

В Уголовный кодекс КР (ст. 226³) были внесены изменения, согласно которым использование сети Интернет является отягчающим признаком такого состава преступления, как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Дополнительно введена ст. 226⁶, предусматривающая уголовную ответственность за публичное одобрение террористической или экстремистской деятельности путем публичных выступлений или с использованием средств массовой информации либо сети Интернет при отсутствии признаков призыва к осуществлению террористической или экстремистской деятельности или публичного оправдания терроризма или экстремизма, а также неумышленное использование символики или атрибутики террористических или экстремистских организаций, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за указанные правонарушения. При этом под публичным одобрением понимается публичное прославление или восхваление, в том числе оправдание террористической или экстремистской деятельности².

Необходимость изменения складывающейся ситуации в области противодействия экстремизму и профилактики терроризма связана с устойчивым ростом исламского радикализма и религиозного экстремизма в республике. Хотя, по мнению отдельных западных экспертов, угроза мусульманского радикализма в Центральной Азии является сильно преувеличенной³. Рост исламского радикализма и религиозного экстремизма обусловлен рядом факторов, в частности, увеличением масштабов исламизации населения страны («неисламский сектор составляет

¹ Программа Правительства КР по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы...

² Уголовный кодекс КР от 01.10.1997 г. № 68 (в ред. Закона КР от 02.08.2016 г. № 162) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111441?cl=ru-ru>

³ *Montgomery D. W., Heathershaw J.* The «Muslim radicalisation of Central Asia» is a dangerous myth (29.12.2014) // URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/john-heathershaw-david-w-montgomery/%E2%80%98muslim-radicalisation-of-central-asia%E2%80%99-is-dangerous-1>

20% от числа всех религиозных организаций республики»¹), активизацией деятельности радикальных исламских религиозных движений, прежде всего, присягнувших международной террористической организации ИГИЛ, которая, по данным известного кыргызского теолога-эксперта К. Маликова, на организацию терактов и подрывной деятельности в Центральной Азии выделила 70 млн долларов США².

Согласно Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г., «религиозный экстремизм и международный терроризм в настоящее время представляет масштабную угрозу для Кыргызской Республики. ... Для реализации своих планов по ускорению исламизации и радикализации общества стран центрально-азиатского региона международными экстремистско-террористическими структурами, при скрытой поддержке ряда мусульманских государств, используется многочисленная категория миссионеров и фондов, СМИ и интернет-ресурсов, завозится экстремистская литература и другие атрибуты идеологической обработки населения»³.

Правительство и правоохранительные органы Кыргызстана предпринимают усилия по противодействию роста экстремизма в стране. Так, к 2016 г. судебными органами была запрещена деятельность 20-ти деструктивных, экстремистских и террористических организаций. К ним относятся: «Аль-Каида», движение «Талибан», Исламское движение Восточного Туркестана, Курдский народный конгресс («Конгра-Гель»), Организация освобождения Восточного Туркестана, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Группа джихада» («Союз Исламского джихада»), Исламская партия Туркестана, Исламское движение Узбекистана, «Жайшуль Махди», «Джунд аль-Халифат», «Ансаруллох», «Ат-Такфир валь-Хиджра», «Акромия», агитационно-пропагандистские материалы

¹ Иващенко Е. В Кыргызстане обсудили опасность нетрадиционных религий (15.12.2011) // URL: <http://www.fergananews.com/articles/7209>

² ИГИЛ и Центральная Азия: бедных и беззащитных легче убедить (11.04.2017) // URL: <https://centre1.com/world/igil-i-tsentralnaya-aziya-bednyh-i-bezzashhitnyh-legche-ubedit/>

³ Концепция национальной безопасности, утв. Указом Президента КР от 09.06.2012 г. № 120 // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367>

и пропагандистская деятельность А. А. Тихомирова – Саида Бурятского, ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра», «Катибат аль-Имам аль-Бухари», «Жаннат Ошиклари», «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад»¹. Показательно, что из 20 запрещенных организаций 19 являются исламскими. В 2016 г. в Кыргызстане за религиозный экстремизм были осуждены 180 человек. Для нашей страны это значительные цифры, тем более что из года в год растет количество осужденных за экстремизм и терроризм (к сравнению: если в 2013 г. осудили 81 человека, то в 2014 г. – уже 116, а в 2015 г. – 132²). По состоянию на сентябрь 2016 г., число граждан КР, принимавших участие в боевых действиях в Сирии, достигло 560 человек³, по другим данным – 600 человек, из них 23% женщин⁴, а по некоторым сведениям более 1000 человек⁵. Генеральный прокурор КР И. Джолдубаева озвучила информацию, согласно которой «порядка 500 лиц, причастных к террористическим организациям, выявлено сотрудниками спецслужб, на стадии подготовки и совершения терактов пресечена деятельность восьми террористических групп»⁶. За 11 месяцев того же 2016 г. органами внутренних дел было изъято 19 тысяч книг, пропагандирующих экстремистские идеи, «зарегистрировано более 400 фактов, связанных с распространением идей религиозного экстремизма, по которым возбуждено 169 уголовных дел»⁷.

¹ Список организаций, деятельность которых запрещена на территории Кыргызской Республики / Государственная комиссия по делам религий при Президенте КР // URL: [http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/...](http://religion.gov.kg/ru/religion_organization/)

² Подольская Д. 180 человек осуждены за религиозный экстремизм в 2016 году в Кыргызстане (08.09.2017) // URL: <http://24.kg/obschestvo/62183...>

³ Программа Правительства КР по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы...

⁴ Камалов Э. В Джалал-Абадской области Кыргызстана усилены меры по борьбе с терроризмом (03.04.2017) // URL: http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/04/03/feature-02

⁵ Хлебников А. Слабые звенья Кыргызстана (11.09.2017) // URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/slabye-zvenya-kyrgyzstana/>

⁶ Иващенко Е. Кыргызстан: Кто уезжает воевать в Сирию (20.11.2015) // URL: <http://www.fergananews.com/articles/8774>

⁷ МВД: На уехавших воевать в Сирию кыргызстанцев завели 56 уголовных дел (09.01.2017) // URL: <https://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20170109/1031161366/mvd>

Исламский радикализм и экстремизм, имея мощные идеологические и финансовые ресурсы, опасен для любой страны мира, тем более для Кыргызстана. Наша страна, являясь многонациональной, многоконфессиональной и миролюбивой, тем не менее, как и любое государство, имеет ряд внутренних проблем и противоречий. К ним можно отнести трайбализм, клановость, деление на Север и Юг, неравномерное распределение населения по республике, социально-экономические проблемы и т. д. Всё это создает определенные предпосылки для роста радикальных и экстремистских настроений внутри страны. Поэтому борьбу с ними надо вести на всех уровнях, активно подключая к этому непосредственно население.

Помимо этого, очень важна помощь международных организаций. Здесь следует упомянуть следующую инициативу: проект Search for Common Ground (SCG) под названием «Социальные медиа для дерадикализации в Кыргызстане: модель для Центральной Азии» для борьбы с радикализмом с помощью различных медиа-ресурсов, включая мобильные приложения, веб-платформы и социальные сети. Данный проект включает в себя: проведение семинаров для молодежи в восьми регионах Кыргызстана; исследования среди молодежи для выявления их нужд, предпочтений и жизненных устремлений; публикации видеолекций об исламе, проводимых учеными, профессорами, докторами наук; выход в *YouTube*, *Facebook*, *ВКонтакте*, *WhatsApp* и *Telegram* медиа-проектов, спортивных мероприятий и дискуссий; разработка и проведение интеллектуальной игры «IQ Challenge» для общего развития молодых людей и повышения их религиозных знаний¹.

Наглядным примером того, что Кыргызстан находится в поле зрения исламских радикалов и экстремистов, является видеообращение «Послание народу Киргизии», выпущенное 25 июля 2015 г., примерно в 18:00 по бишкекскому времени,

-na-uekhavshih-voevat-v-siriyu-kyrgyzstancsev-vozbuzhdeno-56-ugolovnyh-del.html

¹ Султанов А. Кыргызская НПО борется с экстремизмом с помощью социальных медиа (14.04.2017) // URL: http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2017/04/14/feature-01

на видеоресурсе *YouTube*. В нем неизвестный мужчина на кыргызском языке, с субтитрами на русском языке, в течение более 9 минут призывал «переселяться на земли Исламского государства из стран куфра», Кыргызстан им объявлен «страной куфра и нечестия», так как люди в нем живут «согласно выдуманнным людским законам и правилам, таким как демократия»¹.

В заключение необходимо остановиться на следующих моментах. Во-первых, радикализм как социальное явление, в том числе религиозный, неистребим. Исторический опыт показывает, что во все времена находятся люди, желающие быстрыми, крайними методами изменить окружающий мир, не приемлющие существующий социальный порядок. Найдутся и те, кто будет использовать таких людей в своих корыстных целях. Тем не менее с радикальными настроениями в обществе необходимо вести постоянную, непримиримую борьбу потому, что радикализм рано или поздно перерождается в экстремизм, терроризм или революцию.

Во-вторых, ислам – это высочайшее духовное достижение человечества, его величайший духовный подвиг. Ислам навсегда изменил историю человечества. Как сказал Президент КР А. Атамбаев, «исламофобия, демонизация ислама некоторыми средствами массовой информации искажают его истинную суть, показывают его в свете угрозы. Не ислам является причиной сегодняшних проблем и жестоких столкновений во многих странах мира, а геополитические игры, социальная несправедливость и экстремисты всех мастей, часто прикрывающиеся именем ислама»². Ислам и исламский радикализм – понятия не идентичные. Их нельзя смешивать. Исламский радикализм как политическое явление служит интересам определенных групп лиц для достижения своих корыстных целей.

¹ Баяз М. и др. ИГИЛ впервые опубликовал «послание народу Киргизии» (26.07.2015) // URL: <https://kloop.kg/blog/2015/07/26/srochno-igil-vpervye-opublikoval-poslanie-narodu-kirgizii/>

² Алмазбек Атамбаев о провокаторах, спекулирующих на исламе: Нельзя поддаваться соблазну подавить инакомыслие (Речь президента КР А. Атамбаева на международ. конф. «Ислам в современном светском государстве») (28 сентября 2017 г.) // URL: <http://barometr.kg/ru/content/6841>

В-третьих, цифровые технологии сами по себе являются индифферентными по отношению к окружающей действительности, это всего лишь инструмент, имеющий огромный потенциал, который можно использовать как в положительных, так и в отрицательных целях. Воспринимать цифровые технологии как зло однозначно неверно. Неотъемлемой частью жизни современного человека является Интернет и мобильная связь. Никакие запреты не способны изменить существующее положение вещей. Нужно примириться с тем фактом, что человечество, переходя в цифровую эру, переносит в цифровое пространство свои пороки, в том числе и проблемы экстремизма и терроризма.

В-четвертых, Кыргызстан в силу геополитического положения и высокого охвата населения Интернетом и мобильной связью находится в зоне риска усиления экстремистских и религиозных тенденций. Поэтому стране необходима последовательная продуманная стратегия по предупреждению и противодействию экстремизму и терроризму, особенно в цифровом пространстве.

Наличие угроз и вызовов, стоящих перед Кыргызстаном в области экстремизма и терроризма, с учетом развития цифровых технологий делает необходимым предложение следующих рекомендаций:

- 1) создание специализированного координирующего государственного органа, главной целью которого будет борьба с экстремизмом и терроризмом в цифровом пространстве Кыргызстана. Задачами этого ведомства будут являться координация деятельности с подобными ведомствами других стран, постоянный мониторинг Интернета и мобильных приложений на содержание правомерного контента, блокировка и закрытие сайтов, учетных записей пользователей при наличии оснований в соответствии с установленной законной процедурой, отслеживание финансовых потоков, декодирование и дешифровка переговоров террористов в Интернете, проведение специализированных тренингов для сотрудников правоохранительных органов, представителей духовенства и журналистов;

- 2) активизация деятельности Духовного управления мусульман Кыргызстана (ДУМК), в том числе в Интернете. Для

этого необходимо повышение его авторитета среди верующих, обеспечение прозрачности его деятельности, создание сети специализированных мусульманских сайтов в Интернете и мобильных приложениях, рассматривающих самые насущные вопросы верующих. Для любого верующего всё начинается с мечети. Мечеть – это место, где человек познает бога. К сожалению, там же он попадает в сети вербовщиков. Именно поэтому ДУМК необходимо усилить работу по постоянному контролю за деятельностью мечетей и духовных учебных заведений;

3) разработка и реализация государственной программы реабилитации лиц, завербованных экстремистами и террористами. В настоящее время такие лица становятся «потерянными» для общества, подвергаются преследованию со стороны окружающих и правоохранительных органов, что ведет к их дальнейшему ожесточению. Реабилитация таких людей выступает наиболее эффективным, наглядным примером утверждения человечности. Это даст возможность многим оступившимся людям вернуться в общество. Возвращение к нормальной человеческой жизни будет самой действенной контрпропагандой экстремизма и терроризма;

4) совершенствование законодательства Кыргызской Республики в части ответственности за использование цифровых технологий в экстремистских и террористических целях и более детальной регламентации деятельности интернет-провайдеров и операторов сотовой связи, интернет-кафе и других публичных заведений, использующих Интернет.

**К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ КАК ВАЖНОЙ СФЕРЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Утверждение в июне 2012 г. указом президента КР новой редакции Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики стало важным этапом на пути формирования скорректированной государственной стратегии в такой жизненно важной сфере, как национальная безопасность страны¹.

В соответствии с Законом КР «О национальной безопасности» национальная безопасность – это гарантированное состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, образа жизни от внешних и внутренних угроз². Обеспечение национальной безопасности является центральной, стратегически значимой для развития государства задачей и актуальность последней повышается в связи с прямой или косвенной возможностью нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороне и безопасности Кыргызской Республики.

Как известно, для человечества конец XX – начало XXI вв. ознаменовалось ростом количества социальных, экономических, техногенных и экологических кризисов разного уровня. При этом для современных кризисных явлений, прогрессирующих

¹ Указ Президента КР «О Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики» от 9 июня 2012 г. УП № 120 // Токтом: Информ.-правовой портал. – URL: <https://online.toktom.kg>; Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики, утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3491?cl=ru-ru>

² Закон КР «О национальной безопасности» от 26 февраля 2003 г. № 44 (в ред. от 26 ноября 2011 г.) // Токтом: Информ.-правовой портал. – URL: <https://online.toktom.kg>

в мире, стала характерна их возрастающая сложность, обусловленная усложнением технологических, финансовых и политических взаимосвязей в социально-экономических системах. Они определяют всё более трудно предсказуемые новые комбинации параметров риска, равно как и масштабы их последствий. Всё больше кризисы стали превращаться в самоподдерживающийся процесс, напоминая порочный круг из-за неопределенности причин, причинно-следственных связей и неэффективного управления ими.

Во все времена неоднозначное положение в экономике, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, неэффективность управления, неустойчивость социально-политической обстановки в стране, рост организованной преступности и активная деятельность мирового терроризма, внешняя агрессия, нарушение границ, обострение межнациональных и осложнение международных отношений создавали актуальный спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности для любого государства¹. Но на современном этапе есть все основания говорить о рождении и развитии совершенно новых угроз национальной безопасности государств, требующих научного осмысления, анализа и комплексного изучения с целью их последующей эффективной нейтрализации². К примеру, в современном мире прослеживаются две основные тенденции: с одной стороны, это процесс секуляризации, а с другой – процесс актуализации религиозности и нарастающее во всём мире религиозное противостояние, что, согласно прогнозам многих аналитиков, может привести к появлению серьезных вызовов системам обеспечения национальной безопасности по всему миру³.

¹ Жумабаев У. С. Понятие обеспечения национальной безопасности в законодательстве Кыргызской Республики: проблемы и пути решения // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15. – № 5. – С. 12–15.

² Авдеев Ю. И. Правовая основа обеспечения национальной безопасности РФ: [Колл. моногр.] / Ю. И. Авдеев, С. В. Аленкин, В. В. Алешин и др.; Под ред. проф. А. В. Опалева. – М., 2004. – С. 74.

³ См.: Шустева А. И. Институционально-правовое обеспечение государственно-конфессиональной безопасности в постсоветской России: Дис. ... канд.

На особую роль религии в современных процессах мироустройства обратил внимание профессор Гарвардского университета Самюэль Хантингтон, предположивший в своей работе «Столкновение цивилизаций», что в XXI в. движущей силой международных отношений станут конфликты между цивилизациями¹. Следует отметить, что само определение цивилизаций неоднозначно, С. Хантингтон классифицирует их по принадлежности людей к той или иной религии. Религия, безусловно, относится к числу особенностей, моделирующих облик той или иной цивилизации, а следовательно, геополитическую карту мира². Указанный тезис уже нашел подтверждение в событиях на международной арене, демонстрирующих то, какой высокой может быть роль религиозных факторов в жизни общества. Так, механизмы реализации «арабской весны», вылившейся в череду демонстраций и правительственных переворотов в Египте, Тунисе, Сирии, Ливии и еще пятнадцати странах Ближнего Востока, во многом носили религиозный характер, без которого представляется невозможным организовать подобные масштабные события³. В ирано-американском конфликте одним из определяющих также стал религиозный фактор, так как именно религия определяет внутреннюю и внешнюю политику Ирана⁴. В палестинско-израильском противостоянии

юр. наук. – Ростов-н/Д., 2008. – С. 57; *Амирокова Р. А.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России: Дис. ... канд. полит. наук. – Черкесск, 2006 // URL: http://www.scholar.ru/speciality.php?page=36&spec_id=91; *Овсиенко Ф. Г.* Политизация конфессий и клерикализация политики: тенденции развития и риски в российском обществе // *Религиоведение*. – 2002. – № 2. – С. 20–29.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М., 2005. – С. 147–152.

² См.: *Митрофанова А. В.* Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // *Век глобализации*. – 2008. – № 1. – С. 109–119; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций...

³ *Бузаров А.* Религиозный фактор в событиях Арабской весны и конфликтах на Ближнем Востоке // URL: <http://www.iarex.ru/articles/53061.html>

⁴ См.: *Митрофанова А. В.* Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций»...; *Горенштейн М.* Параллельные миры // *Проза.ру*. – 2010. – URL: <http://www.proza.ru/2010/07/24/883>

религиозный фактор также сыграл далеко не последнюю роль¹. Не отрицают эксперты наличия религиозного фактора и в конфликтах некоторых стран СНГ: армяно-азербайджанском, грузино-абхазском, грузино-осетинском и чечено-дагестанском. При этом они отмечают, что «все эти конфликты не имели в основе своей религиозного фактора, однако впоследствии его роль стала повышаться»², причем «ни один из перечисленных конфликтов до конца не урегулирован, все они находятся в замороженном состоянии и при неблагоприятном стечении обстоятельств могут вспыхнуть с новой силой»³.

Таким образом, формируется убежденность в том, что недооценивать геополитический потенциал религии в современном обществе нельзя, поскольку в будущем именно религиозный фактор может быть использован для реализации агрессивных намерений, как зарекомендовавший себя в качестве эффективного инструмента геополитики.

В национальном законодательстве Кыргызской Республики указанный тезис также нашел свое отражение. 15 июля 2013 г. президент Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О Военной доктрине Кыргызской Республики», в котором в перечне основных военных угроз значится деятельность террористических, религиозно-экстремистских организаций, деструктивных сил сепаратизма и экстремизма, способных спровоцировать инциденты и конфликты на государственной границе и приграничных районах Кыргызской Республики, с возможным перерастанием их в вооруженные столкновения⁴.

В Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г. среди внешних угроз национальной безопасности выделяется расширение масштабов религиозного

¹ *Звягельская И.* Религиозный фактор в палестино-израильском конфликте // Религия и конфликт: Сб. ст. / Под ред. А. Малащенко и С. Филатова. – М., 2007. – С. 246.

² *Силантьев Р.* Религиозный фактор во внешнеполитических конфликтах на Кавказе // Религия и конфликт: Сб. ст. ... – С. 221–224.

³ Там же.

⁴ Указ Президента КР «О Военной доктрине Кыргызской Республики» от 15 июля 2013 г. № 165 // URL: <http://www.http://online.adviser.kg>

экстремизма, а одной из внутренних угроз значится усиление влияния нетрадиционных религиозных течений в жизни общества. В документе указывается, что угрозы национальной безопасности Кыргызской Республики могут быть вызваны противоречиями, нестабильностью, различного рода негативными факторами в регионе и мире и коснуться экономической, политической, социальной, военной, информационной и экологической сфер¹.

Из смысла Концепции следует, что сферы безопасности не являются закрытыми, что создает правовые предпосылки для формирования других самостоятельных институтов национальной безопасности страны. По нашему мнению, к таким институтам следовало бы отнести институт религиозной безопасности – как один из ключевых элементов национальной безопасности, поскольку не вызывает сомнений необходимость выработки адекватной государственно-правовой политики в области регулирования конфессиональных отношений, отвечающей современным вызовам времени и не противоречащей конституционно провозглашенным принципам свободы совести и вероисповедания.

Необходимо отметить, что тема религиозной безопасности общества, несмотря на имевшие место исследования политических, социальных, философских, военных, юридических аспектов данной проблематики, по-прежнему остается одной из наименее изученных, а сам термин «религиозная безопасность» до сих пор не введен в научный оборот и не имеет официального определения.

Обратимся к предлагаемым дефинициям, существующим на этот счет в современной юридической и политической литературе. Примечательно, что в немногочисленных работах, касающихся проблем религиозной безопасности, чаще всего в качестве объекта безопасности выступает исключительно общество в узком понимании этого термина, а такие объекты

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики, утв. Указом Президента КР, от 9 июня 2012 г. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3491?cl=ru-ru>

безопасности, как государство и личность, зачастую вообще не рассматриваются.

В соответствии с Законом КР «О национальной безопасности», законодатель к объектам безопасности относит:

- личность с ее правами и свободами;
- общество с его материальными и духовными ценностями;
- государство и его конституционный строй, суверенитет, территориальную целостность¹.

На наш взгляд, религиозная безопасность также, как и неотъемлемая часть национальной безопасности, должна обеспечиваться на всех вышеприведенных уровнях.

Мы полностью разделяем мнение тех ученых, которые понимают под религиозной безопасностью прежде всего *особое состояние защищенности субъектов*², которое может быть связано не только с реализацией и защитой права на свободу вероисповедания, но и соответствующих общественных отношений, в том числе тех, которые не являются правоотношениями. К примеру, А. И. Овчинников и М. Д. Фоминская, давая определение «религиозной безопасности», понимают под этим термином состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в религиозной

¹ Закон КР «О национальной безопасности» от 26 февраля 2003 г. (по сост. на 18 марта 2017 г.). // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1168?cl=ru-ru>

² См.: Казанник А. И. Этноконфессиональная безопасность Омской области // Регион-Плюс. – 1998. – № 1(3); Тарасевич И. А. Религиозная безопасность как ключевая сфера национальной безопасности Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 3; Овчинников А. И., Фоминская М. Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 8; Дзидзоев А. Д., Свечникова Л. Г., Фоминская М. Д. Адат, шариат и российское законодательство в праве народов Северного Кавказа (конец XVIII – первая треть XX века): Моногр. – Ставрополь, 2009; Тарасевич И. А. Конституционно-правовые проблемы признания религиозного сообщества традиционным в контексте обеспечения религиозной безопасности РФ // Российский юридический журнал. – 2012. – № 2; Шевкопляс Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России: Дис. ... канд. юр. наук. – Омск, 1999; Федотова Ю. Г. Понятие и элементы религиозной безопасности // Юридический мир. – 2015. – № 10. – С. 56–60.

сфере общественной жизни, обеспечиваемое государственной конфессиональной политикой и общественно-политической деятельностью традиционных конфессий¹.

С безопасностью интересов личности, общества и государства, касающихся реализации и защиты права на свободу вероисповедания, связывает понятие религиозной безопасности и Ю. Г. Федотова².

Е. М. Шевкопляс предлагает под религиозной безопасностью также рассматривать «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общности и государства от религиозного экстремизма, оккультизма и духовной агрессии»³.

В определении, сформулированном А. И. Казанником, религиозная безопасность подразумевает не только состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от религиозного экстремизма и духовной агрессии, но и систему гарантий свободы совести и вероисповедания внутри страны⁴. Однако, на наш взгляд, система гарантий свободы совести и свободы вероисповедания является составной частью правовой основы религиозной безопасности, в связи с чем полагаем, что данное определение не совсем корректно.

Непосредственно с системой гарантий свободы совести и свободы вероисповедания связывает понятие религиозной безопасности и Ю. В. Сластилина, она интерпретирует ее не иначе, как «состояние защищенности права на свободу

¹ Овчинников А. И., Фоминская М. Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении... – С. 8.

² См.: Федотова Ю. Г. Понятие и элементы религиозной безопасности...; Федотова Ю. Г. Проблема духовной религиозной безопасности // Общество и религия: Мат-лы Омского межрегион. семинара. – Омск, 1997; Федотова Ю. Г. Проблема уголовно-правовой защиты духовной безопасности // Научный вестник Омского юр. ин-та МВД России. – 1997. – № 2.

³ Шевкопляс Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России... – С. 174–175; Шевкопляс Е. М. Деструктивные культы и насилие // Социальные проблемы противодействия насилию: Мат-лы науч.-практ. конф. (23 декабря 1998 г.). – Омск: Изд-во Юр. ин-та МВД России, 1999.

⁴ См.: Казанник А. И. Этноконфессиональная безопасность Омской области // Регион-Плюс. – 1998. – № 1(3).

вероисповедания от неправомерного воздействия со стороны других лиц, религиозных объединений и государства»¹.

В. В. Мамонов в своих работах наряду с такими понятиями, как «правовая безопасность», «демографическая безопасность», «экологическая безопасность», «образовательная безопасность», «продовольственная безопасность», дает определение и религиозной безопасности, рассматривая ее во взаимосвязи с идеологическим многообразием, политическим плюрализмом и национальной безопасностью через призму деятельности общественных и религиозных объединений, а также востребованности государственной идеологии как необходимого условия духовно-нравственного развития общества².

Необходимо отметить, что при анализе действующих нормативно-правовых актов, посвященных безопасности, мы пришли к убеждению о том, что «угроза» является в них отправной точкой. На этом основании полагаем, что объекты религиозной безопасности необходимо рассматривать в связи с угрозами, которые создают опасность для охраняемых объектов. Однако угроз религиозной безопасности столь много, что большинство изученных нами определений не охватывают всех признаков религиозной безопасности. К примеру, А. И. Казанник угрозы религиозной безопасности сводит «к проявлениям религиозного экстремизма и духовной агрессии»³. По мнению Е. М. Шевкопляса, угрозы религиозной безопасности могут находить проявление в виде религиозного экстремизма, оккультизма

¹ *Сластилина Ю. В.* Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Архангельск, 2006. – С. 10.

² *Мамонов В. В.* Понятие и место национальной безопасности в системе конституционного строя России // Журнал российского права. – 2003. – № 6; *Мамонов В. В.* Конституционные основы национальной безопасности России / Под ред. В. Т. Кабышева. – Саратов, 2002; *Мамонов В. В.* Конституционные гарантии национальной безопасности России / Под ред. В. Т. Кабышева. – Саратов, 2004; *Мамонов В. В.* Становление национальной безопасности России // Правоведение. – 2001. – № 4.

³ Цит. по: *Тарасевич И. А.* Религиозная безопасность Российской Федерации. – Тюмень, 2013.

и духовной агрессии¹. Однако, на наш взгляд, автор неоправданно сузил перечень угроз религиозной безопасности, в частности, не учтя религиозную преступность, от которой объекты безопасности нуждаются в защите. Е. С. Суслова в представленном определении предлагает обеспечить защиту объектов религиозной безопасности в духовной сфере². В данном случае, как, впрочем, и у Е. М. Шевкопляса, предлагаемые дефиниции рождают ряд вопросов, в частности: что указанные авторы понимают под термином «духовный» – не корректнее ли использовать термин «религиозный».

Ю. В. Сластилина, предлагая определение религиозной безопасности как состояние защищенности права на свободу вероисповедания, акцентирует внимание на угрозах в виде «неправомерного воздействия со стороны других лиц, религиозных объединений и государства»³. Л. А. Андреева термин «религиозная безопасность» употребляет, в основном, в контексте защиты традиционных религий, прежде всего, от нетрадиционных религиозных культов⁴.

Необходимо оговориться, что разработка перечня угроз религиозной безопасности сама по себе представляется чрезвычайно сложной задачей, которой должно быть посвящено отдельное исследование, однако предпримем попытку очертить их в рамках данной научной статьи.

И. А. Тарасевич, рассматривая религиозную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства⁵, верно, на наш взгляд, разделил угрозы, касающиеся религиозной сферы, на *внутренние*

¹ Шевкопляс Е. М. Уголовно-правовая охрана свободы совести в России...

² См.: Суслова Е. С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе: Дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004.

³ Сластилина Ю. В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности...

⁴ См.: Андреева Л. А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. – М., 2001.

⁵ См.: Федеральный закон РФ «О безопасности» от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008 г.) (утрат. силу) // URL: <http://base.garant.ru/10136200/>

и *внешние*¹, что полностью соответствует действующему законодательству².

Традиционно к внешним по отношению к личности угрозам в религиозной сфере относят нарушение свободы вероисповедания. При этом личности может грозить опасность в религиозной сфере даже и в том случае, когда она не имеет к религии никакого отношения. К примеру, люди могут пострадать в результате террористического акта, совершенного религиозным объединением экстремистской направленности.

Согласно Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г., применительно к религиозной сфере безопасности, в качестве основных источников угроз особо выделяются: расширение масштабов религиозного экстремизма, усиление влияния нетрадиционных религиозных течений в жизни общества, а также рост преступности³.

Религиозный экстремизм и международный терроризм в настоящее время представляют масштабную угрозу для Кыргызской Республики. По своей сути, религиозно-экстремистские и террористические организации, консолидировав силы на базе единой экстремистской идеологии, становятся мощными преступными интернациональными структурами, имеющими широкую сеть своих единомышленников и в нашей республике. Для реализации своих планов по ускорению исламизации и радикализации общества стран Центрально-Азиатского региона международными экстремистско-террористическими структурами, при скрытой поддержке ряда мусульманских государств, используется многочисленная категория

¹ См.: *Тарасевич И. А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: Дис. ... д-ра юр. наук. – Тюмень, 2015.

² *Вашакмадзе М.* Нормативно-правовая база сектора безопасности Кыргызской Республики: Комментарий. Сер. правовых программ ДКВС № 1. – Женева: Изд-во Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами, 2013. – С. 6, 10, 11, 20, 22 // URL: http://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents.Кыргызстан_сектор_безопасности_2.pdf

³ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики, утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/3491?cl=ru-ru>

миссионеров и фондов, СМИ и интернет-ресурсов, завозится экстремистская литература и другие атрибуты идеологической обработки населения. Параллельно ими прилагается максимум усилий, направленных на кооперацию сил политического и религиозного экстремизма, терроризма, сепаратизма, наркомафии и других криминальных структур в целях дестабилизации общественно-политической обстановки, организации масштабных террористических акций и, в конечном итоге, попыток реализации планов по построению исламских государств на территории Центральной Азии¹.

Не отождествляя религиозный экстремизм, который интерпретируется как «приверженность к насилию, радикальным действиям, направленным на неконституционное изменение существующего строя, нарушение целостности и безопасности государства, общества и личности с использованием религиозной риторики»,² с религией в целом, необходимо противодействовать ее радикальным формам, когда ради достижения поставленных целей духовная и культовая составляющие трансформируются в идеологический инструмент, оправдывающий любые средства, включая насильственные. Этой проблеме уделяется всё больше внимания на международном уровне. Так, в «Рекомендациях по анализу законодательства о религии или вероисповедании» Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ отмечается, что в течение последних нескольких лет важность проблемы религиозного экстремизма и государственной безопасности возросла. «Очевидно, что некоторые группы и отдельные представители, действующие именем религии, участвовали в актах политического насилия. Вне зависимости от того, являются ли их устремления искренними и религиозными или же связанными с политикой и манипулированием, очевидно, что государства

¹ Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики, утв. Указом Президента КР от 9 июня 2012 г. ...

² См.: Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы // URL: http://www.president.kg/files/docs/kontseptsiya_na_rus_prilojenie_k_ukazu_pkr-1.pdf

должны реагировать на подобные проблемы соответствующим образом»¹.

В настоящее время в Кыргызстане проводится политика, направленная на расширение и совершенствование правовой базы обеспечения национальной безопасности и противодействия террористической и религиозно-экстремистской деятельности. В частности, на текущий момент наиболее важными действующими правовыми законодательными актами являются: Конституция КР от 27 июня 2010 г.; Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 9 июня 2012 г.; Концепция государственной политики КР в религиозной сфере на 2014–2020 гг.; Уголовный кодекс КР от 1 октября 1997 г.; Кодекс об административной ответственности КР от 4 августа 1998 г.; Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» от 17 августа 2005 г.; Закон КР «О противодействии терроризму» от 8 ноября 2006 г.; Закон КР «О противодействии финансированию терроризма и легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» от 31 июля 2006 г.; Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций» от 16 декабря 1991 г.; Закон КР «О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике» от 31 декабря 2008 г.; Закон КР «О некоммерческих организациях» от 15 октября 1999 г.².

В целом, законы, обеспечивающие национальную безопасность страны и направленные на борьбу против проявлений религиозного экстремизма, строятся на выполнении первостепенных требований, а именно: запрещении пропаганды и агитации, возбуждающих национальную и религиозную ненависть и вражду; запрещении создания и деятельности общественных объединений, цели и действия которых направлены на

¹ Рекомендации по анализу законодательства о религии или вероисповедании. – Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, 2004. – С. 9.

² Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления / ИСАП КРСУ. – Бишкек, 2017. – С. 311–339.

разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни; запрещении создания и деятельности общественных объединений, цели и деятельность которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности страны, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований; недопустимости установления какой-либо религии в качестве государственной; установлении равенства религиозных объединений перед законом. По нашему мнению, весь спектр указанных выше требований должен подпадать под понятие религиозной безопасности, а само это понятие должно быть включено в Концепцию национальной безопасности Кыргызской Республики. Это позволит конкретизировать круг проблемных вопросов, связанных не только с противостоянием религиозному экстремизму, но и сделает возможным решение задач, связанных с использованием созидательного потенциала религии, активным вовлечением верующих Кыргызстана в дело укрепления светского демократического характера государства. Считаем также необходимым инициирование разработки закона о религиозной безопасности Кыргызской Республики, что явится важным шагом на пути законодательного закрепления возрастающей роли религии в жизни общества и государства.

Это тем более важно, что в настоящее время в сфере борьбы с экстремизмом, в частности религиозным, в Кыргызстане акцент делается на запретительные меры, а также на ужесточение юридической ответственности за его проявления¹. Но сегодня силовые методы уже не приносят желаемого результата, а ресурсы запретительной политики государства практически исчерпаны. Всякая попытка силового решения проблем экстремизма приводит только к усиливающемуся противодействию со стороны экстремистов.

Не подвергая сомнению необходимость проведения силовых мероприятий, мы уверены, что для достижения наилучших

¹ См: ст. 226, 227, 299 Уголовного кодекса КР от 1 октября 1997 г. ...; Международный терроризм и религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности Кыргызстана и пути ее преодоления... – С. 313–316.

результатов на данном этапе развития общества назрела необходимость смены парадигмы в борьбе со всеми формами экстремизма, одним из конкретных элементов которой должна стать религиозная безопасность, существенно расширяющая арсенал методов и средств, укрепляющих безопасность страны. Мы видим основную причину неэффективной борьбы с экстремизмом в том, что, стараясь вытеснить из социума факторы, провоцирующие экстремистские настроения, государство взамен не предоставляет социуму никакой альтернативы. Но через некоторое время образовавшийся идеологический вакуум заполняется не менее радикальными идеями и устремлениями. Думается, что новой парадигмой не только в борьбе с экстремизмом, но и в процессе обеспечения религиозной безопасности Кыргызской Республики в целом может стать политика замещения общественных ценностей, провоцирующих экстремизм, другими мировоззренческими установками, исключающими всякое проявление экстремизма. Такими установками, которые не способны породить экстремизм в любом его виде, обладают традиционные для кыргызского общества религии. Полагаем, что в целях обеспечения религиозной безопасности должна быть подвергнута пересмотру модель государственно-религиозных отношений в стране, в частности, необходимо подвергнуть пересмотру систему отношений между кыргызской государственностью и традиционными для нее религиями¹.

Мы полностью разделяем мнение ученых в части того, что утрата существования, воспроизводства и самобытного развития конфессиональных традиций представляет серьезную опасность и что основным объектом защиты в ходе обеспечения религиозной безопасности является конфессиональная идентичность, которая базируется на устойчивых системах морально-нравственных ценностных предпочтений². «Потеря авторитета традиционных религиозных организаций приводит к тому, что деструктивный

¹ К числу традиционных для Кыргызской Республики религий мы относим ислам, православие, буддизм и иудаизм.

² Козлов С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности: Дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-н/Д., 2006. – 138 с.

религиозный опыт получает неограниченное влияние на социум. В этой связи должна быть не только признана бесспорная значимость религиозных традиций как социальной конструктивной составляющей, но и исключительность религиозного опыта нации, о безопасности которой идет речь»¹.

Не менее важными являются и внутренние эндогенные опасности, угрожающие личности. Например, опасность неправильного понимания законов духовной и религиозной жизни, что может вылиться в появление очередного деструктивного по своей сути религиозного объединения. Профилактикой и устранением такого рода опасностей должно заниматься государство, поскольку «национальная безопасность как сложная система рассматривается во взаимосвязи трех ее основных элементов: национальных интересов, угроз национальной безопасности и защиты от них (т. е. обеспечения национальной безопасности). Следовательно, именно государство должно выступать в качестве основного субъекта ее обеспечения. В частности, государство может решать эту задачу, в рамках религиозной безопасности, посредством организации качественного религиозного образования для всего населения страны или в отдельных случаях посредством изоляции от общества лиц, которые понимают религиозную жизнь извращенно.

Касательно совершенствования системы религиозного образования страны, ее обеспечение может быть достигнуто путем реализации ряда мероприятий. Так, первостепенной задачей представляется завершение разработки и реализация концепции преподавания истории религиозной культуры, религиоведческого образования и программ учебных курсов для изучения основ религиозной культуры для старших классов средней школы, средне-специальных и высших учебных заведений. Обеспечение системы образования квалифицированными педагогическими кадрами, повышение доли специалистов-религиоведов в числе студентов, обучающихся в рамках государственного заказа, и проведение научных исследований с целью формирования

¹ Козлов С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности...

методологической базы для мониторинга и оценки религиозной ситуации, информационных материалов и повышения качества религиозно-образовательного образования также представляются чрезвычайно актуальными. Кроме того, пресечение попыток проведения миссионерской деятельности в светских (государственных и частных) учебных заведениях в любых формах и проявлениях со стороны учащихся, преподавателей и администрации должно носить систематический и повсеместный характер.

Не вызывает сомнений действенность проведения совместно с религиозными организациями, проявившими свою социокультурную значимость для Кыргызстана, культурно-просветительских и иных мероприятий, а также реализация образовательных проектов, направленных на духовно-нравственное, гражданско-правовое и патриотическое воспитание молодежи (в том случае, если это не связано с религиозной деятельностью). А также вовлечение в качестве активных субъектов политики религиозного просвещения – семьи, родительской общности, органов местного самоуправления, профессионально-педагогического сообщества, научных, культурных, коммерческих и общественных институтов, волонтеров.

Повышения качества религиозного образования можно добиться путем разработки стандартов классификации религиозных учебных заведений по категориям в соответствии с целями обучения, содержанием учебной программы для определения типа лицензии, в зависимости от того, имеют ли религиозные учебные заведения светский компонент или не имеют. Также дадут свой положительный эффект упорядочение процесса лицензирования религиозных образовательных учреждений в соответствии с требованиями уполномоченных государственных органов в сфере образования и по делам религий, а также разработка механизма мониторинга религиозных учебных заведений на предмет выявления распространения радикальных идеологий в содержании учебных программ и в учебной практике.

Не следует забывать и о целесообразности создания системы централизованного обучения с привлечением специалистов религиозно-педагогических и теологических факультетов, отделений

вузов республики и госструктур с целью повышения квалификации имамов и других духовных лиц, а также упорядочения системы домашнего религиозного образования, включая женские религиозные школы (мастураты), совместно с Духовным управлением мусульман Кыргызстана (ДУМК) и другими религиозными организациями.

Итак, в современных условиях проблема обеспечения религиозной безопасности должна получить еще большую актуализацию как неотъемлемое условие совершенствования кыргызского общества, его гуманистической ориентации. Понятие религиозной безопасности, на наш взгляд, должно рассматриваться как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в религиозной сфере. Оно заключается в соблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина в области религии, обеспечении мирного сосуществования различных религий и конфессий и их последователей на одной территории, нейтрализации причин и условий возникновения и развития конфликтов на религиозной почве, противодействия негативному влиянию объединений тоталитарной, деструктивной и оккультной направленности и минимизации последствий их деятельности.

В заключение необходимо отметить, что религиозная сфера охватывает огромный объем общественных отношений, от безопасности которых зависит национальная безопасность государства в целом. И поскольку современный мир рождает совершенно новые угрозы религиозной безопасности, то это обстоятельство диктует необходимость выделения ее в отдельный, в один из ключевых институтов национальной безопасности, а также выстраивания государственной политики, направленной на нейтрализацию современных вызовов и угроз, обеспечения внутривнутриполитической стабильности, безопасности и уверенного движения Кыргызстана к новым горизонтам развития.

Таткало Н. С.

**РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ
В КЫРГЫЗСТАНЕ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УГРОЗЫ РОСТА
ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ**

В настоящее время проблема обеспечения национальной безопасности Кыргызстана приобретает всё более и более многогранный и комплексный характер в силу того, что увеличивается количество и изменяется качество как экзогенных, так и эндогенных факторов, угрожающих стабильному развитию его политической системы. При этом многие из них носят гибридный характер, будучи сгенерированными внешними акторами, чье влияние получило распространение на территории КР ввиду наличия там необходимых для этого благоприятных условий. В этом аспекте деструктивная деятельность международных исламистских группировок на территории республики, нацеленная на подрыв социальной стабильности, занимает одну из ключевых позиций в системе угроз национальной безопасности КР в силу того, что социально-экономическая неопределенность и турбулентность общественно-политической жизни КР после получения республикой статуса независимого и суверенного государства детерминировали неконтролируемый рост общественного интереса к исламу как к той духовной скрепе, которая может не только стать основой идентичности взамен разрушенной советской общности, но и объяснить действительность, а также указать выход из сложной ситуации.

Однако с точки зрения оценки влияния исламского ренессанса на общественную жизнь Кыргызстана необходимо отметить амбивалентность данного процесса. С одной стороны, неопровержимым фактом выступает положительный в нравственном отношении эффект. Согласно результатам исследования Государственной комиссии по делам религий (ГКДР) КР «Влияние

религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике» важными плюсами роста религиозного самосознания населения КР являются:

- повышение морально-нравственного уровня населения;
- снижение уровня преступности;
- проявление терпимости и доброжелательности в отношении представителей иных национальностей и религий¹.

Вместе с тем интерес населения к исламским ценностям в условиях недостаточного контроля со стороны государственных структур превращает его в объект манипуляций внешних исламистских группировок, что результирует в оформлении пула граждан, недовольных существующим светским политическим режимом. Особенностью идеологической программы экстремистских исламских группировок выступает ее транснациональный характер. Радикалы в своей вербовочно-пропагандистской деятельности, базируясь на тезисах о том, что: а) ислам является религией общечеловеческого масштаба и б) для ислама не свойственно разделение функций между государственной и духовной сферами, умело апеллируют к необходимости возрождения исламской уммы, установления всемирного исламского халифата как наиболее справедливой наднациональной структуры.

В свою очередь, важными предпосылками актуализации угрозы радикализации мусульман КР, являются:

- низкий уровень религиозного образования населения и официального исламского духовенства;
- зависимость от внешних спонсоров в возведении объектов религиозного назначения;
- неэффективность как традиционных, так и демократических институтов в решении насущных проблем общества.

Низкий уровень теологического образования официального исламского духовенства и религиозных знаний населения. Реисламизация в КР проявилась, прежде всего, в форме

¹ Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике: Социолог. исследование. – Бишкек, 2016 // URL: <http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/>.pdf

открытого соблюдения мусульманами религиозных обрядов. В результате, возросла именно традиционно-обрядовая роль ислама в общественных отношениях. Осмысленное же изучение и интерпретация основ вероучения ушли на второй план. Об объективности данного тезиса свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного в 2016 г. международной организацией *Search for Common Grounds*, согласно которым зачастую демонстрация религиозности во внешнем виде граждан КР – ношение шапочки, хиджаба, перстней с арабскими надписями и др. – является их стремлением соответствовать «модным тенденциям» в отрыве от необходимости понимания сути религии, трансформации внутреннего мира в направлении духовного самосовершенствования¹.

Между тем, по данным МВД, в КР почти 70% имамов не имеют официального религиозного образования, получая знания в индивидуальном порядке у различных религиозных деятелей². Отсюда следует, что в медресе и религиозных вузах отсутствуют разработанные учебные программы, а предусмотрено лишь заучивание Корана и проведение культовых обрядов. В этом отношении негативную роль сыграл советский период истории КР, когда уровень развития исламских институтов и знаний мусульман был на низком уровне – как следствие реализации политики научного атеизма, сопровождавшейся репрессиями, гонениями, антирелигиозной пропагандой, а также изолированности республики от исламского мира с авторитетными центрами исламского знания³.

В свою очередь, низкий уровень теологического образования не позволяет имамам оказать необходимую помощь

¹ Результаты базовых исследований по изучению ситуации насильственного религиозного экстремизма в странах Центральной Азии см.: *Kyrgyzstan Reports* // URL: <https://www.sfcg.org/tag/kyrgyzstan-reports/>

² *Турусбеков Р.* Психологический и социальный портрет экстремиста и террориста // *Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике.* – Бишкек, 2014. – С. 143.

³ *Салиев А. Л.* Где место вере в светском Кыргызстане? (27.01.2017) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/gde-mesto-vere-v-svetskom-kyrgyzstane/12574>

обратившимся к ним гражданам, находящимся в духовном поиске. Служители культа не могут дать ответы на волнующие людей вопросы религиозного, социального, семейного характера, что на фоне неразработанной стратегии информационного противодействия экстремистской идеологии приводит к вовлечению граждан в ряды исламистских организаций. На это указывает тот факт, что основную массу завербованных составляют неофиты, которые получают основы религиозных знаний уже в изначально искаженной, радикальной форме¹.

Более того, насущной проблемой официального ислама КР является то, что религиозные лидеры используют свое положение большей частью в личных целях, не будучи заинтересованными в превращении ислама в стержень духовного развития государства. Отталкивающими факторами для граждан КР от официальной мечети также выступают:

- непрозрачность ее финансовой системы, что детерминирует формирование среди них устойчивого мнения о нецелевом использовании средств священнослужителями;

- ее пассивность в аспекте плановой мобилизации верующих для участия в социальных процессах (благотворительная деятельность)².

В этих условиях на фоне неэффективности отечественной как светской, так и религиозной систем образования в республике растет число молодых людей, выезжающих за пределы страны с целью получения религиозного образования. Однако основная их масса попадает в частные медресе, возглавляемые неофициальными духовными лидерами-авторитетами, которые не всегда являются приверженцами позиции государственных органов и официального духовенства КР на роль ислама в стране. В результате, данные учебные заведения зачастую

¹ Радикализация населения Ошской, Джалал-Абадской, Баткенской областей: факторы, виды и группы рисков. – Бишкек, 2016. – С. 22.

² *Маликов К.* Социальная активность мусульманской общины // Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране: подходы к гармонизации отношений между государством и религией. – Бишкек, 2009. – С. 80, 89.

выступают каналом вербовки граждан КР в религиозные экстремистские организации¹.

В ситуации же ограниченных возможностей трудоустройства и социальной адаптации, которыми располагают выпускники исламских учебных заведений в силу: а) неотработанной системы их лицензирования, процедур аттестации выпускников и выдачи им соответствующих документов; б) узкой теологической направленности предоставляемого образования, которого недостаточно для инкорпорирования в систему государственной службы; в) принципа клановости в ротации имамов мечетей, идеология исламистских группировок наряду с их умелым оперированием понятиями социальной справедливости на фоне кризисных социально-экономических условий жизни населения, масштабной коррупционности власти, социальной поляризации и идеологического вакуума, становится всё более популярной среди молодежи².

Зависимость от внешних спонсоров в возведении объектов религиозного назначения зачастую превращает последние в центры пропаганды экстремизма, поскольку иностранное финансирование априори ставит в зависимое положение представителей местного духовенства. В частности, в начале 1990-х гг. в городах Бишкек и Ош были открыты ваххабитские мечети, поскольку руководство республики не изыскало средств на возведение культовых сооружений³.

Неэффективность как традиционных, так и демократических институтов в решении насущных проблем общества. В этом аспекте представляется, что детерминантом успешности призывов исламистов среди определенной группы граждан, в частности партии «Хизб ут-Тахрир», на территории КР

¹ *Турсубеков Р.* Психологический и социальный портрет экстремиста и террориста... – С. 143.

² *Аскарров Т.* Приняли Концепцию и успокоились... (23.11.2015) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/prinyali-kontseptsiyu-i-uspokoilis/10069>

³ *Торогельдиева Б.* Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 1 (61) // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-i-harakter-politicheskoy-kultury-v-sovremennom-kyrgyzstane>

к созданию халифата – государства всеобщего благоденствия и справедливости – является разработанная «Хизб ут-Тахрир» социальная программа, включающая выступления активистов партии в защиту прав потребителей электроэнергии, оказание финансовой поддержки молодым семьям, акты благотворительности в дни священных для мусульман праздников Курбан Айт и Орозо Айт, выступающая своеобразной привлекательной и убедительной «рекламой» будущего государства.

Вместе с тем результаты проводимых социологических опросов указывают на то, что пул граждан с «экстремистским сознанием» не составляет большинства населения, что свидетельствует о том, что уровень протестных настроений в социуме КР в настоящее время не угрожает действующему светскому политическому режиму. Согласно результатам исследования, проведенного в 2013 г. одной из крупнейших американских «фабрик мысли» *Pew Research Center*, в Кыргызстане среди населения доминирует мнение о необходимости сохранения светского типа государства: 10% респондентов считают, что религиозные деятели должны оказывать значительное влияние на политику страны, 36% полагают, что влияние с их стороны должно быть, но не определяющим, а 51% отрицательно относятся к любой форме участия религии в управлении государством¹. При этом только 35% населения считает, что исламские партии лучше светских. Объективность полученных результатов подтверждается данными исследования, проведенного в марте 2016 г. *Gallup Organization*. Несмотря на обозначившееся недовольство населения действиями нынешней государственной власти (49% населения КР в качестве главной проблемы КР отмечают безработицу, 31% акцентируют внимание на коррупции, а 12% – на экономическом развитии), 40% населения КР полагает, что КР необходимы постепенные реформы, которые сохранят существующую политическую систему, а еще 15% респондентов считают, что главную угрозу КР представляют силы, стремящиеся

¹ The World's Muslims: Religion, Politics and Society. April 30, 2013 // URL: <http://www.pewforum.org/files/2013/04/worlds-muslims-religion-politics-society-full-report.pdf>

разрушить существующий порядок¹. Другим доказательством низкого уровня протестного потенциала в КР выступает тот факт, что введенный запрет на ношение хиджаба в школах и движение салафизма не стали стимулом к переходу протестных настроений отдельных граждан в действия, направленные против действующей власти.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что проявляемый гражданами КР интерес к религии обусловлен, прежде всего, **психологическими факторами** и выступает следствием попыток населения КР: а) дать объяснение сложившейся ситуации в КР в социально-экономической сфере, а не сформировать массовые оппозиционные движения или политические субъекты оппозиционной религиозной направленности, несмотря на испытываемые трудности, связанные с низким уровнем жизни; б) уйти от насущных проблем и найти общественный идеал справедливости и социального равенства; в) самореализоваться, выделиться². На приоритет психологической составляющей в мотивации граждан КР войти в экстремистскую группировку указывает и тот факт, что подавляющее большинство экстремистов являются выходцами из благополучных семей, которые получили высшее и среднее образование³. В этом аспекте для завербованных особую значимость представляет не получение материальных благ при вступлении в организацию, а приобщение к миру социальной справедливости и взаимопомощи. Например, внутреннее правило «Хизб ут-Тахрир» о выделении каждым членом 10% от своих доходов в пользу организации выступает для каждого гарантом того, что при любых жизненных трудностях его семья получит необходимую финансовую помощь⁴.

¹ The World's Muslims: Religion, Politics and Society. April 30, 2013...

² Вейцель Р., Эсенаманова Н. Запрещенная «Хизб ут-Тахрир» в Кыргызстане: начало и закат (Полевое исследование). – Бишкек, 2016. – С. 25–26.

³ Эсенаманова Н. Типология мышления и пошаговых действий экстремиста, внутренние причины его радикализации и протеста // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014. – С. 154.

⁴ Вейцель Р., Эсенаманова Н. Запрещенная «Хизб ут-Тахрир» в Кыргызстане... – С. 7.

Таким образом, идеи радикального и непримиримого отношения к государственным институтам КР генерируются под влиянием информационно-пропагандистской деятельности зарубежных религиозных экстремистских формирований. Соответственно, в Кыргызстане на настоящий момент отсутствуют внутренние условия для оформления протестного потенциала мусульманской общины. Отмечаемое недовольство граждан – в частности, в отношении своего социально-экономического положения – еще не превратилось в стимул роста протестных настроений под лозунгами экстремистских идей.

Тем не менее получившие в республике развитие две тенденции: а) фрагментация мусульманской общины по внутриконфессиональному признаку в результате оформления пула сторонников параллельного (политического) ислама под влиянием идеологии религиозно-экстремистских организаций (ваххабиты, «Хизб ут Тахрир»); б) использование религии отдельными политическими лидерами – позволяют утверждать, что они закладывают политико-идеологическую основу для роста протестных настроений социума в среднесрочной перспективе.

В качестве доказательств того, что в настоящее время Кыргызстан переживает переходный период возрождения ислама и превращения его в актор, влияющий на общественно-политические отношения в стране, рассмотрим особенности деятельности «Хизб ут-Тахрир» и религиозно-политического движения ваххабизма, которые, по оценке экспертов, составляют основу исламистской инфраструктуры Кыргызстана¹.

Одним из основополагающих принципов деятельности «Хизб ут-Тахрир» выступает отказ от открытого участия в политической борьбе со светскими силами, которые рассматриваются в качестве нелегитимных. В основе ее деятельности лежит принцип эволюционности исламизации общества, который предполагает сначала создать обширную базу своих сторонников,

¹ Курбанова Н. Модели государственно-исламских отношений России, Турции, Казахстана, Индонезии, Пакистана, Норвегии, Израиля: Уроки для Кыргызстана // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014. – С. 12.

составляющую большинство населения республики, а затем с ее помощью разрушить установленный конституционный строй и установить исламскую форму правления. В силу этого в настоящее время «Хизб ут-Тахрир» сосредоточена на создании устойчивого партийного ядра в КР, что свидетельствует о том, что она в данный момент не может рассматриваться в качестве генератора протестного потенциала в республике.

Между тем ваххабиты, согласно оценке экспертов, не предполагают разработанным политическим проектом, что обусловлено, прежде всего, особенностями их идеологии, согласно которой общество в настоящее время находится в состоянии невежества и нуждается в исправлении вероубеждений посредством проповеди¹. Они занимают протестную позицию в отношении традиционных форм ислама и официального духовенства КР, будучи пассивными в политическом поле республики.

Однако, несмотря на то, что идеологии «Хизб ут-Тахрир» и ваххабизма, а) будучи привнесенными извне; б) характеризуясь транснациональным целеполаганием – построением всемирного халифата, в настоящее время не вызывают массового отклика среди населения КР, в процессе смены поколений на фоне усиливающегося интереса населения к религии смогут привлекать всё больше сторонников и самостоятельно генерировать религиозных лидеров. Соответственно, не располагая институциональными механизмами озвучивания своего мнения, будучи запрещенными ввиду своей экстремистской риторики, данные группы станут основными очагами роста протестного потенциала в КР.

Ситуацию в этом отношении осложняет тот факт, что ряд политических лидеров в целях получения политических очков пытаются вплести мусульманскую общину в политическую борьбу, спекулируя религиозной тематикой. В качестве одной из последних попыток следует отметить участие партии «Улуу

¹ Маликов К. Идеологические аспекты развития мусульманской общины // Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране: подходы к гармонизации отношений между государством и религией. – Бишкек, 2009. – С. 71.

Кыргызстан» в выборах в Жогорку Кенеш КР в 2015 г. При этом представляется целесообразным акцентировать внимание на следующих фактах:

– во-первых, ранее активность в данном направлении проявляли отдельные политики (Турсунбай Бакир уулу, Нурлан Мотуев и др.), а не партии¹;

– во-вторых, в Кыргызстане, несмотря на прописанные в Основном законе нормы о запрете на создание партий на религиозной основе, отсутствуют реальные механизмы выявления этих партий. Так, партия «Улуу Кыргызстан», воспринимаемая обществом как исламская партия ввиду того, что в рамках ее агитационной работы особый акцент делался на том, что 80% ее членов являются верующими, тем не менее была не только зарегистрирована, но и допущена к участию в парламентских выборах².

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в Кыргызстане не сформирована цепочка каузально связанных факторов, указывающих на оформление масштабного протестного потенциала в обществе под флагом религиозно-экстремистских лозунгов. Результаты социологических опросов свидетельствуют о том, что в общественном сознании повышается роль ислама лишь как механизма объяснения происходящих социально-экономических и политических трансформаций, в результате которых усиливается социальная поляризация и нарастает идеологический вакуум ввиду того, что программные положения светских партий обесцениваются неэффективностью их воплощения политическими лидерами.

В целом, схема формирования протестного потенциала в обществе выглядит следующим образом.

¹ Усубалиев Э. «Мусульманский ресурс» как фактор политического процесса в стране // Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране: подходы к гармонизации отношений между государством и религией. – Бишкек, 2009. – С. 104–105.

² Молдахметов Б. Некоторые уроки выборов кыргызского парламента (30 октября 2015) // URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/nekotorye-uroki-vyborov-kyrgyzskogo-parlamenta/9822>

Логика формирования протестного потенциала в сфере религии

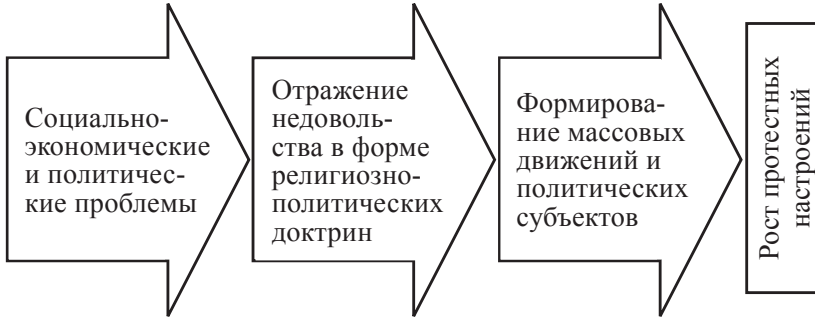

Схема составлена на основе данных источника: *Абдылдаев М. Стратегии по борьбе с насильственным экстремизмом в Кыргызской Республике // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. – Бишкек, 2014. – С. 118.*

Однако в Кыргызстане ситуация в сфере религии имеет иную структуру и характеризуется рядом особенностей:

а) существует недоверие верующих не столько в отношении институтов власти, сколько к официальному духовенству (официальной мечети), которое в силу, главным образом, своей безграмотности не может дать гражданам ответы на интересующие их вопросы мировоззренческого плана и, соответственно, теряет свой авторитет;

б) официальная мечеть пассивна в аспекте организации плановых благотворительных мероприятий для социально уязвимых слоев общества;

в) обращение мусульман к радикальным религиозным группировкам детерминировано не только отрицательным репутационным образом официального духовенства, но и собственным дилетантством в вопросах религии, который за предоставляемой этими группировками социальной помощью и логическим объяснением испытываемых ими трудностей не позволяет определить их деструктивный характер;

г) все религиозно-экстремистские группировки, осуществляющие свою деятельность на территории КР, имеют иностранное происхождение, следовательно, в мусульманской общине республики степень недовольства властью не достигла того уровня, чтобы в ее недрах были сформированы массовые протестные движения;

д) самостоятельно мусульманская община не участвует в политическом процессе в КР, но является объектом манипуляций различных политических сил в их конкурентной борьбе за власть – как действенный механизм зарабатывания политических очков.

Схематично связь между данными характеристиками можно представить следующим образом.

Схема 2

Специфика религиозной ситуации в Кыргызстане

Из схемы видно, что результатом деятельности религиозных экстремистских организаций в Кыргызской Республике является не рост протестного потенциала мусульманской общины, а ее фрагментация. Соответственно, необдуманная деятельность ряда политиков по привлечению «мусульманского ресурса» в политическую борьбу ведет к политизации ислама. Вкупе данные предпосылки закладывают основы возникновения протестного потенциала в мусульманской общине КР в среднесрочной перспективе.

Тем не менее следует подчеркнуть, что у руководства Кыргызстана существуют возможности изменить развитие ситуации по обозначенному сценарию. Исходя из вышеуказанных проблемных точек, целесообразным представляется реализация следующих мер по линии ДУМК, государственных органов, экспертного сообщества.

ДУМК:

- повысить прозрачность работы, прежде всего в сфере финансирования ДУМК и организации хаджа;
- усилить информационное освещение деятельности ДУМК, особенно в сфере организации благотворительных и социальных мероприятий;
- организовать взаимодействие с правоохранительными органами в аспекте повышения уровня религиозной грамотности их сотрудников с целью повышения эффективности их работы по задержанию групп религиозно-экстремистского подполья;
- организовывать проповеди в мечетях по социально значимым вопросам, нормативно-правовым актам в сфере государственно-религиозного взаимодействия.

Государственным органам:

- правоохранительным органам:
 - утвердить список запрещенных материалов религиозной направленности, доступный широкой общественности, и ужесточить контроль над ввозимой на территорию КР религиозной литературой;
 - создать банк данных религиозных организаций, к которому будут иметь доступ все уполномоченные органы и который

будет содержать информацию о правонарушениях, совершенных их адептами;

– установить жесткий мониторинг за процессом выезда граждан с целью получения религиозного образования – выявление специфики каждого отдельного образовательного заведения с последующим введением запрета на обучение в нем в случае установления факта его экстремистской риторики;

– осуществлять жесткое пресечение использования религиозного фактора политическими силами;

• министерству образования:

– включить в учебную программу средних и высших учебных заведений дисциплины по направлению «религиоведение» в целях формирования «критических фильтров» при ознакомлении молодых людей с религиозной литературой;

– разработать совместно с ДУМК стандартную систему исламского образования и провести лицензирование всех религиозных учебных заведений;

– создать правовые условия для получения религиозного образования в религиозных учреждениях – лицензирование исламских учебных заведений, предварительно внедрив светские дисциплины в учебную программу исламских образовательных учреждений;

– разработать систему аттестации выпускников, получивших образование в зарубежных исламских учебных заведениях, с целью выявить, насколько полученные ими знания совпадают с ценностями суннитского ислама ханафитского мазхаба;

– создать курсы повышения квалификации для исламских священнослужителей, предполагающие приглашение известных теологов и религиоведов – как отечественных, так и зарубежных.

Экспертному сообществу:

– усилить взаимодействие с государственными органами, а также органами местного самоуправления по линии осуществления постоянного мониторинга религиозных процессов – проведение социологических исследований по вопросам

удовлетворенности населения работой ДУМК, уровнем образования исламских священнослужителей, а также социальной адаптации выпускников исламских учебных заведений и т. д.;

– на базе государственных исследовательских институтов и ДУМК проводить семинары, тренинги – с широким освещением в СМИ – по проблемам духовной безопасности, нацеленные на информирование населения о возможных последствиях вовлечения в исламистские организации.

Резюмируя, следует отметить, что предупреждение религиозно-экстремистской деятельности должно включать не только перечисленные профилактические мероприятия, но и общесоциальное предупреждение, предполагающее преодоление трудностей трансформационного периода – завершение демократизации политической системы и улучшение социально-экономических показателей Кыргызской Республики.

Асанбеков М. К.

**УМЕРЕННЫЙ ИСЛАМ В КЫРГЫЗСТАНЕ
КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ
СТАБИЛЬНОГО И БЕЗОПАСНОГО
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Умеренный ислам, представляющий собой мусульманскую религиозную организацию, исповедующую ислам ханафитского толка, в Кыргызстане, как и во всех других странах, где она действует, выступает в качестве одного из основных факторов его стабильного и безопасного развития. Это обусловлено, прежде всего, его организационными особенностями как религиозной организации, мировоззренческими основами, отношением к государственной власти и способами распространения ислама. Словом, теми свойствами, которые затрудняют использование ислама политическими силами как идеологии, вовлечение этой религиозной организации в политические процессы, а отношение к другим точкам зрения и религиям делают толерантным. Также по доктринальным установкам умеренного ислама недопустимым является навязывание людям своей религии. Данные свойства позволяют исламу оставаться лишь религией, поскольку, по толкованию положений Корана Абу Ханифой и его учениками, в исламе путь к совершенствованию человека и общества заключается в самоочищении, в молитвенном обращении к Аллаху и поклонении ему, а не в изменении властных отношений. Кроме того, вера в Аллаха, по мнению Абу Ханифы, должна быть абсолютно свободной.

Говоря о стабилизирующих общественных отношениях, а также обеспечивающих безопасное развитие страны организационных особенностях мусульманской религиозной организации, исповедующей ислам ханафитского толка, мы, прежде всего, имеем в виду то, что в Кыргызстане ханафиты составляют

подавляющее большинство верующих мусульман¹, а значит, представляют собой большую часть населения страны. Соответственно, веками устоявшаяся позиция данной религиозной организации – ограничиваться только религиозной деятельностью, не вовлекаясь в политические процессы, – сама по себе оказывает на общественные отношения стабилизирующее воздействие. Нельзя забывать и о том, что ханафизм является тем направлением ислама, которое было принято за религиозную веру кыргызами и практически всеми другими народами Центральной Азии. Ханафиты с самого начала своего появления действовали на территории нашей страны совершенно легитимно, а в XX в. начали осуществлять свою деятельность как религиозная организация, официально признанная государством. Тем самым, данная религиозная организация изначально не была настроена на изменение своего общественного статуса, а значит, не может конфликтно влиять на процессы, происходящие в стране.

С другой стороны, так как ханафиты не строят свою деятельность на навязывании ислама людям, количество практикующих верующих среди них меньше, чем в других религиозных организациях². Это говорит о том, что ханафиты не только не обладают организационными возможностями для совместных действий или каких-то акций, но и о том, что такие действия вообще не предусмотрены в их деятельности. Хотя у ханафитов организационная структура носит иерархическую форму, тем не менее они не принимают решений, обязательных для исполнения всеми членами религиозной организации³, у них не практикуется создание групп, специально предназначенных для выполнения конкретных задач, будь то связано с распространением ислама или своей активизацией в политической жизни страны. Немаловажно и то, что взаимоотношения верующих и их связь с самой

¹ Сколько мусульман живет в разных странах мира? (24 февраля 2012) // URL: <http://www.islam-portal.ru/novosti/105/3268/>

² Ислам в мировом масштабе // URL: <https://yandex.ru/yandsearch?text=>

³ Особенности религиозной организации: основные течения в исламе // URL: http://studbooks.net/19643/religiovedenie/osobennosti_religioznoy_organizatsii_osnovnye_techeniya_islame

религиозной организацией, в отличие от других мусульманских религиозных организаций, жестко не регламентируются – носят свободный характер. Вот почему у ханафитов превращение религиозной организации в политическую силу практически невозможно, если на него не будет оказано тотального воздействия извне, как это произошло в Афганистане при противостоянии там двух сверхдержав – США и Советского Союза.

Стабилизирующее воздействие на общественные отношения ханафиты оказывают и своей мировоззренческой базой. Именно толкование положений Корана, разработанное Абу Ханифой и его учениками, ставит заслон использованию политическими силами ислама как идеологии и политическому и межконфессиональному противостоянию. Во-первых, детальная разработанность вопросов, касающихся шариата¹, в его толковании Корана не оставляет места тем силам, которые в своих политических целях хотели бы, искажая отдельные положения священной книги, использовать ислам как идеологию, а сами религиозные организации вовлечь в политические процессы. Во-вторых, концептуальное требование Абу Ханифы в мировоззренческих вопросах – опираться на собственный разум и опыт, не ограничиваясь божественными откровениями, – исключает догматическое восприятие или толкование положений Корана и, тем самым, превращение религиозных утверждений в идеологические штампы, в какие-либо жесткие установки. В-третьих, важнейшая доктринальная установка ханафизма о необходимости толерантно и терпимо относиться к другим точкам зрения и религиям делает невозможными идейные конфликты и противостояние ханафитов с религиозными организациями других верований. В-четвертых, признание Абу Ханифой в мировоззренческом плане свободы выбора человека в своих поступках ограждает его от отрицательного, с использованием религии, воздействия на него извне, удерживает от радикализации убеждений, а значит, от радикализации позиции самой религиозной организации. В-пятых, такие источники мусульманского права,

¹ Формирование ханафитского мазхаба: историография ханафитского мазхаба // URL: http://studbooks.net/923725/filosofiya/formirovanie_hanafitskogo_mazhaba

как *кьяс*, *иджма*, *орф* и *истихсан*, на которых основывается правовое предписание Абу Ханифы, по сути, являются научными методами обоснования утверждений – разъяснениями положений Корана. Эти источники сравнимы с такими современными научными способами объяснения проблемы, как: по аналогии (*кьяс*); использование имеющихся в науке методов (*иджма*); опираясь на ранее доказанные в науке положения (*орф*); с точки зрения здравого смысла (*истихсан*).

Иначе говоря, названные источники обеспечивают правовым предписаниям Абу Ханифы подлинную религиозность, так как представляют собой строгие, логически выверенные и всесторонне разработанные в самой религии правила толкования Корана. Дело в том, что при толковании положений Корана и Сунны они не допускают изменения их религиозной сущности в чьих-то интересах – а направлены на укрепление в человеке веры в Аллаха, ибо в них все суждения остаются в рамках одной цельной концепции. Концепции, которая сосредоточена на признании Аллаха создателем всего сущего, а смыслом существования человека в этом мире является постижение им божественного замысла, что возможно только через молитвы и ведение праведной жизни. Это говорит о том, что именно доктринальные постулаты и способы толкования Корана и Сунны, выработанные в ханафизме, способствуют тому, что религиозные организации, исповедующие ислам этого толка, занимают в обществе умеренную политическую позицию, служат мировоззренческой базой, концептуально обосновывающей умеренное политическое поведение мусульманских религиозных организаций.

Умеренный ислам, представленный в Кыргызстане религиозной организацией, исповедующей ислам ханафитского толка, выступает стабилизирующим и способствующим устойчивости общественных отношений фактором, отличается своим особым отношением к государственной власти. Отношение к государственной власти в ханафизме в наиболее полной форме изложено в учении сподвижника Абу Ханифы – Абу Юсуфа Мухаммада аш Шайбани, точнее, в разработанной им и принятой всей ханафитской школой концепции халифата, в противовес

существовавшей тогда концепции имамата, отрицающей светскость государственной власти. Принципиальным в концепции халифата является то, что «халифат рассматривается как светское отражение сущности государства»¹ и обосновывается подчиненное положение мусульманской общины по отношению к государственной власти, при этом подчеркивается, что глава государства должен обладать не только светской, но и духовной властью и быть представительным лицом мусульманской общины. Очень важным в этой концепции является и требование признания всеми того, что власть дается Аллахом, и права духовенства по контролю над соблюдением государственной властью в своей деятельности законности.

Следовательно, для ханафитов передача государственной власти духовенству не является целью, что позволяет им во все времена их существования, в странах с различными политическими режимами не быть вовлечёнными в политические процессы, связанные с борьбой за власть. Здесь мы не можем не принять утверждение тех ученых, которые говорят о том, что общественная стабильность и безопасность заключена в самой цели ханафизма. Кроме того, идея, принятая и развитая ханафитами, о том, что власть дается Аллахом и что нужно обязательно подчиняться власти, если она действует на основе закона, удерживает ислам от превращения в идеологию, препятствует его отходу от чисто религиозных целей – поддерживать в человеке духовность, а не жажду власти. А то, что в ханафизме отношение к государственной власти сводится к контролю духовенством (факихами) над соблюдением руководителями государства тех сторон законности, которые связаны с морально-нравственными аспектами совершаемых чиновниками преступлений² (непосредственно связанных со сферой религии), дает возможность религии оставаться только одним из институтов

¹ *Рахимова Ф. М.* Государственно-правовое учение ханафизма (VIII–XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Душанбе, 2014 // URL: <http://konf.x-pdf.ru/18istoriya/312182-1-gosudarstvenno-pravovoe-uchenie-hanafizma-viii-xiii-vv.php>

² *Мухетдинов Д. В.* Ханафитский мазхаб – история и проблемы развития (6 июля 2011) // URL: <http://dumrf.ru/islam/theology/1576>

общественного контроля над государственной властью, и не более, оберегая религиозную организацию от противостояния с властью.

Ханафизм делает политическое поведение мусульманских религиозных организаций умеренным и своими методами распространения ислама, а значит, способствует стабильному и безопасному развитию страны. Ведь одним из ключевых концептуальных положений ханафизма, в отличие от других направлений ислама, является признание им правильности принятия народами ислама за веру в соответствии со своими традициями. Исходя из этого принципиального положения, в распространении религии акцент делается не на сохранение традиций, которые не противоречат основам ислама, а на не навязчивые включения требований ислама в процедуры исполнения народных традиций, обычаев и вплетения в систему ценностей народов чисто религиозных ориентиров. Как показала практика исповедования ислама кыргызами, при таком принятии религии религиозность населения поддерживается лучше и крепче, нежели от регулярного посещения мечетей. Что самое важное, при таком принятии ислам становится одним из важных факторов сохранения культуры народа. Становится невозможным и использование ислама в качестве идеологии, так как он превращается в неотъемлемую часть повседневной жизни людей, совсем не связанной с политическими процессами – с властными отношениями. Соответственно, стабильное и безопасное развитие общества заложено как в постулатах ханафизма, так и в самой практике принятия ислама кыргызами и другими народами Центральной Азии.

Ханафизм, представляющий умеренный ислам, способствует стабильному и безопасному развитию общества еще и тем, что в нем исключается навязывание ислама насильно. Призыв людей к исламу должен строиться только на убеждении (*тавхид*). По утверждению Абу Ханифы, ислам в сознании человека может закрепиться только как убеждение, но не как навязанное ему понимание вещей. Он говорил, что «знание человека, как ему поклоняться своему Господу, достойней, чем собрать в себе

множество второстепенных вещей»¹. Более того, проводить даават (призыв к исламу) в ханафизме можно только тогда, когда для этого есть условия и возможности, и для верующего он не является обязательным. Даават указывается как долг. Ханафиты, в отличие от других мусульманских религиозных организаций, как, например, «Таблиги Джамаат», не создают специально для проведения даавата постоянно действующих групп, и его проведение строго не регламентируется. Всё это означает то, что распространение ислама ханафитами осуществляется, абсолютно не нарушая права человека – права на свободное принятие за веру той или иной религии. Другими словами, распространение ислама у ханафитов осуществляется бесконфликтно, не вызывая отрицательной ответной реакции людей и других религиозных организаций, что само по себе служит стабилизирующим общественные отношения фактором.

Таким образом, умеренный ислам, действующий в Кыргызстане в лице мусульманской религиозной организации, исповедующей ислам ханафитского толка, которая придерживается в своей деятельности мировоззренческих установок Абу Ханифы (толкование Корана и Сунны) и в соответствии с ними выстраивает свои отношения с государственной властью, а также благодаря своей организованности и способам распространения ислама играет стабилизирующую общественные отношения и способствующую безопасному развитию страны роль. И основным механизмом, посредством которого доктринальные постулаты и способы толкования Корана и Сунны, выработанные в ханафизме, влияют на политическое поведение верующих и религиозных организаций, выступает свобода, предоставляемая человеку в реализации им на практике своей веры. Свободное осмысление положений Корана и Сунны и свободное принятие их за веру является сутью учения Абу Ханифы². Вот почему ханафизм как течение ислама своими способами формирования

¹ Ханафитские ученые о тавхиде и важности призыва к нему (8 ноября 2012) // URL: <https://bibliotekaislama.wordpress.com/2012/11/08/>

² Формирование ханафитского мазхаба: историография ханафитского мазхаба...

мировоззрения и выдвинутыми мировоззренческими утверждениями не дает мусульманским религиозным организациям, исповедующим ислам в его вариации, втянуться в политические процессы, а самой религии превратиться в идеологию настроенных крайне радикально политических сил.

Всё вышесказанное говорит о том, что умеренному исламу, частью которого является традиционная мусульманская религиозная организация Кыргызстана, государство в целях стабильного и безопасного развития страны должно уделять особое внимание. Помимо строгого контроля над соблюдением мусульманской религиозной организацией законодательства страны, должны быть созданы условия для того, чтобы она могла успешно противостоять экстремистским религиозным организациям и проникновению в республику радикального ислама. Всестороннюю поддержку ей нужно оказывать и для того, чтобы она могла сотрудничать с зарубежными религиозными организациями, особенно с мусульманскими организациями стран-теократий, на паритетной основе. Необходимо оказание государством организационной и финансовой помощи и в ориентировании учебных программ мектебов, медресе и теологических вузов Кыргызстана на преподавание ханафизма как религиозного учения – толкование Корана и Сунны. Призвать местную мусульманскую религиозную организацию, чтобы она на основе принципов невмешательства в государственные дела, не навязывания религии людям и отношения к государству как ниспосланному Аллахом дару разработала (подобно тому, как это сделано во многих странах) «национально ориентированные внутренние строгие правила деятельности самой религиозной организации и поведения служителей религии и верующих»¹.

¹ *Асанбеков М. К.* Причины и следствия неустойчивости религиозной ситуации в Кыргызстане (30.11.2016) // URL: <http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/prichiny-i-sledstviya-neustoichivosti-religioznoi-situatsii-v-kyrgyzstane/12402>

Мураталиева З. Т.

**ПОПЫТКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ИСЛАМА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СОХРАНЕНИЕ СВЕТСКОСТИ,
ПОДДЕРЖКА «МИРНОГО» ИСЛАМА**

Государства Центральной Азии, бывшие в составе Советского Союза на протяжении более 70 лет, испытывали на себе влияние атеистических взглядов. Однако ситуация стала меняться в 80-х гг. прошлого века, когда в регионе стали активно создаваться исламские организации, в том числе имеющие радикальную направленность. Религиозную ситуацию в регионе в 1980–1990 гг. можно назвать своего рода ренессансом ислама – в эти годы резко возросло количество мечетей и медресе, где проповедовали религиозные деятели с сомнительным уровнем образования. В результате этого религиозные организации исламского толка стали претендовать на управление государственными органами, нередко организовываясь в самостоятельные политические партии¹.

По мнению Г. Рудова, «наиболее опасными в плане дестабилизации ситуации в регионе являются организации, имеющие ярко выраженный воинствующий характер. Прежде всего, это “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами” (ХТИ) и ряд подпольных салафитских организаций, которые многие называют ваххабитскими»².

В первые годы независимости у представителей государственных органов стран Центральной Азии не было достаточно властных полномочий, чтобы противостоять исламистам,

¹ *Олкотт М. Б.* Религия, политика и безопасность в Центральной Азии // URL: http://caa-network.org/cassions/wp-content/uploads/2015/03/MBOforUNRCSA_Nov2014.pdf [01.11.2014].

² *Рудов Г.* Ислам в Центральной Азии: масштабы и перспективы влияния // Обозреватель. – М., 2014. – № 6. – С. 59.

однако опыт Таджикистана, где противостояние между бывшими коммунистическими, демократическими и исламистскими силами привело к гражданской войне, стало тревожным звонком для соседних стран, взявших курс на ограничение ислама в системе государственной власти.

В 1990 г. на политической арене Таджикистана впервые проявила себя Партия исламского возрождения (ПИВТ), которая, обладая яркой радикальной направленностью, стала основным костяком оппозиции по отношению к существующему режиму. Столкновение государственной власти с оппозиционными силами перешло в этноклановое противостояние и вылилось в кровопролитную гражданскую войну, которая продолжалась более 5 лет (с 1992 по 1997 гг.).

После заключения мирного соглашения между правительством Республики Таджикистан и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО) Партия исламского возрождения Таджикистана отказалась от радикальных (вооруженных) методов борьбы и стала легальной парламентской партией, оппозиционной партии власти.

Таким образом, по мнению Г. Рудова, оппозицией для власти Таджикистана стали две силы: «Хизб ут-Тахрир-аль Ислами» и Партия исламского возрождения¹. Причем в отличие от первой ПИВТ обладала легальным и легитимным статусом. Однако это не могло продолжаться долгие годы. На парламентских выборах 2015 г. ПИВТ не смогла преодолеть 5-процентный барьер и не прошла в парламент. В том же году Министерство юстиции республики потребовало от нее прекратить свою деятельность, что было воспринято членами партии как попытка устранения единственной оппозиционной силы в стране. В сентябре 2015 г. Верховный суд Таджикистана запретил деятельность ПИВТ, объявив ее террористической.

С 2009 г. религиозная обстановка в Таджикистане регулируется Законом «О свободе совести и религиозных объединениях», в соответствии с которым признается «особая роль

¹ Рудов Г. Ислам в Центральной Азии: масштабы и перспективы... – С. 63.

ханафитского направления исламской религии в развитии национальной культуры и духовной жизни народа Таджикистана»¹. Религиозные организации в Таджикистане, как и в других странах Центральной Азии, подлежат государственному регулированию. Так, Совет улемов Таджикистана подчиняется Комиссии по делам религий.

В 2015 г. в Таджикистане был установлен запрет на ношение длинной бороды и хиджаба. Причиной, по предположению экспертов, послужило намерение властей противостоять чрезмерной исламизации населения и чтобы внешний вид мусульман соответствовал требованиям ханафитского мазхаба. Нередко для борьбы с отращенными бородами власти страны вынуждены были прибегать к принудительным мерам.

Сегодня 99% населения Таджикистана являются мусульманами. В стране зарегистрировано более 3 тыс. религиозных организаций исламского толка, количество которых с каждым годом растет. Аналогичная ситуация сложилась в 1990-е гг. в Узбекистане, который наряду с Таджикистаном является наиболее исламизированной республикой региона. Ферганская долина, в которой проживает почти половина населения страны, стала очагом активизации таких деструктивных религиозных организаций, как «Адоллат», «Ислом лашкарлари», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Последнее стало вмешиваться в политические процессы всего региона. Так, ИДУ принимало активное участие в гражданской войне в Таджикистане на стороне Объединенной таджикской оппозиции. В 1999 и 2000 гг. члены этой организации совершили вылазки с северной территории Таджикистана в южные районы Кыргызстана.

В Узбекистане, где 93% населения являются представителями ислама ханафитского мазхаба, зарегистрировано более 2200 религиозных организаций, из которых более 2 тысяч являются исламскими.

¹ Закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 марта 2009 г. (в ред. Закона от 28.06.2011 г. № 739). – Прембула.

Узбекистан, в отличие от других государств центрально-азиатского региона, выделялся жесткой позицией по отношению к радикальным организациям. По сравнению с Таджикистаном и Кыргызстаном в Узбекистане не было событий, которые бы привели к этническим столкновениям (как, например, гражданская война в РТ и Ошские события 1990, 2010 гг.) или к государственным переворотам (как в Кыргызстане). В свою очередь, международные правозащитные организации предъявляли обвинения режиму Каримова в жестком подавлении политической оппозиции, как это произошло в Фергане в 1990 г. и в Андижане в 2005 г. Режим, созданный И. Каримовым, эксперты оценивают как наиболее близкий к турецкой модели «умеренного ислама», а сам Узбекистан – как страну, в которой проводится эксперимент по апробации данной модели в регионе¹.

Религиозная политика в Узбекистане построена на принципах светскости и толерантности к представителям других религий. Согласно Закону РУ «О свободе совести и религиозных организациях», в Узбекистане не допускается какого-либо принуждения в получении религиозного образования, вовлечении несовершеннолетних в религиозные организации, а также обучении их религии вопреки их воле, воле родителей или лиц, их заменяющих (ст. 3 закона); система образования отделена от религии, не допускается включение религиозных дисциплин в учебные программы системы образования (ст. 7 закона); право на светское образование обеспечивается гражданам республики независимо от их отношения к религии (ст. 7 закона)².

В число запрещенных экстремистских и террористических организаций в Узбекистане включены организации, ставящие своей целью свержение конституционного строя государства, в том числе такие партии, как «Бирлик», «Эрк», Партия свободных крестьян, Партия возрождения, а также «Хизб ут-Тахрир» и ИДУ.

¹ Узбекистан как лаборатория (18.09.2016) // URL: http://www.evrey.com/sitep/analysis/print_arkh.php?menu=09-16/18

² Закон РУ «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 мая 1998 г. // URL: http://lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=65089

7 февраля 2017 г. президент РУ утвердил Стратегию развития на 2017–2021 гг. по пяти приоритетным программам развития. Среди основных направлений значится и развитие религиозной толерантности, безопасности и межнационального согласия¹. За период пребывания Ш. Мирзиёева в должности главы государства в стране произошел ряд демократических преобразований, в числе которых можно назвать курс на расширение роли парламента и местного самоуправления. Однако общий курс государства в плане расширения политической конкуренции останется прежним, так как исторический опыт времен перестройки показал, что расширение избирательного права для политических партий способно привести к власти исламистов, которые при должном финансировании смогут воспользоваться поддержкой населения.

Религиозная картина в Казахстане носит более мягкий характер. Из-за кочевого образа жизни и длительного исповедования тенгрианства казахи, как и кыргызы, оказались менее подверженными исламистским взглядам. Большинство населения страны придерживается умеренного ислама, соблюдая лишь часть религиозных обрядов. В традиции, как и в религии казахстанских мусульман, также сохранились обряды из тенгрианства. Однако и эта страна оказалась не защищенной от исламизации. После падения СССР в стране стало резко расти количество мечетей и религиозных образовательных организаций. Неверное понимание ислама привело к искажению его канонов, что также подкреплялось проникновением в республику представителей исламского экстремизма, проповедующих деструктивные религиозные взгляды.

В 2011 г. указом президента Казахстана Н. Назарбаева было создано Агентство по делам религий. В том же году глава ведомства Кайрат Лама Шариф заявил, что в стране намечается разработка концепции умеренного ислама, основанной на традициях предков, сложившихся на основе длительной практики. Также,

¹ Пять приоритетов Стратегии развития Узбекистана (16.02.2017) // URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2017-02-16--pjat-prioritetov-strategii-razvitija-uzbekistana-28447>

по его мнению, в Казахстане необходимо «заново развивать традиции в отношении ритуалов, ношения одежды, в этом у нас есть свое собственное видение»¹.

Позиция руководства Казахстана о необходимости разработки собственной национальной идеи и борьбы с религиозным радикализмом находит свое отражение в государственных стратегиях, которые прописаны как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В своем послании народу Казахстана в 2012 г. президент страны отметил важность разработки программы по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом. «Светский характер нашего государства – это важное условие успешного развития Казахстана... Поручаю правительству совместно с моей администрацией разработать государственную программу по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом. В то же время я хочу предостеречь нацию. Борьба с экстремизмом не должна превращаться в охоту на ведьм и перерастать в борьбу с религией»², – отметил Н. Назарбаев.

Казахстан, в соответствии с принятыми решениями в рамках борьбы с религиозным экстремизмом и строительством национальной идентичности, проводит политику укрепления позиций казахской культуры в обществе. Одним из направлений этой политики явились запреты на ношение черного одеяния для женщин, коротких брюк и бороды для мужчин. По мнению главы государства, это не соответствует традициям народа Казахстана, а черную одежду казахские женщины носили во время траура. С аналогичной инициативой неоднократно выступал и президент Кыргызстана А. Атамбаев, который призывал не следовать культуре других народов³.

¹ В Казахстане будут развивать умеренный ислам (08.06.2011) // URL: <https://www.kursiv.kz/news/obshestvo/v-kazahstane-budut-razvivat-umerennyj-islam/>

² Послание Президента РК Н. Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 г.: Стратегия «Казахстан–2050»: Новый политический курс состоявшегося государства // URL: www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-narodu-kazahstana-14-dekabrya-2012-g

³ Назарбаев: в Казахстане надо запретить бороды и короткие брюки для мужчин, черные одежды для женщин (19.04.2017) // URL: <https://www.currenttime.tv/a/28439589.html>

В Казахстане с 70-процентным мусульманским населением зарегистрировано более 3600 религиозных организаций, из которых более 2500 являются исламскими¹. В стране функционируют крупные духовные учебные заведения, где преподаются исламские дисциплины и проводятся курсы повышения квалификации имамов. Среди них Исламский институт повышения квалификации имамов, Исламский университет «Нур-Мубарак», а также Казахско-Египетский университет «Нур».

Среди стран Центральной Азии необходимо отметить необычную форму ислама в Туркменистане. Власти страны изначально провозгласили, что будут возвращаться к исламу как части национальной религии. В 1994 г. был создан Совет по делам религии при президенте страны. В 2000 г. под знаком борьбы с экстремизмом в Туркменистане были сожжены десятки тысяч экземпляров Корана, переведенных на туркменский язык опальным имамом Хаджаахметом Оразклычевым.

В период правления Сапармурада Ниязова (Туркменбаши) в Туркменистане было обязательным изучение книги «Рухнама» наряду с Кораном. «Рухнама» преподносилась как историческая летопись туркменов, рассказывающая о жизни и традициях народа. Таким образом, рухнамизация населения стала основным направлением государственной политики по отношению к религиозным организациям и религии в целом.

Сегодня в Туркменистане под руководством главы государства Г. Бердымухаммедова осуществляется жесткий контроль над количеством религиозных учебных заведений исламского толка. В стране насчитывается не более четырехсот мечетей. Роль «Рухнамы» с момента смерти Туркменбаши стала снижаться². К 2014 г. изучение «Рухнамы» в качестве обязательной дисциплины в школах и основного предмета при вступительных экзаменах было отменено. Из библиотек была изъята большая часть ее экземпляров, их место заняли произведения, написанные Г. Бердымухаммедовым.

¹ Религиозные объединения Республики Казахстан (по сост. на 10.08.2016 г.) // URL: http://www.din.gov.kz/rus/religioznye_obedineniya/?cid=0&gid=1638

² Малащенко А. Туркмения: была ли оттепель? // Брифинг. – 2012. – Июнь. – С. 3.

В заключение необходимо добавить, что ислам в Центральную Азию пришел преимущественно из арабских стран в результате завоеваний VII–VIII вв. С тех пор в регионе произошло множество событий, в результате которых происходило образование и миграция народов. В процессе этнорелигиозной эволюции народы Центральной Азии пребывали под доминированием различных религиозных взглядов, начиная от язычества, заканчивая атеизмом и исламом, что отразилось на особой бытовой, умеренной форме восприятия религии.

Государства Центральной Азии не являются в чистом виде «исламскими», правящим в них режимам путем применения превентивных мер удается сохранять в них светскость, при этом соглашаясь с доминирующим положением ислама в стране. Во внутренней политике центральноазиатских республик наблюдается попытка модернизации государства совместно с исламскими традициями, иначе говоря, строительство национальной идентичности с обязательным включением в нее ислама, прежде всего, как части национальной культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Воробьев П. С. О генезисе и сущности понятия религиозной безопасности	5
Асланова И. Ш. Государственная политика Кыргызской Республики в области обеспечения религиозной безопасности	16
Эсенбекова А. Т. Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики противодействия религиозному экстремизму (на примере Кыргызской Республики)	38
Таткало Н. С. Политический режим Кыргызской Республики в условиях укрепления ислама и нарастания угрозы религиозной безопасности	67
Мураталиева З. Т. Возможности и ограничения моделей взаимодействия государства и «умеренного ислама» на пространстве Кыргызстана как важного фактора укрепления религиозной безопасности	81
Омаров Е. М., Эржанова Э. Д. Современные цифровые технологии как инструмент религиозного радикализма и распространения экстремизма в Кыргызстане	87
Эсенбекова А. Т. К вопросу о религиозной безопасности как важной сфере национальной безопасности Кыргызской Республики	109
Таткало Н. С. Религиозная ситуация в Кыргызстане через призму угрозы роста протестных настроений	126
Асанбеков М. К. Умеренный ислам в Кыргызстане как один из факторов стабильного и безопасного развития общества	141
Мураталиева З. Т. Попытки модернизации ислама в Центральной Азии: сохранение светскости, поддержка «мирного» ислама ...	149

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КЫРГЫЗСТАНА**

Сборник статей

Отв. редактор *А. Л. Салиев*

Авт. коллектив:

*М. К. Асанбеков, З. Т. Мураталиева, А. Т. Эсенбекова,
Н. С. Таткало, П. С. Воробьев, Э. Д. Эржанова,
И. Ш. Асланова, Е. М. Омаров*

Тех. редактор *Т. А. Кузьмина*

Подписано в печать 24.12.2017 г.
Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆
Объем 9,9 п. л. Тираж 250 экз. Заказ № 152

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2